

К О Л М
Т О Й Б И Н
Д О М
И М Ё Н

Р О М А Н

Колм Тойбин

Дом имён

House of names by COLM TÓIBÍN

Copyright line: © The Heather Blazing Ltd., 2017

Все права защищены.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Rogers, Coleridge & White Ltd и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© «Фантом Пресс», издание, 2018

* * *

Клитемнестра

Я привыкла к запаху смерти. Тошнотворный, приторный дух, что плыл по ветру к комнатам этого дворца. Теперь мне легко быть спокойной и умиротворенной. По утрам я смотрю на небо, на перемену света. Пока мир наполняется сокровенными своими радостями, накатывает птичье пение, а затем, когда день увядает, увядает и стихает звук. Я наблюдаю, как удлиняются тени. Столько всего ускользнуло, а дух смерти все мешкает. Может, этот запах проник в мое тело и был встречен там как старый друг, заглянувший в гости. Запах страха и смятения. Запах – он здесь, как самый воздух: он возвращается так же, как по утрам возвращается свет. Он мой постоянный спутник – придает жизни моим глазам, глазам, что сделались тусклыми от ожидания, но теперь они не тусклы, сейчас их озаряет блеск.

Я велела оставить тела на солнце, на день-другой, пока сладость не уступила вони. Нравились мне и слетевшиеся мухи, их тельца растеряны и отважны, жужжат после пиршества, удручены неутолимим голодом, какой чувю в себе, голодом, какой познала и я – и научилась ценить.

Мы все теперь голодны. Пища лишь возбуждает в нас аппетит, затачивает зубы: от мяса мы делаемся жаднее до мяса – как от смерти делаемся жаднее до смерти. Убийство придает нам жадности, наполняет душу удовлетворением – яростным, а затем таким сладостным, что порождает вкус на дальнейшее удовлетворение.

Нож, что пронзает мягкую плоть за ухом, проникновенно и точно, а затем движется поперек горла столь же беззвучно, как солнце по небу, но с большей прытью и пылом, и потом темная кровь струится с тем же неустранимым безмолвием, с каким сходит ночь на знакомые предметы.

* * *

Волосы ей обрезали прежде, чем тащить ее к месту заклания. Руки у моей дочери были стянуты за спиной, кожа на запястьях стерта веревками, щиколотки связаны. Рот заткнут, чтобы не кляла она своего отца, своего трусливого, двуличного отца. Тем не менее ее приглушенный крик был услышан, когда она в конце концов осознала, что отец действительно собирается убить ее, что действительно хочет пожертвовать ею ради своего войска. Волосы ей брили в спешке, небрежно: одна из женщин ухитрилась порезать ржавым лезвием кожу на голове моей дочери, а когда Ифигения

начала изрыгать проклятья, рот ей завязали тряпкой, чтобы не слышно было ее слов. Горжусь, что она не прекращала бороться, ни на единый миг, и, хоть и произнесла заискивающую речь, с участью не смирилась. Не оставляла попыток ослабить путы на щиколотках и веревки на запястьях, чтобы освободиться. Не перестала и клясть своего отца, чтобы чувствовал тяжесть ее презрения.

Никто теперь не желает повторять то, что произнесла она, пока не заглушили ее голос, но я знаю, каковы были ее слова. Я сама научила ее им. Те слова я придумала, чтобы уничтожить ее отца и его приспешников с их нелепыми целями: те слова провозглашали, что произойдет с ним и его ближними, когда разлетится весть, как выволокли они нашу дочь, гордую красавицу Ифигению, на это место, как протащили ее в пыли, чтобы принести в жертву и так победить в своей войне. В тот последний миг ее жизни, как мне сказали, она кричала в голос, чтобы пронзило сердца тех, кто ее слышал.

Они убили ее, и к возвращению Агамемнона, ее отца, крик сменился безмолвием – и кознями: я заморочила голову супругу, чтобы думал, будто я не стану мстить. Я ждала знаков, и улыбалась, и открывала ему объятия, и приказывала подать яства к обеду. Обед для олуха! Носила на себе особый аромат, что будоражил его. Благовоние для болвана!

Я приготовилась – в отличие от него, героя, вернувшегося домой со славной победой; кровь дочери – у него на руках, но теперь словно бы отмытых от всякой скверны, ладони белы, объятия распахнуты друзьям, лицо сияет улыбкой, великий воин, что вскоре, как считал он, вознесет торжествующий кубок и положит в рот сочную пищу. В раззявленный рот! Воин, довольный, что вернулся домой!

Видела я те ладони, сжатые от внезапной боли, сжатые от жуткого внезапного знания, какое наконец настигло его – в его собственном дворце, в мирное время, когда не сомневался, что порадует старую каменную ванну и легкости, какую в ней можно обрести.

Это вдохновляло его не сдаваться, говорил он, – мысль о том, что ждет его: целительные воды, и пряности, и мягкие чистые одежды, и привычные воздух и звуки. Словно лев, упокоивший морду, когда прорычал свое, тело вялое, а любая мысль об опасности – вдали от ума.

Я улыбнулась и сказала, дескать, да, я тоже думала о приеме, какой ему окажу. Мое бодрствование и мои грезы, сказала я, наполнились им. Я грезила, как восстанет он, очищенный, из душистой воды. Сказала ему, что ванну ему приготовили – как приготовили и яства, и накрыли стол, и собрали друзей. И надо пойти туда, сказала я, надо ему пойти и принять

ванну. Непременно принять ванну, ванну облегчения: вот он и дома. Да, дома. Вот куда вернулся лев. Я знала, что́ делать со львом, когда тот вернется домой.

* * *

Доносчики сообщали мне, когда он возвратится. Люди разжигали костры, те несли весть другим холмам, где люди разжигали костры, чтобы уведомить меня. Вести принес огонь, а не боги. Ныне среди богов нет никого, кто мне предлагает содействие – или надзирает за моими поступками, или читает мои мысли. Ни к кому из богов не обращаюсь я. Живу одна в дрожжом, уединенном знании, что время богов миновало.

Никаким богам не молюсь. Одинока я среди здешних, потому что не молюсь – и никогда больше не стану. Буду говорить обыденным шепотом. Говорить словами, что родились в миру, и слова эти будут исполнены сожаления по утраченному. Буду произносить звуки, похожие на молитвы, но молитвы без истока и предназначения, даже человеческого, ибо дочь моя мертва и не услышит.

Я знаю как никто другой, что боги отстранены, у них нет других забот. Им так же нет дела до человеческих страстей и выходов, как мне нет дела до листвы на деревьях. Я знаю, что листва есть, она вянет, и отрастает вновь, и вновь вянет – как появляются на свет и живут люди, а затем их замещают им подобные. Я не в силах помочь им или предотвратить их увядание. Я не вмешиваюсь в их страсти.

Хочется встать и рассмеяться. Услышьте, как я хихикаю, а затем вою от смеха – от одной лишь мысли, что боги позволили моему супругу победить в его войне, что они вдохновили все его помыслы, какие он вносил, каждое совершенное движение, что они знали о его смутных настроениях по утрам, о причудливых и нелепых восторгах, какими пылал он ночами, что слушали его молитвы и обсуждали их у себя в божественных чертогах, что с одобрением наблюдали за убийством моей дочери.

Сделка оказалась проста – или же счел ее таковой он сам, или войско его так считало. Убить невинную девушку ради перемены ветров. Забрать ее из мира, применить нож к ее плоти и тем добиться, чтобы никогда не вошла она больше в комнату, не проснулась поутру. Лишить мир ее красоты. А в награду боги сделают так, чтобы ветер сменился в пользу ее отца, когда понадобится его парусам. В прочие дни боги усмирят ветер – когда он понадобится его врагам. Боги одарят его воинов бдительностью и отвагой, а врагов наполнят страхом. Боги придадут его мечам силы, сделают их стремительными и острыми.

Пока был жив, он и ближние его верили, что боги некогда следили за их судьбами и заботились о них. О каждом. Но теперь скажу я, что нет, не заботились – и не заботятся ныне. Наши призывы к богам суть то же, что призывы звезды в небе перед падением, это звук, нам не слышный, звук, к которому, улови мы его, остались бы равнодушны.

У богов свои неземные заботы, для нас невообразимые. Богам едва ль известно, что мы живы. Для них, послушай они нас, мы были б как нежный звук ветра в кронах деревьев – далекий, ненавязчивый шорох.

Знаю, так было не всегда. Были времена, когда боги являлись поутру будить нас, когда расчесывали нам волосы, и насыщали наши рты сладостью речи, и прислушивались к нашим желаниям, пытались исполнить их, когда читали наши мысли и умели подавать знаки. Недавно, на нашей памяти, было слышно женщин, плакавших перед приходом смерти в ночи. Так умиравших призывали домой, приближали их побег, смягчали их трепетное странствие к месту покоя. Мой супруг был со мной во дни перед смертью моей матери, и мы оба слышали это, и моя мать тоже слышала, и ее утешало, что смерть готова призвать ее своим плачем.

Тот шум прекратился. Нет больше плача, подобного ветру. Мертвые гаснут своим чередом. Никто не помогает им, никто не замечает, если не считать тех, кто был с ними рядом в краткое долгие время. Когда исчезают они с лица земли, боги не нависают над ними, нет того призрачного, свистящего звука. Я замечаю это – тишину вокруг смерти. Они удалились – те, кто следил за смертью. Их нет, и они не вернуться.

Моему супругу повезло с ветром, вот и все, и повезло, что его люди храбры, повезло, что он победил. Запросто могло сложиться иначе. Не стоило приносить нашу дочь в жертву богам.

Моя нянька находилась при мне, когда я родилась. В ее последние дни непостижимо было, что она умирает. Я сидела с ней, мы беседовали. Раздайся хоть самый малый плач, мы бы услышали. Но ничего, ни единый звук не провожал ее к кончине. Тишина – или обычные звуки из кухни, или лай собак. А затем она умерла, затем перестала дышать. Для нее все завершилось.

Я вышла вон и глянула в небо. И осталась мне лишь заветренная речь молитв, ничего больше. То, что когда-то имело силу и добавляло смысл всему, теперь сделалось брошенным, чужим, со своей печальной, хрупкой мощью, со своей памятью, запертой в его ритмах, о красочном прошлом, когда наши слова возносились и исполнялись. Ныне же эти слова – в ловушке времени, в них одни лишь пределы, попросту отвлечения, они столь же мимолетны и однообразны, как вдохи и выдохи. Они питают в нас

жизнь, и, вероятно, за это – хотя бы в сей миг – нам следует быть благодарными. Больше ничего нет.

* * *

Велела убрать и похоронить тела. Сейчас сумерки. Можно открыть ставни на террасе и посмотреть на последние золотые следы солнца и на стрижей, что описывают дуги в воздухе, движутся, словно хлысты, в плотном наклонном свете. Воздух густеет, я вижу размытые очертания. Не время для резкости – резкость мне больше не нужна. Не нужна ясность. Мне нужно время, как нынешнее, когда каждый предмет перестает быть собой, сплавляется с тем, что рядом, как и всякий поступок, совершенный мной и другими, прекращает быть отдельным и ждет, когда кто-нибудь явится рассудить или записать его.

Ничто не устойчиво, не замирает в этом свете ни один цвет; тени становятся темнее, и земные предметы сливаются друг с другом, как сливаются в единый поступок действия, которые мы все совершили, и все наши крики и жесты сплавляются в единый крик, единый жест. Утром, когда свет омыт тьмой, мы вновь встретимся с ясностью и отдельностью. А пока же место, где живет моя память, – сумрачно, неопределенно, смягчено рыхлыми, размытыми кромками, и этого пока достаточно. Может, я даже посплю. Знаю, что в полноте дневного света моя память вновь обретет отчетливость, станет точной, прорежется сквозь происшедшее, как кинжал, лезвие которого наточили для дела.

* * *

В одной пыльной деревне за рекой, ближе к синим горам, жила женщина. Была она старой и неприятной, но обладала силами, недоступными прочим. Попусту она их не тратила, доложили мне, и обыкновенно вообще не желала их применять. У себя в деревне она частенько платила самозванкам, женщинам старым и бывалым, как и она сама, – женщинам, что сиживали при входе в дома, щурясь на солнце. Старуха платила им, чтобы они изображали ее и морочили головы посетителям – пусть те думают, будто самозванки наделены силами.

Мы наблюдали за той старухой. Эгист, мужчина, который делит со мной ложе – и разделит со мной это царство, – научился при помощи каких-то людей, что были под его влиянием, различать среди старух подсадных, лишенных всяких сил, и ту, настоящую, что могла, когда хотела, пропитать ядом любую ткань.

Всяк облаченный в такую ткань застывал, лишался возможности

двигаться, а также делался безгласным, совершенно беззвучным. Не мог вскрикнуть, каким бы внезапным ни было потрясение или свирепой боль.

Я замыслила напасть на супруга, когда он вернется. Буду ждать его, сияя улыбкой. Бульканье, какое услышу я, когда перережу ему глотку, сделалось мне наваждением.

Стражники привели старуху. Я велела запереть ее в глубине дома, в кладовой – в сухой комнате, где хранят зерно. Эгист, в ком способности убеждать развиты были так же, как силы старухи приносить смерть, знал, что́ сказать той женщине.

И Эгист, и старуха действовали скрытно и коварно. Я же держалась прозрачности. Жила на свету. Отбрасывала тени, однако в тени сама не обитала. Готовясь, я оставалась полностью освещенной.

Мне требовалось простое. У моего супруга был сетчатый хитон, в котором он иногда выходил после ванны. Я хотела, чтобы старуха вплела в него нити – нити, которые смогут обездвигить моего супруга, когда хитон коснется его кожи. Нити должны быть как можно незаметнее. И Эгист предупредил ее, что мне нужна не только хитрость, но и безмолвие. Я желала, чтобы, когда буду убивать Агамемнона, никто не услышал его криков. Желала, чтоб не издал он ни звука.

Поначалу старуха прикидывалась, что она самозванка. И хотя я не показывала ее никому, кроме Эгиста – он же носил ей еду, – она догадалась, зачем ее привели, догадалась, что привели ее помочь в убийстве Агамемнона, царя, великого, кровожадного воина, победоносного, который вскоре вернется домой. Старуха считала, что боги на его стороне. В намерения богов не желала вмешиваться.

С самого начала я знала, что легко с нею не будет, но знала и вот еще что: с теми, кто держится старой веры – веры, что мир неизменен, – иметь дело проще.

Поэтому я и решила привлечь ее. Время у меня было. Агамемнон вернется через несколько дней, и меня предупредят о его приближении. Тогда у нас уже были лазутчики в его лагере – и люди на холмах. Я все предусмотрела. Продумала каждый шаг. Слишком во многом полагалась я прежде на удачу, не учла многих чужих капризов и нужд. Слишком многим доверилась.

Я велела вывести пойманную нами ядовитую каргу к окну в высокой стене коридора, рядом с комнатой, где ее содержали. Приказала поставить это злобное создание так, чтобы виден ей был обнесенный стеной сад. Знала, что́ она там увидит. Увидит свою золотую внученьку, свет ее жизни. Мы забрали ребенка из деревни. Внучка тоже была нашей узницей.

Я подговорила Эгиста сказать старухе, что если впрядет она яд в хитон и яд подействует – и она, и ее внучка тут же освободятся и их отпустят домой. Приказала Эгисту не завершать следующую фразу, что начиналась со слов: «А если откажешься...» – но лишь глянуть на старуху с таким ясным намерением и угрозой, чтобы та задрожала – или, скорее, попробовала бы утаить любые признаки страха.

Вот так все и сладилось. Вплетение нитей, как мне донесли, заняло недолго. Хотя Эгист сидел подле старухи, пока та работала, новых нитей в хитоне, когда она закончила, разглядеть он не смог. Когда все было готово, она лишь попросила его обойтись с ее внучкой по-доброму, пока она здесь, а когда они с внучкой вернутся в деревню, устроить все так, чтобы никто не заметил и не знал, кто их сопровождал и где они были. Смотрела она холодно, и по ее взгляду он понял, что задача выполнена и славные смертоносные чары на Агамемнона подействуют.

* * *

Его участь запечатлелась в камне, когда отправил он весть, что, прежде чем начнутся сражения, желает он способствовать замужеству своей дочери, что желает духа любви и возрождения рядом с собою, чтобы укрепить себя и наполнить всех, кто с ним, радостью – перед тем, как отправятся они убивать и завоевывать. Среди юных воинов, сказал он, есть Ахилл, сын Пелея, человек, которому суждено превзойти в величии своего отца. Ахилл был красив, писал мой супруг, и само небо воссияло, когда узрело, как Ахилл просит руки нашей дочери Ифигении, а все, кто был рядом, благоговеино смотрели.

«Приезжай на колеснице, – гласило его послание. – Путь займет три дня. В приготовлениях к свадьбе не упusti ничего. Возьми с собой Ореста. Он достаточно взросл и сможет насладиться зрелищем воинов во дни перед битвой и присутствовать на свадьбе своей сестры и человека столь благородного, как Ахилл. Власть передай Электре, пока тебя нет, и накажи ей помнить ее отца и применять власть достойно. Мужи, которых не взял я с собой, – те, что слишком стары для сражения, – наставят ее, окружат заботой и мудростью, пока не вернутся их мать, сестра и брат. Пусть слушает старших так же, как свою мать в мое отсутствие. Затем, когда мы возвратимся с войны, власть вернется в должные руки. После триумфа будет покой. Боги за нас. Я убежден, что боги за нас».

Я поверила ему. Отыскала Ифигению и сказала ей, что она отправится со мной в лагерь к отцу и выйдет замуж за воина. Сказала ей, что портнихи будут трудиться весь день и всю ночь – готовить ее наряды, которые мы

заберем с собой. Добавила к словам Агамемнона и свои. Сказала дочери, что Ахилл, ее будущий муж, нежен в речах. Добавила и других слов – слов, что теперь мне горьки, слов, ныне исполненных стыда. Что Ахилл смел, обожаем, а его обаяние не сделалось грубым, невзирая на силу.

Говорила и большее, когда в комнате появилась Электра и спросила, чего это мы шепчемся. Я сказала Электре, что Ифигения, старше ее на год, собирается замуж, Электра улыбнулась и взяла сестру за руки, когда я сообщила, что все наслышаны о красоте Ифигении, что известно о ней уже много где, и Ахилл ждет ее, и отец ее не сомневается, что придет время, когда о невесте и о дне ее свадьбы сложат сказания, что само небо сияет, солнце высоко в небесах, боги улыбаются, а воины в нескольких днях до сражения обрели храбрость и стойкость от света любви.

Да, я сказала «любовь», я сказала «свет», я сказала «боги», я сказала «невеста». Я сказала «стойкость перед сражением». Я называла его и ее имена. Ифигения, Ахилл. А затем кликнула портних, чтобы взялись готовить моей дочери платье, достойное ее лучезарности, какая в день свадьбы сравнится с яркостью солнца. И сказала Электре, что отец доверяет ей остаться здесь со старейшинами, что ее острый ум и умение замечать и помнить – гордость отца.

И через несколько недель, золотым утром, в сопровождении нескольких женщин мы отправились в путь.

* * *

Когда мы прибыли, Агамемнон нас ждал. Шел к нам неспешно, и лицо его было таким, какого я никогда прежде не видела. У него на лице, подумала я, скорбь, а также удивление и облегчение. Может, и еще что-то, но заметила я вот это. Скорбь, подумала я, потому что скучал он по нам, его давно не было, и он выдает замуж дочь; удивление – потому что слишком долго он нас представлял себе, и вот мы здесь, во плоти, наяву, восьмилетний Орест перерос любые отцовские грезы, а Ифигения, шестнадцати лет, расцвела. Облегчением он лучился, подумала я, потому что мы целы, он цел, и всем нам довелось побыть вместе. Когда подошел он обняться, я ощутила его страдальческое тепло, но, когда отстранился он и оглядел воинов, что явились с ним, я увидела в нем силу, силу вождя, готового к битве, ум увлечен стратегией, решениями. Агамемнон и его люди – образ чистой воли. Я вспомнила, как заморозила меня эта воля, когда мы сами женились, а в тот день образ воли сделался еще ярче.

И я увидела, что, в отличие от подобных ему, он был готов слушать, как и теперь, – или будет готов, когда мы уединимся.

И тут он подхватил на руки Ореста, рассмеялся и понес его к Ифигении.

Он был сплошь очарование, когда обратился к дочери. И будто чудо произошло, когда я на нее посмотрела: словно неведомая женщина нежданно явилась на землю, облеченная нежностью, смешанной с выдержкой, с отстраненностью от обыденного. Ее отец двинулся обнять ее, все еще держа на руках сына, и всем, кто желал бы знать, как выглядит любовь, всем, кто собирался в бой и стремился увидеть облик любви, взять его с собой как оберег и поддержку, был этот облик явлен – как нечто драгоценное, высеченное в камне: отец, сын, дочь, мать, все смотрят нежно, на отцовом лице томление самого таинства любви, его тепло, его чистота, и Агамемнон тихонько поставил сына рядом, чтобы заключить дочь в объятия.

Я это видела, я в этом не сомневаюсь. В те мгновения все это было.

Но было подделкой.

Впрочем, никто из нас, приехавших к войску, в тот миг не догадался о правде, хотя кое-кто из стоявших рядом – может, и большинство – наверняка знал. Но ни один не подал знака – ни единого знака.

Небо осталось синим, а в небе жаркое солнце, а боги – о да, боги! – в тот день, казалось, улыбались нашей семье, будущей невесте и ее младшему брату, мне и отцу невесты, что держал ее в объятиях любви, а позднее стоять ему, торжествуя, среди битвы, со своим победоносным войском. Да, боги в тот день улыбались, когда явились мы в полном неведении помочь Агамемнону претворить его замысел.

* * *

На следующий день после нашего приезда мой супруг явился рано – забрать Ореста, чтоб изготовили для него меч и легкий доспех: пусть выглядит как воитель. К Ифигении пришли женщины, и воцарилась суматоха и восторги – все восхищались одеждами, какие мы привезли с собой, – и питье прохладительного, и всякая возня с облачениями. Чуть погодя я встала между нашими покоями и кухнями – послушать праздную болтовню – и услышала, как кто-то из женщин сказал, что несколько воинов переминаются рядом. Среди имен упомянули Ахилла.

Вот же странно, подумала я, что он так близко у наших покоев! А следом подумала: нет, не странно, он явился, чтоб хоть одним глазком поглядеть на Ифигению. Ну конечно, он бы пришел! Как, должно быть, не терпится ему увидеть ее!

Я вышла во двор и спросила у воинов, кто из них Ахилл. Им оказался

высокий юноша, стоявший поодаль. Когда я приблизилась, он повернулся и посмотрел на меня, и я заметила в его взгляде прямоту, а в голосе, когда он представился, – искренность. Тут и иссякнут наши тревоги, подумала я. Ахилла прислали к нам, чтобы покончить с тем, что началось еще до моего рождения, до рождения моего супруга. Некий яд в нашей крови – в крови у всех нас. Старые злодеяния и жажда мести. Старые душегубства и память о душегубстве. Старые войны и старые коварства. Старое варварство, старые стычки, времена, когда люди поступали, как волки. Все теперь кончится, когда этот мужчина женится на моей дочери, думала я. Увидела будущее как землю избытка. Увидела, как мужает Орест, озаренный светом супружества своей сестры и этого юного воина. Увидела я конец вражды, время, когда люди будут стареть налегке, а битвы станут предметом возвышенных разговоров к приходу ночи, и потускнеет память об изрубленных телах, о воющих голосах, что разносятся по окровавленным пустошам. Наконец можно будет толковать о героях.

Я сказала Ахиллу, кто я такая, он улыбнулся, кивнул и дал мне понять, что уже знает меня, и собрался уйти. Я окликнула его, протянула руку, чтобы взял он ее в свою – в знак того, что вскоре произойдет, и в знак долгих будущих лет.

Тело его будто вздрогнуло, когда я заговорила, он огляделся, не смотрит ли кто-то. Его сдержанность была мне понятна, и я отошла на несколько шагов и лишь тогда продолжила говорить.

– Поскольку ты женишься на моей дочери, – сказала я, – тебе, конечно же, дозволено взять меня за руку?

– Женюсь? – переспросил он. – Мне не терпится в бой. Я не знаю о твоей дочери. Твой супруг...

– Уверена, что мой супруг, – перебила я, – велел тебе не приближаться в дни перед пиршеством, но не приближаться к моей дочери, а не ко мне. В грядущие дни все изменится, но, если тебе тревожно со мной беседовать перед свадьбой с моей дочерью, я лучше вернусь к женщинам, удалюсь от тебя.

Говорила я тихо. На лице у него написалось страдание, растерянность.

– Ты заблуждаешься, – сказал он. – Я жду сражения, а не суженой. Никаких свадеб, пока мы ждем перемены ветра, пока ждем мы, чтоб наши суда перестало бить о скалы. Пока ждем мы...

Он нахмурился, словно бы спохватившись, чтобы не договаривать то, что начал.

– Возможно, мой супруг, – сказала я, – призвал сюда мою дочь, чтобы после сражения...

– После сражения я отправлюсь домой, – перебил меня он. – Если уцелею в бою – отправлюсь домой.

– Моя дочь приехала сюда, чтобы выйти за тебя замуж, – проговорила я. – Ее призвал отец, мой супруг.

– Ты заблуждаешься, – молвил он, и я вновь увидела благородство, оттененное твердостью и решимостью. На миг мне пригрезилось будущее – будущее, что преобразит для нас Ахилл, время, что начнется в пространстве, где смягчены все углы, а тени обласканы, и я состарюсь там, Ахилл возмужает, моя дочь Ифигения станет матерью, а Орест обретет мудрость. Внезапно мне показалось, что в том будущем мире нет места Агамемнону, не заметила я там и Электры, и на миг я замерла и едва не охнула от маячившей темной брешы. Попыталась поместить их обоих в картину грядущего – и не сумела. Ни того, ни другой не смогла рассмотреть, и было там еще что-то незримое для меня, Ахилл же возвысил голос, будто пытаюсь привлечь мое внимание.

– Ты заблуждаешься, – повторил он, а затем заговорил тише: – Твой супруг обязан был сообщить тебе, зачем твою дочь призвали.

– Мой супруг, – сказала я, – лишь встретил нас по прибытии. Больше ничего не сказал.

– Ты, значит, не ведаешь? – спросил он. – Возможно ли это – что ты не ведаешь?

Лицо у него потемнело, голос едва не сорвался на этом вопросе.

Я сгорбилась, уходя от него, и отправилась туда, где были моя дочь и остальные женщины. Они почти не заметили меня – восхищались каким-то шитьем, увлеченно разглядывали какую-то ткань. Я села одна, подальше от них.

* * *

Я не знаю, кто сказал Ифигении, что не замуж выдадут ее, а принесут в жертву. Не знаю, кто ей сообщил, что не стать Ахиллу супругом ее, но она была готова подставить горло под острый тонкий нож у всех на виду, пока многочисленные зеваки, включая ее же отца, пялились на нее, а люди, назначенные для этой цели, нараспев возносили моления богам.

Когда женщины разошлись, я заговорила с Ифигенией – тогда она еще не знала. Но в следующий час-другой, пока мы ждали возвращения Ореста, пока я лежала без сна, а Ифигения сновала туда и сюда по нашим покоям, кто-то сказал ей – прямо и точно. Я осознала, как обманулась в вере, будто найдется какое-нибудь простое объяснение, почему Ахилл не осведомлен о свадебных замыслах. Несколько раз меня посещала пронзительная догадка

о правде, но то, что кто-то собрался навредить Ифигении, казалось совсем невозможным – из того, как мой супруг встречал нас у всех на виду и как женщины из его лагеря устремились разглядывать облачения.

Я перебрала в уме разговор с Ахиллом, вспомнила каждое слово. Когда Ифигения пришла ко мне, я не сомневалась, что к ночи получу вести, какие успокоят меня, и все разрешится. Я была уверена в этом, даже когда она заговорила, когда начала излагать мне, что ей стало известно.

– Кто тебе сказал? – спросила я.

– Ко мне отправили женщину, чтобы она сообщила.

– Которую?

– Я ее не знаю. Лишь знаю, что ее послали ко мне сообщить.

– Кто послал?

– Мой отец, – ответила она.

– Можно ли не сомневаться? – спросила я.

– Я не сомневаюсь, – проговорила она.

Мы ждали, когда вернется Орест, ждали, чтобы умолить того, кто с ним будет, отвести нас к Агамемнону или позволить нам послать ему сообщение, что нам необходимо прийти и поговорить с ним. Ифигения то и дело брала меня за руку, сжимала ее – и отпускала, вздыхая, в ужасе закрывая глаза, а затем открывая их и вперя пустой взгляд вдаль. Но, пока мы ждали, мне по-прежнему думалось, что ничего не случится, что все это, вероятно, пустяк, что замысел принести Ифигению в жертву богам – слух, распушенный женщинами, и что подобные слухи легко разлетаются среди беспокойных воинов и их окружения в дни перед битвой.

Мне то становилось смутно и беспокойно, то я вдруг чувствовала, что худшее – впереди, и моя дочь вновь отыскивала мою руку и сжимала ее сильнее, яростнее. Раз-другой я подумывала, не удастся ли нам сбежать отсюда, не податься ли нам в ночь и не отправиться ли домой – или в иное убежище, не найти ли кого-то, кто уведет Ифигению, спрячет ее, найдет ей укромное место. Но я не знала, куда нам идти, и понимала, что будет погоня и нас найдут. Раз Агамемнон заманил нас сюда, он, несомненно, устроил так, чтобы за нами следили и нас стерегли.

Много часов просидели мы в тишине. Никто к нам не приближался. Мало-помалу я почувствовала, что мы здесь узники – и были узниками с мига прибытия. Нас завлекли обманом. Агамемнон осознавал, как взбудоражит меня весть о женитьбе, и таков был его замысел, чтобы заманить нас сюда. Ничто иное бы не подействовало.

Сперва мы услышали голос Ореста, задорный клич, а следом, к моему ужасу, – голос его отца. Когда они пришли, оживленные, глаза сияют, мы

поднялись им навстречу. Агамемнон вмиг понял: женщина, которую он подослал, доложила Ифигении, что было велено. Он склонил голову, а затем вскинул ее и рассмеялся. Предложил Оресту показать нам меч, выкованный и отполированный для него лично, велел показать доспехи, изготовленные для Ореста. Агамемнон достал и свой меч – и с деланой серьезностью наставил его на Ореста, а тот, следуя подробным указаниям отца, скрестил с ним свое оружие и встал в боевую стойку напротив.

– Он великий воин, – проговорил Агамемнон. Мы наблюдали за ним холодно, отчужденно.

Я уже собралась позвать няньку Ореста, чтобы мальчика увели, уложили спать, но происходившее между Агамемноном и Орестом удержало меня. Агамемнон будто знал, что должен отыграть перед сыном роль отца, изо всех сил. Было что-то в воздухе – или у нас на лицах – столь напряженное, что мой супруг, должно быть, понимал: стоит ему расслабиться и обратиться к нам – жизнь переменится и уж никогда не будет прежней.

Агамемнон не смотрел на меня – не глянул и на Ифигению. Чем дольше продолжалась его игра с Орестом, тем яснее я осознавала, что он нас боится – или боится того, что придется сказать, когда игра закончится. Он не желал, чтобы она завершалась. Он продолжал игру, этот несмелый человек.

Я улыбалась, поскольку знала: это последняя сцена счастья, какую увижу я в жизни, и отыгрывает ее мой супруг, во всей своей слабости, и тянуть он ее будет как можно дольше. Это все театр, спектакль – потешный бой на мечах между отцом и сыном. Я видела, как Агамемнон длит ее, подогревает в Оресте азарт, не утомляя мальчика, позволяя ему прочувствовать, что Орест красуется своими умениями и хочется ему еще и еще. Агамемнон управлял Орестом, а мы с Ифигенией стояли и смотрели.

На миг мне почудилось, что именно это боги с нами и сделали: отвлекли нас игрушечными распрями, кличем жизни, они отвлекли нас и образами гармонии, красоты, любви, а сами наблюдали отрешенно, бесстрастно, ждали, когда все завершится, когда нападёт усталость. Стояли в сторонке – как мы. А когда все закончилось, пожали плечами. Им больше нет дела.

Орест не желал завершать игровой поединок, но правила устанавливали предел тому, что можно, а чего нельзя. Разок мальчик приблизился слишком вплотную к отцу и оказался полностью уязвим для отцова меча. Агамемнон легонько оттолкнул сына, и тому стало ясно, что это всего

лишь игра и что мы это видели, заметили. Из-за этого понимания Орест быстро утратил пыл – и так же быстро устал и заикался. Но все равно бросать не хотел. Когда я позвала няньку, Орест расплакался. Не нужна ему нянька, сказал он, и отец взял его на руки и понес, как полено, к нашим опочивальням.

Ифигения не смотрела на меня, а я – на нее. Мы обе продолжали стоять. Сколько времени прошло, не знаю.

Когда Агамемнон возник вновь, он быстро двинулся к выходу из шатра, а затем обернулся.

– Так вам, значит, известно? – тихо спросил он. Я оторопело кивнула.

– Говорить больше не о чем, – прошептал он. – Так должно быть. Прошу, поверь мне, так должно быть.

Прежде чем оставить нас, он глянул на меня опустошенно. Едва не пожал плечами, раскинув руки ладонями вверх. Будто человек, лишенный всякой власти, – или же он изображал для нас с Ифигенией, как может выглядеть такой человек. Придавленный, такого легко обдурить или уговорить.

Этой позой великий Агамемнон отчетливо дал понять: каким бы ни было принятое решение, принял его не он сам, а другие. Дал понять, что для него, Агамемнона, все это чересчур, и он метнулся в ночь, где ждала его стража.

Далее возникла тишина – тишина, какая бывает, лишь когда армия спит. Ифигения подошла ко мне, мы обнялись. Не рыдала она и не плакала. Казалось, она больше никогда не шевельнется и поутру нас найдут в этих же объятиях.

* * *

С первой зарей я двинулась по лагерю в поисках Ахилла. Когда нашла его, он подался от меня прочь – в равной мере и с гордостью, и от страха, в равной мере и чтобы соблюсти приличия, и от неловкости: вдруг кто следит за нами. Я приблизилась, но шептать не стала.

– Мою дочь заманили сюда обманом. Использовали твоё имя.

– Я тоже гневаюсь на её отца.

– Я паду на колени перед тобой, если нужно. Можешь ли ты помочь мне в беде? Можешь ли помочь девушке, что явилась сюда стать твоей женой? Ради тебя портнихи трудились день и ночь. Ради тебя были все восторги. А теперь ей говорят, что её прикончат. Что подумают остальные, когда узнают об этом обмане? Больше некого мне умолять, и я умоляю тебя. Ты обязан мне помочь – хотя бы ради твоего собственного имени.

Дай мне руку, и я буду знать, что мы спасены.

– Не притронусь я к руке твоей. Подам тебе руку, лишь если удастся отговорить Агамемнона. Не должен был твой супруг использовать мое имя как ловушку.

– Если не женишься на ней, если...

– Мое имя тогда ничто. Моя жизнь – ничто. Лишь слабость – имя, употребленное, чтобы залучить девушку.

– Я готова привести сюда мою дочь. Да встанем мы обе перед тобой.

– Пусть побудет одна. Я поговорю с твоим супругом.

– Мой супруг... – начала я, но умолкла.

Ахилл оглядел мужчин, что стояли к нам ближе всех.

– Он наш вожак, – сказал Ахилл.

– Сможешь взять верх – будешь вознагражден, – сказала я.

Он посмотрел на меня спокойно, удерживая мой взгляд, пока я не развернулась и не пошла обратно одна через лагерь. Воины уходили с моей дороги, с глаз моих прочь, будто я, раз пытаюсь предотвратить жертвоприношение, – могучая чума, насланная на их лагерь, хуже ветра, что разбил их корабли о скалы и поднялся вновь, еще в пущей ярости.

Вернувшись в шатер, я слышала плач Ифигении. Шатер наполнился женщинами – немногими теми, кто прибыл с нами, а также явившимися накануне, теперь же – еще и прибывшимися, чтобы усилить переполох вокруг моей дочери. Я крикнула им, пусть убираются вон, они меня не послушали, и тогда я схватила одну за ухо и потащила к выходу из шатра, вышвырнула ее, двинулась к следующей, пока остальные, за исключением тех, кто прибыл вместе с нами, не бросились врассыпную.

Ифигения сидела, закрыв лицо руками.

– Что здесь происходило? – спросила я.

Одна женщина рассказала нам, что трое суровых солдат при полном вооружении явились в шатер искать меня. Когда им сказали, что меня нет, они решили, что я прячусь, и переворошили всё – и опочивальни, и кухни. А затем ушли, прихватив с собой Ореста. Когда женщина сообщила, что Ореста забрали, Ифигения заплакала. Когда его выносили наружу, он бился и сопротивлялся, сказали мне.

– Кто прислал тех солдат? – спросила я.

На миг воцарилось молчание. Никто не желал отвечать, пока одна не заговорила.

– Агамемнон, – сказала она.

Я велела двум женщинам пойти со мной в опочивальни – привести в порядок мое тело и облачение. Меня омыли со сладкими пряностями и

благовониями, а затем помогли выбрать наряд, причесали. Спросили, сопровождать ли меня, но я подумала, что отправлюсь искать супруга в лагере одна, буду выкликать его имя и угрожать любому встречному, если не помогут мне отыскать Агамемнона.

Когда я наконец нашла его шатер, путь мне преградил его человек, он спросил меня, что за дело у меня к Агамемнону.

Я пыталась убрать стража с дороги, и тут появился Агамемнон.

– Где Орест? – спросила я.

– Учится пользоваться мечом как положено, – ответил он. – За ним хорошенько присмотрят. Тут есть и другие мальчики его возраста.

– Зачем ты прислал солдат искать меня?

– Чтобы сообщить тебе, что все вскоре случится. Сначала забьют телок. Их уже ведут в указанное место.

– А дальше?

– А дальше – нашу дочь.

– Назови ее по имени!

Я не знала, что Ифигения шла за мной, и до сих пор не знаю, как превратилась она из плакавшей, запуганной, безутешной девочки в величественную юную женщину, отстраненную, суровую, что шла теперь к нам.

– Нет нужды называть мое имя, – вмешалась она. – Мне мое имя известно.

– Посмотри на нее. Ее ты намерен убить? – спросила я Агамемнона.

Он не ответил.

– Ответь на вопрос, – сказала я.

– Многое должен я объяснить, – проговорил он.

– Сначала ответь на вопрос, – сказала я. – Ответь. А потом можешь объяснить.

– Я узнала от твоей посыльной, что ты намерен сделать со мной, – молвила Ифигения. – Не надо тебе отвечать.

– Зачем тебе убивать ее? – спросила я. – Какие молитвы ты вознесешь при ее смерти? Каких благословений попросишь себе, когда перережешь глотку своему чаду?

– Боги... – начал Агамемнон – и смолк.

– Улыбаются ль боги тем, кто убивает своих дочерей? – спросила я. – А если ветер не переменится, ты и Ореста убьешь? Не для того ли он здесь?

– Орест? Нет!

– Желает ли, чтоб я послала за Электрой? – спросила я. – Желает ли подыскать имя ее супруга и обмануть ее также?

– Прекрати! – сказал он.

Ифигения двинулась к нему, и он показался едва ли не перепуганным.

– Я не красноречива, отец, – произнесла она. – Вся сила, что есть у меня, – в моих слезах, но и слез у меня больше нет. У меня есть голос, есть тело, и я способна встать на колени и просить, чтобы не отнимали у меня жизнь раньше срока. Как и тебе, мне мил свет дня. Я первой назвала тебя отцом – и я первая, кого называл ты дочерью. Ты наверняка помнишь, как рассказывал, что придет мое время и буду я счастлива в мужнином доме, и я у тебя спросила: счастливее, чем с тобой, отец? Ты улыбнулся и покачал головой, а я прижалась к твоей груди и обняла тебя. Я грезила о том, как буду принимать тебя в своем доме, когда ты состаришься, и как мы тогда будем счастливы. Говорила тебе об этом. Помнишь? Если убьешь меня, значит, то была незрелая греза, и она тебе наверняка принесет бесконечное сожаление. Я пришла к тебе одна, без слез, неготовая. Нет во мне красноречия. Я способна лишь просить тебя простым голосом, какой уж есть, отпустить нас домой. Прошу тебя сжалиться надо мной. Прошу у отца своего о том, что ни одной дочери не должно быть нужным просить. Отец, не убивай меня!

Агамемнон склонил голову, будто обрекли его самого. К нам приближались его люди, и Агамемнон глянул на них беспокойно, а следом заговорил.

– Я понимаю, что тут уместна жалость, – сказал он. – Я люблю своих детей. Люблю дочь – теперь даже больше, увидев ее такой хладнокровной, в полном цвету. Но посмотрите, сколь велика эта армия, что отправляется через море! Подготовленная, отдохнувшая, но ветер не меняется и не дает нам атаковать. Подумайте о бойцах. Пока они тут прохлаждаются, их жен похищают варвары, их земли – в запустении. Любой из них знает, что к богам уже воззвали, и любой знает, что боги велели мне сделать. Это не от меня зависит. У меня нет выбора. А если нас победят, не уцелеет никто. Нас сразят, всех до единого. Если ветер не переменится, нас всех ждет смерть.

Он поклонился некоему незримому присутствию перед собой, а затем подал знак двум ближайшим людям следовать за ним в шатер; двое других встали на страже у входа.

Мне подумалось, что, если богам действительно есть дело, если наблюдают они за нами, как им полагается, – они бы сжалились и спешно переменили ветер над морем. Я представила голоса от воды, с пристани, ликование войск, стяги плещут на новом ветру, что позволит их кораблям идти быстро и неприметно, чтоб познали воины победу и увидели, что боги

всего лишь проверяли их решимость.

Шум, который я вообразила, постепенно преобразился в крик: Ахилл бежал к нам, а за ним – воины, оравшие оскорбления ему в спину.

– Агамемнон велел мне поговорить с солдатами самому, сказать им, что это не в его власти, – промолвил Ахилл. – И вот я сказал им, а они отвечают, что ее нужно зарезать. Они мне грозили.

– Тебе?

– Говорили, что меня следует забить камнями до смерти.

– За попытку спасти мою дочь?

– Я умолял их. Говорил, что победа в битве, обеспеченная убийством девушки, – победа трусов. Мой голос потонул в их криках. Они не поддаются на убеждения.

Я повернулась к толпе мужчин, что пришли за Ахиллом. Подумала, что, если смогу отыскать одно лицо и взглядеться в него – в лицо слабейшего из них или сильнейшего, – смогу скользнуть взглядом по всем и заставить их устыдиться. Но никто не поднимал головы. Как ни старалась я, никто на меня не смотрел.

– Сделаю, что смогу, чтобы спасти ее, – сказал Ахилл, но в голосе у него слышалось поражение. Он не назвал то, что сможет сделать – или что сделал бы. Я заметила, что и он потупился. Но, когда заговорила Ифигения, он глянул на нее, посмотрели и остальные вокруг – они вбирали в себя ее образ, словно она уже превратилась в идола, чьи последние слова необходимо запомнить, в фигуру, чья смерть переменит само направление ветра, чья кровь пошлет срочную весть небесам над нами.

– Моя смерть, – сказала она, – спасет тех, кто в опасности. Я умру. Иного не может случиться. Неправильно это – мне любить жизнь. Неправильно это – любить жизнь, любому из нас. Что есть одна жизнь? Всегда найдутся другие. Придут жить другие такие же, вроде нас. За любым вздохом следует другой, за каждым шагом – еще один шаг, за каждым словом – новое, за каждым присутствием на земле – очередное присутствие. Едва ли имеет значение, кто именно должен погибнуть. Мы все будем заменены. Я отдаю себя ради армии, ради отца, ради своей страны. Я встречу свое заклятие с улыбкой. Победа в бою будет тогда моей. Память о моем имени проживет дольше многих людей.

Пока она говорила, ее отец и его воины неспешно выбрались из шатра, остальные, что были вокруг, сгрудились. Я наблюдала за ней и не понимала, не уловка ли это: ее нежные речи и голос, приглушенный скромностью и смирением, но достаточно громкий, чтоб его слышали, не ради того ли, что задумала она как-то спастись.

Никто не двинулся с места. Ни звука от лагеря. Ее слова повисли в неподвижности воздуха еще большей неподвижностью. Я заметила, что Ахилл собрался заговорить, но затем решил промолчать. Агамемнон в это же время пытался принять позу начальника, упер взор в горизонт, тем самым показывая, что на уме у него великие вопросы. Но, что бы ни делал, он казался мне мелким, стареющим. В будущем, думалось мне, к нему станут относиться с презрением – за то, что завлек свою дочь в армейский лагерь и зарезал, чтобы умаслить богов. Его пока еще боялись, я видела это, но видела я и другое: так будет не вечно.

А потому он был опасней всего, как бык, которому в бок воткнули меч.

С достоинством и горделивым осуждением ушла я оттуда, Ифигения тихо двинулась следом. Я не сомневалась, что слабый вожак и гневная, смятенная толпа возьмут верх. Понимала, что нас победили. Ифигения продолжила говорить, просила не оплакивать ее смерть, не жалеть, просила меня пересказать Электре, как произойдет эта смерть, и умолить Электру не носить траур, просила применить мои силы, чтобы спасти Ореста от яда, какой был повсюду вокруг нас.

* * *

Мы слышали, как вдали воют животные, которых пригнали к месту заклания. Приказала всем женщинам, что собрались опять, убраться с глаз долой – кроме немногих доверенных, кто сопровождал нас до лагеря. Повелела приготовить свадебный наряд Ифигении и выложить мое облачение, которое я собиралась надеть на брачную церемонию. Потребовала воды, чтобы обе мы приняли ванну, а затем пусть нанесут нам на лица белое притирание и черные линии вокруг глаз, чтобы смотрелись мы бледными, неземными, когда отправимся к месту смерти.

Сперва все молчали. А затем тишину прервали попеременно то крики людей, то молитвы, то истошный рев животных, лютые звериные вопли.

Когда пришла весть, что снаружи столпились воины и они собираются к нам, я двинулась к выходу из шатра. Солдаты при виде меня, казалось, перепугались.

– Вам известно, кто я? – спросила я их.

Они на меня не смотрели, не отвечали.

– Так уж трусите, что и слова не вымолвить вам? – спросила я.

– Нет, – проговорил один.

– Тебе известно, кто я? – спросила я у него.

– Да, – ответил.

– Я получила от своей матери несколько слов, какие она, в свою

очередь, приняла от своей, – произнесла я. – Эти слова употребляются редко. От них внутренности любого мужчины, что слышит эти слова, иссыхают – а также внутренности всех их детей. Пощада – только их женам, им суждено далее копаться в пыли в поисках пропитания.

Исполнены они суеверности, я это видела, а потому любой набор слов, что зывали к богам, или древнее проклятье внушит им мгновенный ужас. Ни один из них не усомнился во мне даже взглядом, ни тени не проскользнуло над тем, что я произнесла, ни намека на то, что не существует такого проклятья – и не было никогда.

– Если хоть кто-нибудь хоть пальцем тронет мою дочь или меня, – продолжила я, – если кто-нибудь двинется впереди нас или заговорит, я произнесу это проклятье. Если не пойдете за нами следом, как стая псов, я скажу слова проклятья.

Все поголовно выглядели усмирненными. Доводы бесполезны, без толку жалость, но малейший намек на силу превыше их силы – и они зачарованы. Подняли бы они взгляды, увидели бы у меня на лице улыбку чистейшего презрения.

А внутри Ифигения уже приготовилась – совершенно лепной образ себя самой, статная, покойная, безразличная к воплям животного, что выло от боли, эти вопли неслись с того самого места, где сама Ифигения увидит свет дня в последний раз.

Я прошептала ей:

– Они страшатся наших проклятий. Подожди, пока воцарится молчание, и говори громко. Объясни, до чего древнее это проклятье, что передается оно от матери к дочери, в свой черед, и как редко его применяют – из-за его мощи. Пригрози проклясть их, если они не отступятся, пригрози сперва своему отцу, а затем – всем им до единого, начиная с ближайших к тебе. Предупреди их, что не останется никакой армии, только псы, рычащие в смертельной тиши, какую оставит по себе твое проклятье.

Рассказала ей, каковы должны быть слова. Мы церемонно отправились прочь из шатра к месту смерти, впереди Ифигения, я чуть поодаль за ней, а следом женщины, прибывшие вместе с нами, потом уж солдаты. День был жаркий; запах крови, и потрохов, и последствий ужаса и убоия плыли на нас, пока не потребовалась вся сила воли, чтобы не зажимать себе нос от вони. Не место почета устроили: убийство произойдет в захудалом углу, где бесцельно шатались солдаты, а вокруг валялись ошметки зарезанного скота.

Возможно, все это зрелище – вдобавок к тому, как легко было воззвать к богам в придуманном мною проклятье, – сделало резче все то, что уже во мне было. Мы шли к месту забоя, и впервые я осознала, что не сомневаюсь: не верю я в силу богов,нисколько. Задумалась, одинока ли в этом. Задумалась, действительно ли Агамемнон и остальные всерьез на богов уповают, по-настоящему ли они верят, что скрытая сила превышает их собственной держит войска в чарах, какие никто из смертных не смог бы навеять.

Ну конечно же, они верят. Конечно, они в своей вере крепки – достаточно, чтобы осуществить свой замысел.

Мы приблизились к Агамемнону, и он прошептал своей дочери:

– Твое имя запомнят навеки.

Поворотился ко мне и голосом торжественным и самонадеянным произнес:

– Ее имя запомнят навеки.

Я заметила, как солдат из тех, что нас сопровождали, подошел к Агамемнону и нашептал ему что-то. Агамемнон слушал внимательно, а затем обратился тихо, уверенно, к пятерым-шестерым воинам рядом с собой.

А затем начались песнопения, призывы к богам, речи, в которых сплошь повторения и перестановки слов. Я закрыла глаза и прислушалась. Чувяла запах звериной крови, как он начинает киснуть, а в небе уже стервятники, сплошь смерть, а затем одинокий звук моления, следом –

вскипающий, возносящийся звук песнопения из уст тех, кто ближе всего к богам, а затем внезапный всеобщий звук, направленный вверх, к небесам: тысячи мужчин отвечали, в единый голос.

Я глянула на Ифигению – та стояла одна. Она источала неземную силу, в красоте своих облачений, в белизне лика, в черноте волос, черных линий вокруг глаз, в неподвижности и молчании.

В этот миг извлекли кинжал. Две женщины подошли к Ифигении и распустили ей волосы, затем пригнули ей голову и поспешно, небрежно остригли. Когда одна полоснула по коже, Ифигения вскрикнула, впрочем, – крик девушки, а не жертвенного животного, девушки юной, испуганной, уязвимой. И священные чары на миг распались. Я понимала, до чего хрупка эта толпа. Солдаты загомонили. Агамемнон растерянно огляделся. Я видела, наблюдая за ним, сколь хила его власть.

Ифигения высвободилась и заговорила, и никто поначалу не слышал ее, ей пришлось закричать, чтобы добиться молчания. Когда стало ясно, что она готова произнести проклятье против отца, какой-то солдат подошел сзади со старой белой тряпицей и завязал ей рот и поволок ее, хоть она и дралась, и толкалась локтями, к месту заклятия, где связал ей руки и ноги.

Тут я не медлила. Вскинула руки и возвысила голос – и начала проклятье, о котором предупреждала. Направляла его на всех них. Кто-то передо мной бросился наутек от испуга, но сзади подошли и ко мне, с грубой тряпкой, которую, как бы ни билась я, повязали на рот и мне. Меня тоже уволокли, но в другую сторону, подальше от места убоя.

Когда оказалась я за пределами зрения или слуха, меня били ногами. А затем я увидела, как на краю лагеря поднимают камень. Чтобы поднять его, потребовалось трое или четверо мужчин. Те, кто меня уволок, спихнули меня в яму, вырытую под тем камнем.

Места было достаточно, чтобы сидеть, но ни встать, ни лечь. Упрятав меня туда, они быстро положили камень поверх. Руки мне не связали, и я сняла тряпку со рта, однако валун надо мной был слишком тяжел, не столкнешь, не освободишься. Я в ловушке – и даже призываю моим, казалось, не вырваться.

Я сидела почти похороненная под землей, а моя дочь умирала одна. Так и не повидала я ее тело, не слышала ее криков, не взывала к ней. Но о ее крике мне рассказали другие. И те последние высокие звуки, что вырвались у нее, думаю я теперь, от всей ее беспомощности и страха делаясь воплями, пронзая слух толпы, запомнятся навсегда. И более ничего.

* * *

Вскоре боль началась и для меня – боль в спине, из-за того, как скрючило меня под землей. Онемевшие руки и ноги тоже заболели. Основание позвоночника стало зудеть, а потом начало жечь. Я отдала бы все лишь за то, чтобы выпрямиться, расслабить руки и ноги, встать во весь рост, размяться. Сперва думала только об этом.

Следом явилась жажда – и страх, от которого пить захотелось, кажется, еще сильнее. Теперь я думала лишь о влаге, о любой ее малости. Вспоминала, когда в моей жизни под рукой были кувшины с прохладной питьевой водой. Грезил о родниках в земле, о глубоких колодцах. Жалела, что мало ценила воду. Голод, навалившийся позже, – ничто в сравнении с той жаждой.

Вопреки гнусной вони, муравьям и паукам, ползавшим вокруг, вопреки боли в спине, руках и ногах, вопреки голоду, что усиливался, вопреки страху, что не выйти мне отсюда живой, преобразила меня, изменила именно жажда.

Я осознала, что совершила одну ошибку. Не следовало угрожать проклятьем людям, что пришли сопроводить нас к месту убоя. Надо было позволить им поступать как угодно, идти впереди нас или рядом, будто Ифигения – их узница. Солдат, шептавшийся с моим супругом, наверняка предупредил его. Подготовил Агамемнона, и теперь, сидя под землей, я винила себя. Из-за моих слов, сказанных поспешно, Агамемнон, без сомнения, приказал, если я или моя дочь начнем проклять, заставить нас замолчать, завязав нам рты тряпкой.

Если бы его не предупредили, воображала я, Ифигения своим проклятьем распугала бы толпу, та бросилась бы наутек. Я воображала, как моя дочь грозит продолжит проклять, договорить последовательность слов, от которых у всех иссохнут потроха, – если ее не отпустят. Я воображала, что так Ифигения могла бы спастись.

Я оплошала. Пока сидела под землей, чтобы как-то отвлечься от жажды, я решила, что, если меня помилуют, буду взвешивать каждое произносимое слово, каждое свое решение. Взвешено будет каждое мое дальнейшее действие.

Каменную плиту, накрывавшую меня, положили небрежно, в щель пробивался свет, и потому, когда он погас, я поняла, что наступила ночь. За время тьмы я перебрала в уме все, с самого начала. Нельзя было дать себя одурачить и притащить сюда. Надо было найти путь побега сразу, как только стали ясны намерения Агамемнона. От этих мыслей жажда, что

мучила меня, сделалась еще сильнее. Та жажда поселилась во мне так, будто никогда уж больше ее не изгнать.

Наутро, когда кто-то выплеснул в яму, где меня погребли, кувшин воды, до меня донесся смех. Я попыталась выпить всю воду, впитавшуюся мне в одежду, но это почти ничто. Вода лишь намочила меня и почву подо мной. Также она дала мне понять, что обо мне не забыли. В следующие два дня мне в яму время от времени лили воду. Она смешивалась с моими испражнениями и пахла разлагающейся плотью. Казалось, этот запах теперь со мною навеки.

Помимо той вони осталась со мной и одна мысль. Возникла из ничего, осколком дурного настроения, проросшего попросту из неудобства и жажды, но, когда окрепла, стала значить куда больше любой другой мысли, больше чего угодно еще. Если боги не пекутся о нас, размышляла я, откуда нам знать, как поступать? Кто еще расскажет нам, что делать? Я осознала, что никто ничего нам не расскажет, вообще никто, никто не объяснит мне, что следует или чего не следует предпринимать в будущем. В будущем лишь мне решать, как быть, – не богам.

И тогда-то я решила: в отместку за то, что он натворил, я убью Агамемнона. Ни с оракулом не стану советоваться, ни со жрецом. Никому не буду молиться. Замыслю все молча. Приготовлюсь. И ни Агамемнон, ни его окружение, преисполненные уверенности, что все мы должны ждать провидца, ни за что не догадаются, никогда не заподозрят.

* * *

На третье утро, перед самой зарей, когда подняли надо мной плиту, у меня все затекло и я не смогла двинуться. Они попытались поднять меня за руки, но я застряла в тесной яме, где меня погребли. Пришлось поднимать меня медленно: вынимали с усилием, под мышки, в ногах не осталось крепости. Никакой ценности в речах я не видела, не улыбалась удовлетворенно, когда они поворотили носы от вони, что под утренним солнцем распространилась из ямы, в которой меня держали.

Меня отнесли туда, где ждали женщины. Часы напролет, отмыв меня и подобрав мне свежую одежду, они кормили меня, и я пила. Никто не проронил ни слова. Я видела: они боялись, что я начну расспрашивать их о последних мгновениях моей дочери – и о том, что случилось с ее телом.

Я готова была, чтобы все оставили меня в покое и дали поспать, но тут донесся топот и шум голосов. Запахавшись, в шатре появился один из тех, кто сопровождал нас к месту заклания.

– Ветер переменился, – проговорил он.

– Где Орест? – спросила я у него.

Он пожал плечами и выбежал вон, к толпе. Гомон усилился, слышались окрики и приказы. Вскоре в женском шатре возникли двое солдат, встали на караул у входа; следом за ними явился мой супруг, ему пришлось склониться, чтобы пробраться к нам: у него на плечах сидел Орест. В руке у Ореста был его маленький меч, а когда отец попытался снять его с себя, мальчик рассмеялся.

– Будет великим воином, – сказал мой супруг. – Орест – вождь людей.

Спустив сына на землю, Агамемнон улыбнулся.

– Отплываем сегодня вечером, когда взойдет луна. Забирай Ореста и женщин домой, ждите меня там. Дам тебе четверых людей, охранять вас на обратном пути.

– Не нужны мне четверо людей, – отозвалась я.

– Понадобятся.

Агамемнон отступил, и Орест осознал, что его оставляют с нами. Расплакался. Отец поднял его и вручил мне.

– Ждите меня оба. Вернусь, когда сделаю дело. Он убрался из шатра. Вскоре явились обещанные четверо – те самые, кому я грозила проклятьем. Сказали, что хотят отправиться в путь дотемна. Я объявила, что нам нужно время на сборы, и они, похоже, убоялись меня. Предложила им ждать снаружи, пока я не позову.

Один из них был мягче, юнее прочих. На пути домой занялся Орестом, развлекал его играми и байками. Орест бурлил жизнью. Не выпускал из рук меч и болтал о воинах и битвах, о том, как будет преследовать врага до конца времен. Лишь за час до сна принимался он нить, придвигался поближе ко мне, ища тепла и уюта, но следом отталкивал меня и начинал плакать. В некоторые ночи мы просыпались от его снов. Он скучал по отцу, по сестре, по друзьям, которых завел среди солдат. Тянулся он и ко мне, но стоило мне взять его на руки, зашептать ему что-нибудь, как он в страхе отшатывался. Вот так время в пути было занято Орестом, день и ночь, целиком, и мы даже не подумали о том, что скажем, когда приедем домой.

Как и сама я, все остальные, должно быть, гадали, дошел ли слух о судьбе Ифигении до Электры – или до старейшин, которых оставили ей помогать. В последнюю ночь нашего путешествия я занималась под звездным небом лишь тем, что успокаивала Ореста, – и начала размышлять, что делать дальше, как жить, кому доверять.

Доверять нельзя никому, думала я. Никому не доверюсь. Вот что полезнее всего не упускать из виду.

* * *

В те недели, что мы были в отлучке, до Электры долетали слухи, и слухи эти состарили ее, голос у нее стал пронзительным – пронзительнее, чем я его помнила. Она ринулась ко мне за вестями. Теперь-то я понимаю: первая моя ошибка с Электрой – в том, что я не сосредоточилась на ней одной. Одиночество и ожидание что-то сломили в ней, и потому никак не получалось заставить ее меня выслушать. Возможно, мне следовало не спать всю ночь, довериться ей, рассказать, что с нами случилось, каждый шаг, каждый миг, попросить ее обнять меня, утешить. Но у меня по-прежнему болели ноги, ходить давалось с трудом. Голод все еще терзал меня, и, сколько б ни пила я, не унималась жажда. Хотелось спать.

И все равно не надо было отмахиваться от нее. В этом я не сомневаюсь. Я мечтала о свежей одежде, о собственной постели, о ванне, еде, кувшине пресной воды из дворцового колодца. Мечтала о покое – во всяком случае, пока не вернется Агамемнон. Строила замыслы. Я предоставила другим излагать Электре историю гибели ее сестры. Бродила по залам дворца, словно голодный призрак, подальше от Электры, подальше от ее голоса – голоса, что станет преследовать меня настойчивее любого другого.

* * *

Проснувшись наутро, я осознала, что нахожусь в заточении. Тех четверых отправили стеречь меня, следить за Электрой и Орестом, обеспечивать преданность старейшин Агамемнону. Моих стражей устраивало, что я вернулась в свою опочивальню, просила лишь еды и питья, времени на сон и прогулки по саду, желала лишь восстановить силу в ногах. Когда я покидала покои, двое следовали за мной. Не позволяли никому со мной видеться – только женщинам, заботившимся обо мне, но и их допрашивали ежевечерне о том, что я говорила и чем занималась.

Мне подумалось, что придется убить этих четверых – за одну ночь. Пока этого не сделано – ничего не произойдет. Когда не спала, я замышляла, как лучше всего это провернуть.

И хотя мои женщины снабжали меня вестями, уверенной в них я быть не могла. Ни в ком не могла я быть уверенной.

Электра по-прежнему металась по дворцу, возмущая самый воздух в нем. У нее развилась привычка повторять мне одни и те же слова, одни и те же обвинения. «Ты дала ее зарезать. Ты вернулась без нее». Я, в свой черед, продолжала ею пренебрегать. Надо было объяснить ей, что ее отец – не тот смельчак, каким она его считала, а хорь среди мужчин. Надо было

раскрыть Электре глаза: это его слабость погубила ее сестру.

Надо было втянуть ее в мою ярость. Я же позволила Электре пребывать в ее собственной ярости, а та в значительной мере была посвящена мне.

Когда Электра заходила ко мне в спальню, я часто прикидывалась спящей или отворачивалась от дочери. Ей много чего было сказать и старейшинам, и четверым стражникам, подосланным отцом. Я замечала, что и они от Электры устали.

Но однажды я начала прислушиваться тщательно: Электра казалась возбужденнее обыкновенного.

– Эгист, – сказала она, – бродит по этим коридорам в ночи. Он заходит в мою спальню. Случаются ночи, когда я просыпаюсь, а он стоит у моего ложа, улыбается мне, а затем исчезает в тенях.

Эгиста держали в заложниках: он сидел в подземельях на нашем попечении, как выразился мой супруг, уже больше пяти лет. Договорились, что его нужно хорошо кормить и не причинять никакого вреда: Эгист – блестящая добыча, умный, красивый, безжалостный, как мне говорили, и где-то в глуши у него много приверженцев.

Когда наши армии впервые заняли твердыню Эгистова рода, никто не мог взять в толк, как получалось, что ежеутренне двоих стражей моего супруга находили в луже их собственной крови. Кто-то считал это проклятьем. Стражам велели стеречь сторожей. Соглядатаев ставили следить, на всю ночь. Но все равно, что ни утро, в первых лучах зари двое стражей лежали в своей же крови, лицом вниз. Вскоре предположили, что убийца – Эгист, и подтвердилось, когда взяли Эгиста в заложники: больше стражей не убивали. Приспешники Эгиста предложили выкуп, но мой супруг решил, что Эгиста, с его положением, держать здесь в цепях – жест гораздо сильнее, чем слать армию, чтобы та порешила приверженцев, удравших в горы.

Беседуя со своими советниками, мой супруг часто спрашивал с изумлением, не слыхать ли вестей о беспорядках на завоеванных землях, а узнав, что все там спокойно, улыбался и говорил: «Пока держим у нас Эгиста, все будет спокойно. Пусть его цепи будут крепки, проследите. Проверяйте их ежедневно».

Шли годы, мы говорили о нашем узнике, о его приятных манерах, о том, какой он пригожий. Кое-кто из женщин, что служили мне, обмольвливались, как он приручает птиц, залетавших в высокое окно его темницы. Одна мне нашептала, что Эгист знал, как завлекать к себе в узилище девушек и, конечно, слуг-юношей. Как-то раз я спросила у своих женщин, чего это они давятся смехом, и они мне объяснили, что одна

услышала, как из темницы Эгиста доносится звон цепей, и стала ждать у двери, покуда не вышел оттуда с растерянным видом мальчишка-слуга и не улепетнул в кухню, к своим обязанностям.

Говорила мне что-то и моя мать, когда я выходила замуж. Была, сказала она, история с моим свекром: тот в угаре ярости приказал убить двоих сводных братьев Эгиста, нафаршировать их да приготовить со специями, подать их отцу на пиру. Эта история теперь, когда я задумалась о нашем узнике, пришла мне на ум. У него, если ему позволить, могут найтись свои причины мстить моему супругу.

Когда Электра вновь заикнулась о том, что видела узника у себя в спальне, я сказала, что ей это пригрезилось. Электра настаивала, что нет.

– Он пробудил меня ото сна. Шептал слова, каких мне было не слышно. Исчез прежде, чем я успела позвать стражу. Когда стражи пришли, они поклялись, что никто мимо них не проходил, но они заблуждаются. Эгист ночами бродит по дворцу. Спроси своих женщин, если не веришь мне.

Я сказала ей, что не хочу больше слушать об этом.

– Будешь слышать об этом всякий раз, когда такое случается, – произнесла она дерзко.

– Кажется, ты будто желаешь, чтобы он появлялся, – заметила я.

– Я желаю, чтобы вернулся отец, – сказала она. – До тех пор не буду я в безопасности.

Собралась было сообщить ей, что интересы ее отца в безопасности его дочерей – не то, в чем стоит быть уверенной, но вместо этого разведала у нее об Эгисте. Попросила описать его.

– Невысок. Вскидывает лицо и улыбается, когда я просыпаюсь, будто знает меня. Лицо у него как у мальчика, и тело тоже мальчишеское.

– Он много лет был узником. Он убийца, – сказала я.

– Силуэт, который я видела, – отозвалась она, – тот же, какой описывают женщины, видевшие его прикованным в темнице.

Я начала укладываться рано, чтобы просыпаться затемно. Заметила, как все беззвучно вокруг. Стража у моих покоев спала. В некоторые ночи я пробовала передвигаться из зала в зал босиком, едва дыша. Недалеко. Храп спавших где-то во дворце мужчин – единственный звук, доносившийся до меня. Мне нравился этот звук: он означал, что шорох моих движений – ничто, его не запросто уловишь.

У меня сложился замысел, и для него нужно было отыскать Эгиста и заручиться его поддержкой.

Через неделю с лишним я дерзнула отправиться в недра дворца. Прикинуть, будто хожу во сне, думала я, если кто-то меня обнаружит.

Однако не смогла разобраться, где именно держат Эгиста – в темницах под кухнями и складами или же где-то снаружи.

Принялась прочесывать коридоры в самый глухой час ночи, когда все было тихо. И в одну такую ночь столкнулась с нашим узником носом к носу. Юный, мальчишеский, как описала Электра, ни намек на то, что его много лет содержали в застенках.

– Я искала тебя, – прошептала я.

Он не испугался, не изготовился к бегству. Оглядел меня с приятием.

– Ты женщина, чью дочь принесли в жертву, – сказал он. – Тебя погребли в яме. Ты ходишь этими коридорами. Я наблюдал за тобой.

– Если предашь меня, – ответила я, – стража найдет тебя мертвым.

– Чего же ты хочешь? Говори прямо, – сказал он. – Если не употребишь меня в деле, быть может, применит кто-то другой.

– Я поставлю стражу у твоей двери, во всякую ночь.

– Стражу? – переспросил он и улыбнулся. – Я знаю тех, кто имеет значение. Ничто не ускользнет от меня. Так чего же ты хочешь?

У меня был лишь миг, чтобы решиться, но я понимала, обращаясь к нему, что уже все решила, давно. Приготовилась.

– Четверых стражей, – сказала я, – что прибыли вместе со мной из армейского лагеря, я желаю убить. Могу провести тебя туда, где они ночуют. У их двери имеется своя охрана, но те стражи спят.

– Всех четверых в одну ночь? – спросил он.

– Да.

– А взамен?

– Что угодно, – сказала я, прижала палец к губам и ушла как можно тише в свои покои.

В ту ночь ничего не случилось. Я осознала, что, вероятно, дерзнула чрезмерно, однако понимала, что придется дерзать и сильнее, чтобы что-то свершилось. Я наблюдала за стражами. Наблюдала за старейшинами, оставленными здесь, пока мой супруг на войне. Внимательно слушала пересуды и сплетни женщин. Использовала Ореста как предлог выходить за пределы моих покоев. Смотрела за боями на мечах, которые затевал Орест с одним из стражников и с его сыном, кто частенько сопровождал отца. Знала, пока в это странное время доходили слухи о том, как что-то меняется, смещается: мне подадут знак, волей-неволей, знак, что поможет мне, знак перед тем, как доберется ко мне полновесная новость о победном походе Агамемнона домой.

Еженощно я проделывала свой беззвучный путь по коридорам, возвращалась, спала, частенько и после рассвета, пока не появлялся Орест

– сам пыл, речи сплошь об отце, о солдатах, о мечах. Как-то раз ночью, забывшись глубоким сном, я пробудилась от крика совы в окне, а следом раздался еще какой-то звук. Я лежала и слушала, слышала шаги снаружи у двери, голоса – и крики стражникам, что они обязаны защищать меня своей жизнью.

Я подошла к двери, но они не позволили мне выйти из спальни – и никого не впустили ко мне. Звуки сделались громче, мужчины выкрикивали приказы, кто-то носился, слышался визгливый голос Электры. И тут ко мне в комнату загнали Ореста.

– Что случилось? – спросила я.

– Четверо, что прибыли с тобой, обнаружены в луже собственной крови – убиты их же охраной, – проговорил кто-то.

– Их же охраной?

– Не тревожься. Ту охрану прикончили.

Я выглянула наружу и увидела, как по коридору выносят тела, вернулась к себе и тихонько заговорила с Орестом, чтобы его отвлечь. Когда появилась Электра, я жестом велела ей не говорить, что случилось, в присутствии мальчика. Вскоре она устала помалкивать и оставила нас с сыном в покое. Вернувшись, зашептала мне, что поговорила со старейшинами и они убедили ее, что это стычка из-за игры в карты или в кости между стражниками и четверыми солдатами. Они выпивали.

– Лица у стражников все в крови, – сказала Электра, – и кинжалы их тоже. Должно быть, упились. Больше никакого питья – и никаких убийств.

Всего лишь ссора из-за игры, сказала Электра, пустяки для отца, когда он вернется. Она запретила от моего имени любые игры в карты и в кости. Всякое питье тоже будет запрещено, добавила она, пока не вернется Агамемнон.

Я вышла с Орестом на свежий воздух. Поговорила с ним нежно, и мы поискали солдата, который натаскивал его в искусстве меча.

Слишком опасно, подумала я, плутать по ночным коридорам. В темный час я стояла у двери, следила, прислушивалась к малейшим шумам.

Однажды ночью объявился Эгист, чего я и ждала, и, как лисица по следу, повлек меня в комнату, где никто не жил.

– Люди – в моей власти, – прошептал он. – Мы готовы. Можем свершить что угодно.

– Отправляйтесь в дома ко всем старейшинам, которых мой супруг оставил властвовать, – прошептала я. – Заберите у каждого по ребенку. Сына, внука. Твои люди должны объяснить, что это мой приказ, и, чтобы вернуть ребенка, нужно обратиться лично ко мне. Уведите детей подальше.

Не вредите им. Берегите их.

Он улыбнулся.

– Уверена? – спросил он.

– Да, – ответила я и тихонько двинулась прочь, обратно к себе в спальню.

Несколько дней ничего не происходило. О победах Агамемнона и о его непомерных трофеях во дворец доходило все больше слухов. Старейшины явились посоветоваться со мной, когда стало ясно, что Агамемнон вернется, как только еще кое-какие земли окажутся в его власти.

– Нам надо встретить его подобающе, – сказали старейшины, я склонилась, кивнула и испросила их разрешения призвать Ореста с Электрой, чтобы и они услышали о славе отца, чтобы и они приготовились к его возвращению. Орест пришел торжественно, с мечом на боку. Выслушал, как полагается мужчине, без улыбки, но подражая жестам мужчин. Электра спросила, можно ли ей встретить отца прежде старейшин и прежде меня, поскольку это ее оставили править, ей поручили беречь престол, пока я была в отлучке. Ей разрешили. Я поклонилась.

Через несколько дней женщина из моих явилась в покои с рассветом и доложила, что старейшины желают видеть меня, что они собрались с первой зарей и, похоже, взволнованы. Кто-то и впрямь желал навестить меня в моей спальне, но им сообщили, что я почиваю и меня не должно тревожить. Я отправила женщину за Орестом, чтобы тот не искал меня, и попросила сопроводить его в сад. Облачалась я тщательно и неспешно. Лучше, думала я, пусть меня подождут.

Они начали с того, что спросили меня, где их дети, которых забрали, но я прервала их:

– Какие дети? В каком смысле «забрали»? – И они осознали, что говорят поспешно. – Зачем вы здесь? – спросила я.

Они объяснили, перебивая друг друга, что какие-то люди, сплошь чужаки, явились в ночи и забрали из каждого дома по одному ребенку, сына или внука, и всем говорили, будто действуют по моему указанию.

– Я не отдаю указаний, – сказала я.

– Тебе ничего не известно? – спросил кто-то из них.

– Мне известно, что я спала, а когда пробудилась, мне сообщили, что все вы здесь. Вот что мне известно.

Кто-то встревоженно попятился.

– Вы искали этих детей? – спросила я. – Уверена, что именно этого пожелал бы вам мой супруг. Чем раньше начнете искать, тем лучше.

– Нам сказали, что поиски будут напрасны, – проговорил кто-то.

– И вы поверили? – спросила я.

Они принялись толковать между собой, пока не возникла Электра, и они оставили нас. Я провела весь день у себя или с Орестом в саду. Замечала, что стражникам не по себе, они стали пристальнее, и я решила, что не двинусь из спальни сегодня – и ни в одну грядущую ночь. Недолго осталось мне ждать, когда я смогу ходить где хочу, днем, у всех на виду.

Теодот, один из старейшин, самый почтенный и сообразительный, явился ко мне в тот же день. У него забрали внука, сказал он, а это единственный отпрыск его единственного сына. От этого мальчика зависело многое, имя ему Леандр. Семья надеялась, что он станет великим вождем. Я слушала Теодота и выражала все мыслимое сочувствие, на какое была способна. Когда он наконец спросил у меня, могу ли я предпринять хоть что-то, действительно ли мне ничего не известно, я помедлила. Прошла с ним по коридору и, расставаясь, сказала:

– Всем новостям свое время. Пока же сообщи остальным, что, если кто-то из них попытается выйти на связь с Агамемноном до его возвращения, или послать ему весть о происходящем, или сказать ему, когда Агамемнон вернется, поможет ли это? Нет, никак не поможет. Если ты и все вы помолчите и подчинитесь закону, однако, – тогда вам разумно надеяться. Сможешь ли ты сообщить это всем?

Я намекнула, что Теодоту стоит вскоре еще раз меня навестить и тогда, возможно, будут и новости. Я не сомневалась, что до исхода дня он доложит всем остальным: ему кажется, что я знаю, кто отнял детей, и даже, быть может, исходя из того, как я говорила, я полностью отвечаю за похищение.

В тот вечер я увидела другое отношение – даже у стражников. Они, казалось, стали застенчивее, едва ль не напуганы. Не изменилась одна лишь Электра. Сказала, что люди повсюду ищут детей и что она согласна: за всем этим скрываются разбойники, и мы должны быть бдительнее, покуда не вернется отец. Она говорила как человек, владеющий положением.

Через два дня дошли новые слухи о наших победах в бою и о громадном числе плененных рабов, и я прошлась по дворцу, в кухни, склады, и спросила, где держат Эгиста. Поначалу мне не отвечали. Тогда я сказала, что не уйду, пока мне не покажут, и тогда меня привели к чулану, подняли крышку люка в полу.

– Его подземелье – вот здесь, – сообщили мне.

– Добудьте мне факел, – велела я.

Мы спустились по лестнице на этаж ниже.

– Где Эгист? – спросила я, заведя три узкие двери.

Все равно не хотели они говорить, пока я не объяснила, что не только исполнена решимости, но и нетерпелива. Когда дверь наконец открыли, я обнаружила свою жертву: он сидел в углу и играл с птицей. Узилище его было вполне пригодно для жизни; имелась там и лежанка. Комната освещалась через крошечное окно, сквозил в него лучик света.

– Я не пойду за тобой, куда не освободишь узников в соседних подвалах, – проговорил он.

– Сколько их там?

– Двое, – ответил он.

Я велела пустить меня в соседние каморки, стражники делались все беспокойнее.

– Нам не дозволено отпирать эти двери, – сказал один.

– Я позволяю, – отозвалась я. – Отныне вы подчиняетесь мне. Отпирайте.

В средней комнате не было никакого света. Когда мы отперли дверь, никто не вышел, и я сочла было, что там пусто. В последней был юноша, он, кажется, напугался и спросил об Эгисте. Я сказала ему, что мы его раскуем и выпустим к Эгисту, но юноша покачал головой и сказал, что не желает покидать своей темницы, пока не поговорит с Эгистом. Низкий, стылый звук раздался тут из средней каморки, звук, похожий на человеческий голос, но без слов. Я взяла факел, вошла туда и обнаружила в углу старика. Медленно попятилась и вернулась к Эгисту.

– Кто эти люди?

– Старик сидит здесь, сколько все помнят. Никто не ведает, кто он или откуда. Мне нужно поговорить со вторым.

– Кто он?

– Не смею сказать.

Эгист вышел из своей комнаты и шагнул в темницу к юноше. Закрыл за собою дверь, чтобы никто не подслушал. Когда они оба вернулись, Эгист принялся раздавать указания, я стояла в сторонке и удивленно наблюдала.

– Снимите цепи. Дайте чистую одежду и еду, – велел он. – И спрячьте его до темноты. Затем он уйдет. И освободите старика, оставьте его дверь отпертой. Накормите его, а следом пусть тоже уходит.

Помедлил – и улыбнулся.

– И накормите птиц, – добавил он. – Они привыкли, что их кормят.

Стражники, проводившие нас в этот сырой подвал, уставились на Эгиста с изумлением, а затем посмотрели на меня. Всего несколько мгновений назад он был узником.

– Делайте, как он сказал, – велела я.

Мы вместе прошли по дворцу ко мне в спальню, где нас встретила Электра.

– Этот человек, этот Эгист, – проговорила она, – и узник, и заложник. Его нужно вернуть в его темницу. Стражники вернут его.

– Он мой телохранитель, – сказала я. – Он будет при мне безотлучно, пока не вернется твой отец.

– У нас свои стражники, – возразила она.

– Они напились и убили четверых, – сказала я. – Эгист останется при мне, моим стражем. Любой, кто желает видеть меня или со мной говорить, должен знать, что Эгист стережет меня.

– Мой отец пожелает узнать... – начала было дочь.

– Твой отец пожелает узнать, – перебила я, – что случилось с теми четверыми, которых он сюда прислал, с теми четверыми, что были его близкими друзьями, а еще он пожелает узнать, что случилось с детьми, которых похитили. Это очень опасное время. Предлагаю и тебе принять меры предосторожности.

– Никто не посмеет тронуть меня, – заявила она.

– В таком случае не предпринимай ничего, – сказала я.

Вскоре прибыли многие старейшины, пожелали меня видеть. Я приказала Эгисту не раскрывать рта, пока он при мне, ходить за мной следом и хранить полное молчание.

Он, кажется, счел все это забавой.

Я объяснила старейшинам, что нам всем нужно быть настороже – все эти дни, пока ждем Агамемнона. Больше бдительности, никаких больше событий, чтобы мой супруг не решил, будто мы тут не береглись. Для этого я завела себя личного телохранителя.

– Эгиста держали узником, – сказал кто-то из них. – Он убийца.

– Это хорошо, – ответила я. – Он убьет любого, кто приблизится к моей спальне без разрешения. И когда мой супруг вернется, он дальше все будет решать сам, а нам станет безопаснее, но до тех пор я буду беречь себя – и вам советую то же.

– Эгист знает, где наши дети и внуки? – спросил кто-то. – У Эгиста есть приверженцы.

– Приверженцы? – переспросила я. – Этот человек знает не больше того, что я ему рассказала. Я уведомила его, что нашлись смельчаки, нарушившие местный покой, и что его задача защищать меня, моего сына и дочь до возвращения Агамемнона. Моему супругу будет что сказать вам о том, что вы позволили забрать ваших детей и как допустили, что его

довереннейших людей убила охрана.

Кто-то, кажется, заговорил, но осекся. Я видела: они перепуганы.

Велела Теодоту поговорить со мной наедине. Он пылко согласился и спросил, нет ли вестей о его внуке.

– Когда возвратится мой супруг, через день-другой, мы обсудим с ним этот случай. Но ты знаешь Агамемнона не хуже моего. Он не порадуется небрежению. Когда все успокоится и он выпится, тогда мы с ним это обсудим. Никак иначе с этим не обойтись. Не нужно нам, чтобы гнев Агамемнона пал на нас.

– Да, это мудро, – сказал Теодот.

Эгист слушал, а потом отправился следом за мной ко мне в спальню, там мы нашли Ореста, с ним были женщины. Я видела, что Орест разглядывает Эгиста с сомнением. Стражник ли этот чужак и в его ли обязанностях играть с Орестом, мой сын не знал, – или же, может, Эгист начальник повыше охраны, и потому приказать ему участвовать в бою на мечах не удастся. Прежде чем Орест успел разобраться, я велела женщинам забрать Ореста и найти стражника, чтоб сражался с мальчиком на мечах, пока тому не наскучит.

Велела Эгисту оповестить его людей, чтоб переместились в горах и приготовились зажечь огни – подавать нам знаки, где сейчас Агамемнон и как скоро появится вместе со свитой. Эгист ненадолго исчез. Возвратившись, сказал, что прежде выставил своих в дозор, но теперь их в дозоре прибавилось и им дано разрешение зажигать на вершинах костры.

– Куда ты сейчас ходил? – спросила я.

– У меня люди близко, – ответил он.

– Во дворце? – уточнила я.

– Да, близко, – повторил он.

В тот вечер я ела одна у себя за столом, подавали мне, как обычно, женщины. Они принесли Эгисту поесть и накрыли маленький стол у двери.

Когда Орест уснул, я попросила, чтобы его, как обычно, унесли в его спальню.

Эгист сидел в полутьме, не говорил. Мы были одни. Во всех своих замыслах я не учла одного: того, что может случиться сейчас. Подробно ничего себе не воображала. Впрочем, и не сомневалась: пусть Эгист остается. Допустим, он вооружен и начеку, я всего одним словом в силах отправить его обратно в темницу.

Мне нужна была уверенность в нем – до того, как Агамемнон вернется. Но я все еще колебалась. Собирается ли он присматривать за мной всю ночь напролет? А если усну, откуда мне знать, что он не уйдет? Или не

навредит мне?

У него был выбор, осознала я. Он мог сбежать и спасти свою жизнь. А мог подождать и поглядеть, чем еще поживиться. Я же, в конце концов, обещала ему что угодно. Что, по его мнению, я имела в виду? Поскольку сама не знала толком, я не понимала, что́ думает он.

Он разглядывал меня, и улыбка его делалась все застенчивей, все сумрачнее. В нашем молчании я понимала теперь, что пресекала мысли уже несколько дней. Осознала, что́ держала вдали от себя с тех пор, как впервые услышала об этом закованном узнике. Я желала его у себя в постели. Видела, что он это понял. Но Эгист не двигался. Не подавал знаков, что́ предпримет, если я прикажу ему подойти.

Он понаблюдал за мной, а затем склонил голову. Словно мальчик. Я знала: он взвешивает, что предпринять. И я подожду, пока он решится.

Не знаю, сколько минуло времени. Я зажгла малый факел, разделась и приготовилась спать, Эгист не сводил с меня взгляда. Когда приготовилась, потушила факел, чтобы остались мы в темноте. Подумалось, что на рассвете так я его и застаю – он все еще будет смотреть на меня. И у него будет возможность в любой миг уйти, раствориться. Если так и поступит, дети, которых забрали, не возвратятся – или же он запросит выкуп. Слишком многое поставлено на кон, подумала я, но у меня не было выбора – или так мне казалось. Задумалась, не лучшим ли был бы союзником Теодот. Он, кажется, желал бы довериться мне. Пока я размышляла о том, как можно было б его поощрить, Эгист приблизился – достаточно шумно, чтобы я понимала: он движется к моей постели. Я слышала, как он разделся.

Тощее тело. Лицо, когда я к нему прикоснулась, – маленькое, гладкое, едва ли не женское. Я ощутила кое-какую поросль у него на груди, ниже, между ног – волосы жестче. Он не возбудился, пока не открыл маленький рот и не потянулся ко мне языком. Я приняла его язык к себе в рот, Эгист охнул.

Мы не спали. На рассвете, когда я глянула на него, он улыбнулся, и улыбка подсказывала, что он доволен – или вскоре будет, та же улыбка, о чем я позднее узнала, вспыхивала у него на лице после великолепных афер и жестокости.

Но, когда я изложила ему свой замысел, улыбка исчезла. Узнав, что я изготавилась прикончить своего супруга, когда тот вернется с войны, Эгист посерьезнел. Выяснив, что мне нужна его помощь, он пристально посмотрел на меня, а затем выбрался из постели, встал к окну спиной ко мне. Лицо его, когда он обернулся, было почти враждебным.

– Так вот для чего я тебе? – спросил он.

– Прикончу его я сама, – сказала я. – Ты не для этого мне.

– Но тебе нужна моя помощь? Поэтому я здесь?

– Да.

– Кто еще знает? – спросил он.

– Никто.

– Совсем никто? – уточнил он, глядя мне прямо в глаза, показывая пальцем на небо, словно выведывая, испросила ли я позволения богов на то, что собралась предпринять. – Ни с кем не советовалась?

– Ни с кем.

Он так поменялся в лице, что я содрогнулась.

– Я помогу тебе, когда придет время, – сказал он. – Будь уверена, я помогу.

Вскоре он нашел старуху, ядовитую пряху, привел ее во дворец, а следом – и ее внуку. В те дни я начала навещать покои Электры – Эгист ждал снаружи, как верный пес, – обсуждать церемонию к прибытию Агамемнона. Все продумали, до мелочей. Я сказала ей, что Орест поприветствует отца первым. Он набрался умений в искусстве меча, и мы решили, что позволим короткий потешный бой с Агамемноном, а свита пусть рукоплещет. Затем отца встретит Электра и заверит его, что царство столь же покойно, законопослушно и преданно, как и пять лет назад, когда Агамемнон оставил его.

Электра спросила, можно ли заикнуться об Ифигении, я ответила «нет»: помыслы ее отца легко омрачить после долгих боев, и ничего нельзя говорить, никому, что испортит прием Агамемнона и его счастье.

– Наша задача – сделать ему хорошо, – сказала я, – когда вернется он к своему народу, который любит. Об этом он думал с тех пор, как покинул нас, – о своем достославном возвращении.

За несколько дней до прибытия Агамемнона на вершинах холмов загорелись огни – предупредили нас о его приближении, и я заметила, что все вокруг напряглись. Я не упускала ни единой возможности ежедневно видеть Электру. Когда она спросила, будет ли Эгист среди тех, кто встречает ее отца, я ответила, нет, его там не будет. Лишь сколько-то дней спустя я объясню Агамемнону, до чего небезопасно мне было все это время, как сильно нужен мне был защитник для Ореста. Она молча кивнула, будто бы соглашаясь. Я тепло обняла ее.

Я побеседовала с каждым старейшиной о тоне, в каком они будут приветствовать Агамемнона. Меня почти забавляло, как быстро они привыкли к безмолвному присутствию Эгиста. Наверняка они знали –

слухи распространяются по дворцу очень быстро, – что Эгист проводил все ночи в моей постели; должно быть, раздумывали, что приключится и с ним, и, конечно, со мной, когда Агамемнон вернется.

Мы с Эгистом проговорили все возможности помех или заговора. Обсудили в подробностях, что случится в день возвращения моего супруга. Условились, что, когда Агамемнон будет готов войти во дворец, Электру нужно отвлечь и запереть где-нибудь, пока все не завершится. А Ореста убрать в безопасное место, чтобы и он не стал свидетелем происходящего.

Эгист сказал мне, что в засаде ждет пять сотен его людей, каждый предан ему. Эти люди исполнят любой приказ, дословно.

Я обняла Эгиста, все еще беспокоясь, вдруг что-нибудь произойдет в те первые же часы, когда мой супруг вернется, и это вызовет в нем подозрение. Встреча должна быть открытой, думала я, должна быть праздничной. Ни Эгисту, ни его приспешникам нельзя показываться. Нужно, чтобы я создала у возвратившегося воителя впечатление, будто все так, как и должно быть.

Расписав великий спектакль приветствия и общей радости, мы занялись любовью, свирепо, осознавая, во что ввязались, но не забывая о том, что на кону, – о трофеях.

* * *

Мы углядели вдали блиставшие колесницы. Отправили стражников встретить их, а сами твердили роли. Сначала Орест с мечом. Затем – его сестра, Электра. Затем все старейшины, по очереди, у каждого своя фраза приветствия, восславления. Я буду стоять над всем этим, смотреть, улыбаться. Наконец, двинусь к Оресту, сейчас взбудораженному, беспокойному, подойду к супругу и подтвержу то, что скажет Электра: его царство осталось таким же, каким он его покинул, – мирным, преданным, ждущим его указаний. Во дворце, на этаже ниже наших покоев, будут ждать Эгист и его соратники, ни единого звука, ни шепота. Но в основной галерее он оставит нескольких стражников, они будут готовы содействовать нам.

Агамемнон стоял в колеснице прямо. Казалось, он вырос. Сплошное самодовольство: он глядел на нас, ждущих. Когда я заметила, что он видит меня, я постаралась принять вид горделивый, а следом – смиренный. Даже завидев, что в его колеснице рядом с ним стоит женщина, красивая, юная, я еще издали широко улыбнулась обоим, а затем смягчила улыбку теплом. Орест подошел, Агамемнон расхохотался. Выхватил меч и принялся биться с сыном, зовя свою свиту на выручку, чтоб помогла победить знаменитого

воина.

Мы подучили Ореста сдать в сторону и уйти во дворец, ждать у меня в комнате, где, как его заверили, его вскоре найдет отец. Выступила Электра. Она излучала власть, напыщенность, серьезность. Склонилась перед отцом и перед женщиной рядом с ним, проговорила слова, о которых мы с ней условились, а затем поклонилась еще раз, и отец ее поздоровался со всеми старейшинами. Вскоре вокруг его колесницы собралось их несколько, и он описал какую-то битву, где победил, с подробностями изумительных стратагем, что принесли ему эту победу.

Тут я подала знак своим женщинам, и они поднесли ковры, уложили их с того места, куда опустятся стопы Агамемнона, и до дворцового входа. Он подал руку юной гордой женщине рядом с собой, та распахнула плащ и явила алое одеянье невероятной роскоши. Ее волосы свисали свободно, она шагнула с Агамемноном на ковер. Взгляд ее озирал все вокруг, будто эти края в ее грезах всегда были ее и стали явью лишь для ее удовольствия.

– Это Кассандра, – сказал мой супруг. – Мы взяли ее в плен. Это часть нашей добычи и наших трофеев, что мы привезли с собой.

Кассандра вскинула милую голову и высокомерно перехватила мой взгляд, словно я рождена была, чтобы ей прислуживать; затем посмотрела на Электру – та изумленно глазела. Множество колесниц уже прибыло, некоторые – с сокровищами, какие-то – с пленниками, руки связаны за спиной. Кассандра стояла поодаль, с презрением глядя на уводимых рабов. Я двинулась к ней, пригласила ее во дворец, подавая Электре знак, чтоб шла следом.

Оставив Агамемнона рассказывать байки, торжествуя махать руками и распределять рабов среди своих воинов, мы вошли внутрь, и Кассандра забеспокоилась. Спросила, можно ли ей вернуться во двор и найти моего супруга, я отказала: нам, женщинам, следует быть внутри.

В этот миг все могло быть потеряно: Кассандра заговорила испуганно – о сетях угрозы, о ловушках, опасных плетениях. Вполголоса упомянула она убийство. Она умеет такое видеть, сказала она, она чувствует убийство. Появилась Электра – слишком распаленная возвращением отца, ей не до слов Кассандры. Я попросила Электру проверить пиршественные столы. Я знала, что люди Эгиста ждут ее. И знала, что Ореста уведут из дворца двое стражников.

Кассандра все говорила, голос ее – все настойчивее, она требовала, чтобы ей дали вернуться к Агамемнону, я сказала страже, чтобы ее забрали в дальний покой. Велела одному из них сообщить моему супругу, если тот спросит, что Кассандре хотелось места для отдыха, ей предоставили самую

уютную комнату для гостей и та ей вроде понравилась.

Теперь я стояла одна у входа, ждала, а колесницы всё прибывали, приветственный клич взмывал вновь и вновь, а мой супруг повторял какую-то байку, которую он уже изложил этим людям, жадным до победоносной улыбки, до знакомого прикосновения, до богатого звука голоса Агамемнона.

Все, что знала я, – применила. Не говорила, не двигалась. Не хмурилась, не улыбалась. Смотрела на Агамемнона, словно был он богом, а я – слишком скромной, чтоб и находиться-то рядом с ним. Такова была мне задача – ждать. Одного слова предупреждения от этих людей хватит, чтобы все изменить. Я наблюдала за ними, но видела, что им не дали возможности заговорить. Агамемнон хвалился какой-то опасностью, которой смог избежать. Этот пузырь его шума некому было проткнуть.

Однако чем дольше он с ними был, тем уютнее им становилось, а это усиливало опасность. Если он не оставит их в скором времени, думала я, кто-нибудь нашепчет предупреждение – и этого хватит. При нем вся его стража. Они тоже смеялись и похвалялись рабами. Одно только слово – и все переменится.

Я спокойно смотрела, как Агамемнон двинулся прямиком на меня, лицо обветрено, однако вид у него открытый, радушный и милый: я знала, что взяла верх.

– Кассандра попросила ванну, – молвила я, – и постель, где ей отдохнуть перед вечерним пиром. Электра отправилась с ней, а также несколько женщин.

– Да, хорошо.

На мгновенье-другое что-то омрачило ему лицо, но вот оно вновь прояснилось.

– Я ждал этого дня, – сказал он.

– Все для тебя приготовлено, – проговорила я. – В кухнях трудятся. Пойдем со мной в наши покои. Я приказала наполнить ванну, свежее облачение ждет тебя, чтобы, когда ты появишься на пиру, твое торжество было полным.

– Покои Кассандры должны быть рядом с моими, – сказал он.

– Я прослежу, – отозвалась я.

– Ее предупреждениями был я свирепей в последнем бою, – продолжил он. – Без нее мы б не победили. Наши триумфы в последних боях – отчасти ее заслуга.

Он так увлекся этой беседой, что едва замечал, куда мы идем. И вновь одного оклика, любого странного звука, знака хватило бы, чтобы он замер. Но ничего – лишь его голос, он начал описывать подробности каких-то битв и рассказывать мне о трофеях, что пока еще были в пути.

Мы вошли в комнату, где наполнили ванну, и я проследила, чтобы не обнимать его, не прикасаться к нему. Это время прошло. Я – слуга его, я помогла ему снять облачения, проверила воду. Необычно лишь то, что я уловила небольшую вспышку желания, пока он стоял обнаженный, неумолчно болтая. Когда-то он был красив. Я ощутила прилив застарелой нежности, и этот прилив – или же та перемена во мне – усилил мою решимость, заставил понять еще резче, что, если мой настрой исказится, так же легко он может сместиться и в Агамемноне. Это напомнило мне, как быстро мой супруг начинает подозревать. Стоит такому случиться, он поймет, как слепо дал себя привести сюда, до чего уязвим он здесь, в этой комнате, без своей стражи.

Я собиралась ждать, пока он завершит омовение и потянется за полотенцем, но теперь поняла, что медлить нельзя. Подождала того мига, когда он повернется спиной. Плетеное одеяние висело на крюке на стене. Агамемнон опустил одну ногу в ванну, я подошла к нему сзади, набросила сеть и затянула ее, словно стараясь его защитить. Кинжал я припрятала под одеждой.

Видела, как он пытается освободиться, закричать. Но из-за сети не мог он двинуться, а голос его не был слышен. Я схватила его за волосы, откинула ему голову. Показала ему кинжал, нацелила сперва ему в глаз, он отпрянул, а затем воткнула лезвие ему в шею, прямо за ухом, отодвинулась от струи крови, а затем загнала кинжал еще глубже, кровь полилась привольной, бурливой волной, по груди у него, в воду ванны. А затем он упал. Дело сделано.

Я тихонько прошла коридором на нижний этаж и нашла Эгиста там, где мы условились.

– Я все совершила, – прошептала я. – Он мертв. Следом вернулась в свои покои, сказав двоим стражникам, чтоб не беспокоил меня никто, кроме Эгиста.

Через несколько мгновений пришел Эгист и заверил меня, что и Орест,

и Электра препровождены в безопасное место.

– А Кассандра? – спросила я.

– А что тебе до нее?

Моя очередь улыбаться.

– Хочешь, чтобы я? – спросил он.

– Да, хочу.

Она заявила к нам в полной славе, а теперь в бесчестье металась по дому, искала Агамемнона, прозрев, что с ним что-то случилось. Эгист шел за ней не спеша. Заметив ее, я спокойно ввела ее в ванную, где она увидела моего согбенного супруга, нагишом, голова – в кровавой воде. Она взвыла, я выдала Эгисту кинжал, каким прикончила Агамемнона, и показала, что предоставляю ему разбираться.

Вернулась к себе. Нашла свежие одеяния, изготовилась к грядущему пиру.

Эгисту пришлось заниматься всем остальным. Как и было обещано, с гор пришли пять сотен его сторонников. С наступлением темноты он приведет их напрямиком во дворец. Они окружают дома старейшин и не позволят им собраться, пока не явятся все к нашему столу. Остальным своим людям он накажет окружить рабов и защищать трофеи.

Солдат, вернувшихся с моим супругом, поприветствуют ревом рогов, и во дворце начнется великий пир, богатый яствами и крепким вином. Ночь будет идти своим чередом, солдаты напьются и отвлекутся – и не заметят, что двери в зал заперты, а люди Эгиста меж тем станут ждать в засаде.

Поначалу все решат, что это недоразумение, позовут на помощь. Когда двери отворятся и солдаты выйдут во тьму ночи облегчиться или проверить, все ли спокойно, на них набросятся. Связать их и отвести туда, где сейчас рабы, будет нетрудно. С первой зарей рабов и солдат уведут люди Эгиста.

За горами предстоит подготовить каменистую пустошь, очистив ее под виноградники и фруктовые деревья. Это займет несколько лет. Мы договорились, что большинство рабов и солдат надо оставить там, под охраной, но кое-кого предстоит быстро вернуть – как только мы определим, кто из них был ближе всего к Агамемнону. Выберем тех, кто знал о новых землях, которые теперь в нашей власти, и имена людей, которых Агамемнон оставил за главных. Эти солдаты лучше всех знают, как удержать и сохранить завоеванное. Будут работать на нас – под нашей прямой защитой и приглядом.

Кое-кто из людей Эгиста останется здесь – принимать войска, постепенно возвращающиеся с войны. Они погонят их прочь, к остальным.

Отнимут всю добычу, какую смогут, присмотрят за покоем, сделают все, чтобы ничего нежелательного не происходило при свете дня – и никаких тайных собраний или мелких заговоров по ночам. Будут стеречь дворец как зеницу ока. Десятерым самым преданным и сильным, назначенным мне в личную стражу, велю всегда быть рядом со мной.

* * *

Когда в тот вечер начался дворцовый пир, те десятеро прибыли к моим покоям. Остальные Эгистовы люди тоже спустились и взялись за дело. За годы Эгист натаскал их действовать точно, без пыли и шума. Никаких кличей, никакого ликования: должна царить безжалостная тишина, бдительность, приверженность замыслу.

Я облачилась в то же платье, в каком была на заклании дочери, платье, что сшили мне для свадьбы Ифигении, годы назад. Волосы мне уложили так же, ту же белизну придали моему лицу, те же черные линии нанесли вокруг глаз.

Подали яства – будто ничего странного не происходит, хотя гости и слуги наверняка знали, что в ванной лежат два покойника, а пол там залит их кровью. Когда трапеза подошла к концу, я обратилась к собранию.

– Мальчики – ваши сыновья и внуки – будут освобождены. Их вернут к вам в дома ночью, когда их менее всего ждут. Если возникнет хоть какая-то попытка противостоять мне, малейший шепот меж вами или малые сходки, все отменится, а угроза их безопасности сильно возрастет. И вот еще что: предупредите мальчиков, когда они вернуться, чтоб никому и никогда не рассказывали, где они были, пусть и не заикаются, что их вообще увозили.

Люди кивали, даже не глядя друг на друга. Я велела им оставаться за столом еще некоторое время, пока люди Эгиста по моему указанию выложили тела моего супруга и женщины Кассандры, озаренные факелами, на улице, у всех на виду, – и пусть остаются там до утра, весь следующий день и, возможно, далее.

Я вернулась к столу и пожелала всем спокойной ночи, встала в дверях понаблюдать, как они проходят мимо нагого тела Агамемнона и тела Кассандры в красном, глотки перерезаны. Люди шли мимо не останавливаясь, без единого слова.

* * *

Когда я была готова захоронить тела, когда всех узников увели, а дворец погрузился в покой – если не считать жужжания мух, я сказала

Эгисту, что хочу видеть Электру и Ореста. Желала, чтобы теперь, когда свершилось правосудие, они были рядом.

Когда через несколько часов мне пришлось приказать это повторно, Эгист помрачнел.

– Электру я могу освободить немедленно, – сказал он.

– В каком смысле – освободить? – переспросила я. – Где она?

– В темнице, – ответил он.

– Кто сказал тебе, что ты вправе поместить ее туда?

– Я сам решил ее туда поместить, – сказал он.

– Освободи ее сейчас же! – приказала я. – И приведи ко мне Ореста.

– Орест не здесь, – отозвался он.

– Эгист, где Орест?

– Мы договорились, что его отведут в безопасное место.

– Где он?

– В безопасности. Он с другими мальчишками, которых забрали – или же на пути туда, где их держат.

– Я желаю, чтобы он вернулся немедленно!

– Это невозможно.

– За ним надо тут же послать.

– Слишком опасно передвигаться.

– Я повелеваю тебе вернуть его.

Эгист примолк на несколько мгновений, и я видела, что ему нравится меня томить.

– Я решу, когда ему время вернуться, – произнес он. – Решать это буду я.

Он посмотрел на меня удовлетворенно.

– Твой сын вне опасности, – сказал он.

Я поклялась себе, что больше не совершу ошибок, но сейчас поняла: я полностью в его власти.

– Что мне сделать, – спросила я, – чтобы ты вернул его сейчас же?

– А вот это мы, пожалуй, могли бы обсудить, – сказал он. – Но пока не тревожься о нем. Он в хороших руках.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила я.

– Что ты обещала, – ответил он.

– Я хочу, чтобы он вернулся, – сказала я.

– Так и будет, – промолвил он. – Не стоит беспокоиться попусту.

Он поклонился и вышел вон.

* * *

В последующие дни во дворце было тихо. Новые стражники ночью не спали, они бдели, готовые подчиняться приказам Эгиста. Боялись его, я это видела, а это значило, что ни бахвалиться, ни чрезмерно болтать не станут. Ночью он приходил ко мне в спальню, но я знала, что бывал он и в кухнях – или где-то еще во дворце, где собирались женщины, и понимала, что с кем-то из них он путался, может, с двумя, а еще с кем-то из мальчишек-слуг.

Спал он с кинжалом в руке.

Электра зашла один раз повидаться, встала в дверях, воззрилась на меня, а потом без единого слова отвернулась.

Дворец оставался домом теней, местом, где кто-то, казалось, все еще мог бродить по ночам, и никто его не остановит. Однажды утром, с рассветом, я проснулась настороженно и обнаружила у изножья юную девушку, она смотрела на меня.

– Ифигения! – вскричала я. – Ифигения!

– Нет, – прошептала она.

– Кто ты?

– Моя бабушка пряла для тебя, – сказала она.

Я осознала, что со всеми заботами дней после смерти Агамемнона мы забыли о девушке и ее праматери.

Эгист не спал. Коротко бросил, что скоро устроит их возвращение в деревню среди синих гор, откуда мы их забрали.

Я выбралась из постели и подошла к девушке. Она меня не боялась.

Взяла ее за руку – отвести в кухни и проследить, чтобы их со старухой накормили; свет утра был нежным и золотым. Тишину нарушало лишь пение птиц.

Вскоре, подумала я, отыщу способ умолить Эгиста вернуть мне Ореста. Поскольку грозить ему я не могла, никак ему не воспротивишься. Придется с ним повозиться.

А еще думалось мне, что, когда Орест возвратится, я бережно поговорю с его сестрой – в надежде, что теперь мы сможем жить уютно все вместе, когда восстановлен порядок. Представляла Ореста взрослым мужчиной, он выучится у меня и Эгиста, как держать поводья власти, как ослаблять их и как натягивать, делать их туже в нужное время, применяя нежную силу. Я даже воображала Электру смирной и тихой. Прощающей. Станем гулять с ней по саду.

Держа за руку эту девушку, я прозревала возможность бескровного будущего. Если Эгист научится мне доверять, это будет нетрудно. Возможно, худшее позади. Вскоре все станет казаться правильным.

Вскоре я заставлю Эгиста поверить, что он получит то, чего хочет.

Орест

В недрах дворца Орест заметил странную пустоту и тишь. Слуги, подумал он, должно быть, тоже вышли поздравить его отца с победой. Пока Орест шел в комнату к матери, куда та его выслала, он себе казался маленьким и одиноким.

Жалко, что мать не отправила с ним кого-нибудь, кто, скажем, ловко сражается на мечах или искусный лучник, пусть бы помог Оресту подготовиться, чтобы можно было показать отцу еще больше новых умений.

В спальне у матери Орест нашел себе место, где сесть. Меч положил на пол, стал ждать. Слушал внимательно. Встал, выбрался в коридор, подождал там, всматриваясь, но коридор пустовал. Мальчик решил вернуться к главным дверям и, может, отыскать мать, попроситься, пусть позволит побыть с ней или с Электрой.

Он двинулся вперед и тут услышал голоса. Где-то разговаривали мужчины – рядом с комнатой, где спала стража. Несколько стражников он знал. Одному нравилось биться на мечах, и он вызвал Ореста сыграть – предложил отправиться в сад за дворцом. Орест задумался, подходит ли время для игр, забеспокоился, что мать может обыскаться его. Но тот человек уж очень был улыбчив и пылок, и Орест проникся беззаботностью, захотел согласиться. Трое других стражников показались суровее и холоднее.

– Скажете моей матери, куда мы пошли? – попросил их Орест.

Кто-то из них кивнул, и Оресту стало спокойнее, он пошел за стражником к саду.

Они посражались недолго, и тут появились двое знакомых Оресту стражей. Один был приветлив и обратился к нему по имени, второй же казался более отчужденным и встревоженным. Орест задумался, интересно, умеет ли кто-то из них – или оба – играть, если первый стражник устанет. Но отчужденный тут же вмешался и остановил бой.

– Твоя мать велела отвести тебя по тропе, ведущей к дороге, – молвил он. – Там будет пир.

– Когда она тебе это сказала?

– Только что.

– А мой отец знает?

– Конечно.

– Он придет на пир?

– Конечно.

– А Электра?

– Да.

– А Эгист?

– Нам велели тебя туда отвести.

– Может, останется время для боя перед пиром, – добавил приветливый.

– Думаю, мне надо ждать маму, – сказал Орест.

– Твоя мама уже ушла, – проговорил второй.

– Куда?

– Туда, куда мы идем.

Орест на миг задумался. Оба стражника приблизились вплотную, каждый положил руку ему на плечо. Повели Ореста прочь от дворца.

– Надо спешить, чтобы успеть дотемна, – сказал один.

– Но как же все остальные туда доберутся?

– На колесницах.

– А нам колесницу нельзя?

– Колесницы – для мужчин, вернувшихся с боев.

– Дай мне свой меч, – сказал отчужденный. – Верну, когда доберемся.

Орест вручил ему меч.

Постепенно, когда те двое перестали болтать и велели ему шагать побыстрее, Оресту стало казаться, что происходит недоброе. Не надо было идти с ними. Несколько раз, когда он оглядывался, тот стражник, который нравился мальчику меньше, подавал ему знак, чтоб Орест шевелился. Когда он спросил, долго ли им до остальных, никто ему не ответил. А когда он сказал наконец, что хочет вернуться, оба стражника схватили его за сорочку и потащили вперед.

Тут он заметил, что сгущается ночь. Понял, что его взяли в плен, – или кто-то выдал этим стражам неправильные приказы. Подумал, впрочем, что из дворца, как только заметят пропажу, пошлют других стражников на поиски. Поскольку они миновали много домов, их видели люди, тем, другим стражникам скажут, куда его повели. Орест вообразил, как рассердится мать, когда обнаружит, что сын пропал. Подумал, что так и надо сказать этим двоим, но их молчание делалось все суровей, а движение вперед – все решительней. Этим двум стражникам, решил Орест, несдобровать.

А потом стемнело, и они нашли место передохнуть. У стражников было немного еды, они поделились с Орестом. Но все равно молчали. Когда он

сказал, что хочет домой, они не обратили внимания. А когда добавил, что его мать отправит людей на поиски, промолчали опять. Тогда он встал и потребовал обратно свой меч, но ему сказали, чтоб спал, а наутро все будет в порядке.

И лишь когда Орест вспомнил о похищенных детях – заплакал. Электра ему рассказывала о мальчишках, которых похитили, и предупреждала, чтоб Орест не выходил за пределы дворца. Орест знал кое-кого из пропавших мальчиков. Тут до него дошло, что теперь и он – пропавший. Может, вот так же забрали и остальных, может, их так же выманили.

Поутру стражник, что подобрее, спросил у него, все ли ладно, сел рядом, обнял.

– Все будет хорошо, – проговорил он. – Твоя мать знает, где ты. Мы за тобой присмотрим.

– Ты сказал, что мы идем на пир, – отозвался Орест. – Я хочу обратно.

Снова принялся плакать, но стражник ничего не сказал. Тогда Орест вскочил и попробовал убежать, однако стражники обошлись с ним грубо и усадили между собой.

Чуть погодя донесся шум голосов. Стражники напряженно переглянулись и заставили Ореста спрятаться в кустах. Орест решил, что не будет кричать, пока те люди не подойдут совсем близко – чтобы они смогли тут же его найти. Он видел, что, пока голоса приближались, его стражникам стало страшно.

Он уже собрался кричать, но тут стражники выбрались из кустов и принялись обниматься с толпой людей, ведущих строй узников. Орест разглядел, что узники были связаны между собой по трое-четверо. У некоторых на лице были порезы и синяки. Заключение свесили головы и медленно шли, а их стражники и те двое, что были при Оресте, встревоженно зашептались, спешно обмениваясь новостями.

* * *

Раз-другой он плакал, или усаживался и отказывался идти дальше, или увещевал стражников, но всякий раз тот стражник, который нравился Оресту, подходил, обнимал мальчика и говорил, что ничего страшного не происходит, просто замысел изменился, вот и все, и скоро Орест увидит отца и мать. Когда Орест спрашивал, куда именно они идут и когда он увидит родителей, стражник говорил ему не волноваться, просто идти изо всех сил.

Шли весь день, а мимо брели в ту же сторону колонны узников. Когда Орест устал и попросил дать ему отдохнуть, его стражники растерянно

переглянулись.

– Нам надо двигаться дальше, – сказал один из них.

Те, кто шел им навстречу, ко дворцу, все знали стражников Ореста. Каждый раз, когда они встречали таких людей, один стражник оставался при Оресте, а второй шел к знакомым – сумрачным шепотом обмениваться вестями, следом – дружественный жест и расставание.

Весь путь Орест замечал стервятников: те восседали в кронах деревьев или в густом подлеске, часто и яростно ссорились друг с другом или хлопали крыльями в небе, наблюдали.

На второй день, ближе к вечеру, Орест заметил дым, а затем увидел дом и овин в огне. Они приблизились; там поодаль от зданий ждали мужчины, построенные рядами. Все связаны между собой, стояли они угрюмо, а кто-то из стражников забивал свиней, резал кур, остальные же сгоняли стадо овец. На все это смотрели какой-то мужчина и двое мальчишек.

Внезапно из овина выбежала тощая женщина. Она кричала. Сначала просто вопила, а потом принялась выкрикивать слова – поносила стражей. Помчалась к мужчине и мальчикам, протягивая руки, и тут один страж схватил шест и, взявшись обеими руками, ударил им женщину по лицу. Удар, похоже, сломал ей кости и зубы, подумал Орест, но, прежде чем женщина согнулась и повалилась на землю, свернувшись клубком, повисло мгновенье-другое полной тишины.

Стражники повели Ореста дальше. Теперь он дрожал и плакал – и ему было голодно.

Минуло еще несколько дней, и, хотя он почти все время шел между стражниками, они не угрожали ему и не грубили. В основном помалкивали. Несколько раз Орест спрашивал их об отце и матери, но ему попросту не отвечали. Но Орест слышал, как они разговаривают ночью, и узнал, что те многие люди, связанные друг с другом, которых гнали куда-то, были солдатами, вернувшимися с его отцом. Остальные были рабами, которых отец захватил.

Из случайных фраз Орест понял и еще кое-что: у стражников был приказ отвести его куда-то, а затем присоединиться к тем, кто возвращался во дворец. Когда говорили открыто в его присутствии, его стражники обсуждали людей и места, имен которых Орест не распознавал. Тот стражник, кто ему не нравился, постоянно повторял другому, чтобы тот больше ничего не говорил, и добавлял, что наговорятся всласть, когда сделают дело.

Орест однажды спросил их, кто выдает им приказы, и те двое чуть не рассмеялись над ним. Когда спросил, куда они идут, ему сказали, что он

все узнает в свое время. Орест взгляделся в их лица и примолк – вдруг кто-то из них упомянет его отца или мать. Но ему сказали, что чем меньше они болтают, тем дальше уйдут.

Как-то раз ночью Орест оказался неподалеку и подслушал еще кое-что из того, о чем перешептывались стражники. Упоминали Эгиста, но вскользь, мимоходом; ни об отце, ни о матери речи не шло. И хотя он отчаянно устал от ходьбы и хотел спать – изо всех сил старался бодрствовать и слушать, однако беседа пошла о земле, о громадных наделах ее, о земле с оливами и садами, о земле рядом с ручьем, о пристанище. Кто-то из них заговорил о постройке дома, о том, что сейчас самое время строить: теперь есть рабы и солдаты, будет кому таскать камни.

Орест видел, что люди в деревнях и домах по пути напуганы. Иногда было видно, что тот или иной дом сожжен или разрушен. Если они требовали еды в домах, ее быстро давали; если искали укрытия – что случалось реже, – их пускали поспать в амбар или в овин. Но чем дальше шли, тем обширнее были расстояния между деревнями, а многие дома, которые они миновали, кто-то уже разорил до них. Стражники забирали с собой еду, какую могли, но чаще им не доставалось ничего.

Однажды вечером, после того как они прошли целый день без еды, стражник, который Оресту не нравился, объявил, что пойдет искать дом или лачугу подальше от той дороги, по которой шли все. Вернется до темноты, сказал он, оставляя Ореста и второго стражника на поляне между деревьями, – мол, он ее быстро отыщет на обратном пути.

Орест поспал. Проснулся голодным, уже почти стемнело, но стражник не возвратился. Вышла луна, и Орест заметил, что второй стражник за ним наблюдает. Собрался закрыть глаза и попытаться заснуть – или прикинуться спящим, но решил, что, может, сейчас самое время сесть и поглядеть, не удастся ли разговорить этого стражника: вдруг он объяснит, куда они идут и зачем вообще ушли из дворца. Стражник помалкивал, и Орест задумался, с чего бы начать.

– А он нас найдет в такой темноте? – спросил он наконец.

– Думаю, да, – отозвался стражник. – Луна уже полная.

Оба помолчали, но Орест чуял, что стражнику в тишине бесприютно. Этот человек явно все знает, решил Орест, но никак не мог придумать вопрос, который подтолкнет стражника объясниться.

– Еще далеко? – спросил он тихонько.

– Что?

– Дотуда, куда мы идем.

– Может, несколько дней, – ответил стражник. Они отвернулись друг от друга, словно испугавшись. Ясно, подумал Орест, о чем нужно спрашивать дальше. Он должен спросить, куда именно они идут, но до него дошло, что, спроси он впрямую, стражник не ответит. А если стражник откажется отвечать на один вопрос, другие задать будет труднее. Надо придумать вопрос, на который этот человек нечаянно да ответит, и у Ореста будет намек на то, куда они держат путь.

– Ты мне нравишься больше, чем тот, другой, – проговорил он.

– Он хороший. Просто делай, что он говорит.

– Он начальник?

– Мы оба начальники.

– А кто отдал вам приказы?

Орест понимал, что задал вопрос, ответ на который может иметь значение. Каким бы ни оказался ответ, он может объяснить, что к чему. Стражник вздохнул.

– Сейчас трудное время, – молвил он.

– Для всех? – спросил Орест.

– Наверное, – ответил стражник.

Орест не смог сообразить, что это может значить. Понял, что лучше отбросить всякие предосторожности и задать вопрос, в котором есть слово «отец».

– Мой отец знает, что я здесь? – спросил он.

Стражник поначалу не ответил. Орест едва ли не боялся дышать. Ветра не было – и ни единого звука, даже лая собак или шума других зверей в отдалении. Царила тишина, которую Орест не собирался нарушать.

– За тобой присмотрят, – проговорил стражник.

– Других мальчиков похитили, – сказал Орест. – Мать и Электра беспокоятся, что меня похитили. И отец.

– Тебя не похитили.

– Я бы хотел обратно свой меч, – сказал он.

– Все будет в порядке, – отозвался стражник.

– Ты уверен, что меня не похитили? – спросил Орест.

– Нет-нет, вовсе нет, – ответил стражник. – Не волнуйся и иди с нами, все с тобой будет как надо.

– Почему мне нельзя вернуться?

– Потому что твой отец пожелал, чтобы ты пошел с нами.

– Но где он?

– Скоро увидишь его.

– А маму?

– Всех.

– Почему мы идем пешком?

– Брось задавать вопросы и спи. Скоро со всеми увидимся.

Орест уснул и проснулся от их голосов – тихих, встревоженных. Лежал, совершенно не двигаясь, слушал, как стражник, который уходил, говорит, что не нашел никакой еды, совсем никакой, лишь заброшенные дома без признаков жизни, пустые кладовки, никаких животных в полях. Но это не худшее, сказал он. Кто-то отравил колодцы. Он столкнулся с солдатом, у того двое напарников отравились. Стражника предупредили, чтоб не пил ни из каких колодцев. А потому вернулся он не только без еды, но и без воды.

– Кто отравил колодцы? – спросил второй стражник.

– Они думают, что селяне – те, что прячутся выше в горах, но никого пока не нашли. Нет времени искать.

Один из стражей встряхнул Ореста – тот притворился спящим.

– Надо идти, – сказал он. – У нас нет ни еды, ни воды, но идти надо. Найдем что-нибудь по дороге.

Орест захотел пить еще до того, как подались в путь. Даже капля воды – другое дело, думал он. Попытался вообразить себе день, который ждал его впереди, поделив его на шаги. Сколько шагов предстоит сделать за день? Пытаясь отвлечься, он воображал, что впереди всего десять шагов – и будут питье и отдых. А затем, после тех десяти шагов, воображал, что еще всего десять.

Примерно через час он уловил запах чего-то гниющего. Поглядел на своих стражей – те зажимали носы. Вонь нарастала, и Орест заметил два тела: мухи гудели над ними, лежащими рядом на дороге, плотью пировали стервятники. По одежде Орест решил, что эти двое – из людей, что шли ко дворцу, из тех, кто останавливался обменяться вестями с его стражниками, те люди казались время от времени почти спокойными и уверенными. Орест и стражники подошли совсем близко к покойникам, и вонь была столь невыносимой, что все трое ускорили шаг, но Орест успел глянуть в лица тем трупам: глаза широко распахнуты, рты искривлены, словно эти люди кричали или вопили, когда умирали. Пройдя мимо, ни один из троих не обернулся.

Орест чувал, что его спутники как никогда прежде стремятся вперед. Он понимал, что в любом случае прикорнуть тут негде совсем: жильё сделалось редким, а земля – еще бесплоднее.

Он размышлял – лишь бы усмирить отчаянную жажду, а следом и голод, между припадками слабости, когда казалось, что не пройти ему

дальше, – почему он не ценил полнее дни, когда был свободен и мог бродить по дворцу. Жалел, что матери нет рядом – или где-то поблизости, чтобы можно было прийти к ней и лечь подле.

Когда они остановились, измотанные, стражники вроде бы едва желали двигаться дальше. Сели на землю, угрюмо вперившись вперед. Всё вокруг – тишина, прерываемая лишь треском сверчков, да из-под камней к другим прибежищам сновали ящерицы.

В тот же день, когда тени стали длиннее, они заметили в отдалении дом. К тому времени Орест дрожал так, будто замерз, и цеплялся за стражника; двигались медленно. Оресту казалось, что у него распухает язык. Мальчик одержимо сглатывал любую слюну, какая осталась во рту, но ничегошеньки не было, рот пересох совершенно, а от глотаний саднило горло.

Они изможденно брели к тому дому, что стоял в конце длинной земляной тропы, обсаженной оливами. Никаких звериных звуков вокруг – и ощущение после каждого шага, что это строение давным-давно бросили.

Орест уселся в тени, стражники обошли дом, и один воскликнул, завидев у дома колодец. Орест разглядел, что дом в неплохом состоянии. Стражники толкнули дверь и вошли.

Внезапно изнутри долетел звук – ломали деревянное, закричала женщина, послышался громкий мужской голос, а затем стражники стали выкрикивать кому-то приказы: чтоб выходили вон и встали у дома. Орест поднялся, и тут из дверей дома показалась пара, потрепанная, испуганная, оба одновременно говорили со стражниками. Один из них велел паре молчать, второй вернулся в дом и вышел обратно с громадным глиняным кувшином и чашкой. Вручил чашку мужчине, велел наполнить ее из кувшина и выпить.

Мужчина пил, а Оресту сделалось плохо, желудок скрутило. Он попытался не двигаться, но пришлось уйти за куст подальше от всех – его вырвало. Вернувшись, он хотел только воды. Подался к кувшину, однако стражник велел ему ждать, сурово сказал, что, если там яд, надо дать время, чтобы подействовал. Будут сидеть и ждать и, если все будет хорошо, попьют из кувшина. Но не раньше.

Женщина и мужчина стояли, вперившись в землю, двое стражников, устроившись в тени, ждали. Орест сел на пороге. Хотя никто не разговаривал, было понятно, что пара, найденная в этом доме, напугана – мужчина переполошился не меньше женщины. Орест задумался, была ли впрямь та вода отравлена и ждут ли эти двое, когда яд подействует.

В конце концов, раз вода не отравила мужчину, двое охранников

принялись пить, чашку за чашкой, так жадно, что Оресту хотелось спросить, не забыли ли они про него. Теперь, когда вода была под рукой, он усомнился, хватит ли ее. Когда один из стражников показал ему знаком, что можно, Орест тут же пошел к кувшину. Ему оставили две чашки. Выпив вторую, Орест наклонил кувшин, добыл все до последней капли.

Допив, он огляделся и увидел, что один из стражников смотрит в колодец. Затем тот поманил мужчину к себе и приказал достать из колодца еще воды. Может, подумал Орест, им удастся забрать воду с собой – или, скажем, провести вечер в доме, или даже день-другой. Как бы то ни было, им нужно больше воды. Человек встал у колодца, привязал к кувшину веревку и опустил его; остальные смотрели. Орест заметил, что женщина еще больше встревожилась. Руки прижала к бокам, но взгляд ее сновал между стражниками и ее домом.

Когда кувшин показался, стражник, который Оресту не нравился, вручил мужчине чашку и велел пить. Мужчина гордо взглянул на него, словно это он владел положением. Помолчал. Затем поглядел на жену. В тот миг, когда все они сосредоточились на мужчине и на кувшине, из дома выбежали несколько детей, мать закричала им, велела быстрее убегать. Их было четверо – трое мальчишек и девочка. Двоим мальчишкам и девочке удалось удрать, прежде чем стражники смогли броситься вслед, но самого младшего ребенка – Орест решил, что ему четыре или пять, – поймали, притащили обратно и поставили рядом с матерью. Он громко ревел, слов Орест разобрать не смог, стражники же вернулись и встали у колодца.

Орест тоже заплакал. Подумал, может, и ему убежать вслед за детьми, поглядеть, далеко ли они удрали. Он мог бы, наверное, им объяснить, кто он такой и откуда пришел.

– Пей воду, – услышал Орест, это стражник велел мужчине.

Орест видел, как мужчина помедлил и глянул на жену.

– Кто-то из вас будет пить, – сказал стражник, подошел и схватил мальчишку. – Пусть ребенок пьет, если сам боишься, – продолжил он.

Мать расплакалась и забрала мальчика от колодца.

– Пей! – сказал стражник. – Целую чашку, при мне. Наливай и пей.

Но человек не наполнял чашку, которую держал в руке. Глядел вдаль, словно оттуда могла прийти помощь – или что-то могло случиться. Выпрямился во весь рост, а лицо его сделалось напряженным, суровым. Они с женой поглядели друг на друга, жена вскинула ребенка на руки и держала его высоко.

– Если не станешь пить, – сказал стражник, – я возьму твоего мальчика и залью ему чашку этой воды в глотку.

Мужчина, казалось, крепко задумался. Даже ребенок притих. С достоинством на лице мужчина наполнил чашку. Подержал в руке, вздохнул и выпил залпом. Проделав это, подошел к жене и ребенку, потрепал мальчика по волосам, погладил жену по голове. Другой рукой взял жену за руку.

Затем неторопливо отстранился от женщины и от ребенка и принялся кашлять. Поначалу звук был негромким, но вскоре в нем послышался большой надрыв, мужчина вскинул руки к горлу, словно давился. А следом, когда боль, похоже, усилилась, пал на колени. Хватал воздух ртом, выкрикивал слова. Его жена, все еще с ребенком на руках, запела. Орест никогда не слышал такого голоса. Во дворце пели слуги, их песни – счастливые, и даже в другие разы, когда слышал он пение, всегда пели хором, а не женщина в одиночку.

Голос взмывал, в нем была мольба. Орест понимал, что она обращена к богам.

Мужчина вопил от боли; все его тело содрогалось на земле, руки – у горла, словно он пытался вытолкнуть яд из гортани в рот, выдавить прочь.

Он попытался встать, изо рта показалась черная кровь, закапала в пыль. Глаза у него закатились, а боль, казалось, сместилась из горла в желудок. Какое-то время Орест с ужасом наблюдал, как мужчина хватается за живот и ревет от боли. Но следом у него изо рта забулькала пена. Мужчина подался к жене, та продолжала петь, держа ребенка, тот смирно сидел у нее на руках. Мужчина притих, а затем повернулся и лег на спину – так, чтобы обеими руками крепко взять жену за щиколотки.

Оба стражника пялились на эту сцену. Глаза у мужчины остались открытыми, так же и рот, но не доносилось ни звука – ни от него, ни от его жены. Песня закончилась, и Орест понял, что мужчина умер. Один из стражников позвал Ореста в дом. В главной комнате была фальшивая стенка из дерева, а за ней – лежанки и стол.

Они забрали всю еду, какую смогли, – хлеб, сыр и немного вяленого мяса. Нашли еще один кувшин воды, но стражник покачал головой, и даже Орест, пусть и ощущал жажду сильнее, чем та, что была с ним, пока они шли, к воде не притронулся. Они вышли из дома и двинулись по тропе обратно к дороге, а женщина осталась стоять с ребенком на руках, на земле перед ней – мертвый мужчина.

Орест со стражниками шли долго-долго и лишь потом остановились. Сели молча, развернули завязанную узлом тряпицу с едой. И хотя Орест страшно проголодался, его скорее мутило, чем тянуло к еде. Без питья добыча из того дома казалась заветренной и сухой. Орест наблюдал, как

стражники отщипывают от хлеба, пытаются есть. Никто не притронулся ни к сыру, ни к вяленому мясу. В конце концов завернули еду и пошли опять, пока не выбрали место для отдыха на ночь, под сенью деревьев.

Назавтра добрались до глубокого быстрого ручья, оглядели его нерешительно, а затем один стражник сказал, что, если не напиться здесь, они умрут от жажды. Напившись, стражники искупались. И хотя звали Ореста с собой, снимать одежду при них он не пожелал. Наблюдал, как они резвятся в воде, и раздумывал, нет ли поблизости места, куда можно удрать и спрятаться, но понимал, что стражники не спускают с него глаз ни на миг, и не сомневался, что его поймают, если попытается улизнуть.

Теперь он осознал сильнее, чем когда-либо прежде, что, когда вернется во дворец – расскажет отцу об этих двоих, и, если они убегут, он попросит найти их, догнать, искать всюду, если придется, а потом привести во дворец в цепях и посадить в самое темное подземелье.

Еще два дня пути они по-прежнему избегали любых колодцев, какие им попадались, и Орест понял, что они уже недалеко от нужного места, чем бы то ни было. Теперь уж он не сомневался, что находится здесь не потому, что мать или отец приказали вести его навстречу им, что его и впрямь похитили, и ничего не мог предпринять, чтобы удрать, – пока эти двое с ним.

Хотя они стали вроде бы любезнее, и Орест думал, что, может быть, ему скажут, где они, раз уж почти пришли, но решил не спрашивать. Сам вскоре узнает, счел он.

На последнем отрезке им пришлось взбираться на гору, а когда тропа терялась, стражникам оставалось лишь гадать, куда идти дальше, они решали неправильно, не один раз, надо было идти обратно. Впервые за много дней они заметили нескольких коз, что карабкались среди скал. Вдали, когда забрались повыше, на равнине внизу Орест различил стадо овец.

А потом набрели на громадное ущелье в горе. Прошли по коридору с крутыми стенками, повернули туда, где в скале были вырублены ступени, ведущие вниз, к торцу некоей постройки. Никто, думал Орест, не сможет найти их на этих горных просторах. Когда подобралась к двери, стучать не пришлось: ее тихо открыл человек, не глядя на них, без единого слова.

Перед второй дверью сидел другой человек, он встал, увидев их, и тепло обнялся с обоими стражниками. Заулыбался и рассмеялся от одного лишь их присутствия – и прибытия с мальчиком.

– Будто у нас их тут мало, – весело проговорил он. – Может, у этого замашки приятнее, чем у тех, что внутри. Ты глянь на палец у меня на

ноге. Вколачиваешь в них приличия пинками, а когда не помогает, они вот что у меня пробуют.

Двое стражников рассмеялись, когда тот мужчина вскинул палку, что стояла с ним рядом, и рассек ею воздух.

– И к тому же прожорливые. Этот парень прожорлив?

– Ест как лошадь, – сказал один из стражников.

– Мы ему вложим ума, – сказал мужчина.

Он открыл дверь, за ней оказалась длинная комната, заставленная топчанами, несколько длинных окон, впускавших больше тени, чем света. Орест лишь через мгновение понял, что в комнате десять с лишним мальчишек, многие – примерно его лет. Тут же, увидев их, он понял, что здесь содержат тех самых похищенных детей. Вот что странно: хоть они и заметили, наверное, что открылась дверь, а перед этим слышали голоса и уж точно знали, что пришел кто-то новенький, ни один не взглянул, а когда кое-кто все же поднял голову – не изменился в лице, не показал, что увидел новенького.

Орест шел между топчанами, никто с ним не заговаривал. Постепенно Орест начал опознавать кое-кого, начиная с его знакомого – Леандра, внука Теодота.

Дверь закрыли. Стражники с ним не вошли. Он остался один на один с этой тихой, бледной братией. Вперившись в лицо одному из них, Орест увидел пустой взгляд, сделавшийся злым и обиженным. Двинулся к топчану Леандра и решил что-нибудь у него спросить, но Леандр отвернулся. В конце концов Орест сел на пол в конце ряда топчанов и оглядел комнату, раздумывая, когда уже кто-нибудь заговорит, или когда принесут еду, или вообще хоть что-нибудь произойдет. Тишину нарушал лишь чей-то кашель – хриплый, он, казалось, не давал хворому облегчения.

Ничего не происходило, пока из-под двери не потянуло съестным, из-за чего кое-кто из ребят сел на топчане. Но по-прежнему все молчали. Когда Орест вернулся к двери, все мальчики разом отвортились. Орест задумался, действительно ли они его не узнали – или решили, что он заодно с похитителями?

Когда дверь наконец отворилась, мальчики двинулись на нижний этаж, единой колонной, склонив головы. И лишь один прошел мимо Ореста, подняв голову, – Леандр. Мгновение он глядел на Ореста, а затем пожал плечами. Когда колонна его миновала, Орест пристроился в хвост, спустился по узкой лестнице в тесный обеденный зал, где за одним длинным столом сидели почти все мальчишки, а у окна за маленьким столиком устроились еще двое. Один кашлял. Тот же звук, что Орест

слышал наверху: он видел, что мальчик, которого не узнал, был чем-то расстроен и что кашель причинял ему боль, и из-за него во всей комнате было напряженно.

Орест наблюдал за дверью кухни, но никто не входил. Двое мальчишек явились с едой, ее передали вдоль стола. Орест занял место в самом конце и увидел, что мальчику, который кашлял, и второму, с ним рядом, за отдельным столом, ничего не досталось. Остальные ели молча. Орест сосредоточивался на каждом мальчике напротив себя, поочередно, старался вызвать хоть проблеск узнавания, хотя бы у одного, но те, кто замечал, что он пялится, возвращали ему омертвевший взгляд.

Поев, они встали и вышли колонной обратно в спальню, Орест – следом.

Поскольку топчана ему не дали, он устроился на полу. Ночью просыпался несколько раз – от звуков кашля и, наконец, под утро проснулся опять – из-за мальчишек. Когда спросил у одного из них, куда можно выйти облегчиться, тот не ответил, а те, кто был рядом, отодвинулись, словно бы не желая, чтобы он к ним обращался.

Подойдя к двери, Орест обнаружил, что она открыта. Стражник, которого он видел накануне, сидел снаружи.

– Ты, – сказал он. – Две мысли. Сегодня утром идешь мыться. Воняешь, как старая коза. Получишь свежую одежду вместе с остальными. Старую оставь здесь. И тебе нужна дощечка. Держи ее при себе постоянно.

– Зачем дощечка? – спросил Орест.

– Скоро поймешь, – хохотнул человек. – Так, ты, давай мыться, сейчас же.

– Где баня? – спросил Орест.

– По лестнице вниз, а потом еще вниз. И тебе, и всем будет лучше, когда с тебя смоют эту вонь.

Пройдя два пролета лестницы, Орест увидел в бане четверых ребят. Встал в жидком свете, сочившемся в прорезь в стене, смотрел на них, двое шептались, а двое других оживленно плескались и заглушали шепот. Поначалу Ореста не заметили, он тихо разделся. Когда собрался залезть в ванну, двое, которые перешептывались, отпрянули друг от друга. Все четверо устали прямо перед собой. Орест хотел дать им понять, что он не расскажет стражнику, что они шептались, но до него дошло, что, если он заговорит, это лишь усилит их к нему враждебность. Вскоре все четверо выбрались из ванны, обтерлись в углу.

Домывшись и высушившись полотенцем, оставленным мальчиками, он взобрался наверх и нашел стражника, тот выдал ему одежду, кусок сланца

и кусок мела.

Стражник прошел с ним в спальню, нашел свободное место и велел двум мальчишкам помочь принести снизу топчан для Ореста. Орест стоял в свежей одежде, с дощечкой для письма в руках, и тут несколько мальчиков обратили на него внимание наконец, взгляделись в него. Но, когда Орест кивнул кому-то из них, тот отвернулся.

Дни текли медленно и в основном безмолвно. Три раза в день мальчики спускались в трапезную. Раз в неделю могли помыться. В ванной двое плескались, двум остальным при этом можно было шептаться так, чтобы никто не слышал. Только в это время, насколько понял Орест, мальчики разговаривали друг с другом. Иногда по ночам Орест слышал, как дети скулят и плачут во сне, а иногда кашлявший мальчик испускал хриплые звуки, а затем громко пытался вдохнуть, и этот шум продолжался даже после того, как стражник, сидевший всю ночь снаружи у двери в спальню, не приходил и не тряс мальчика – он даже бил его.

А еще дощечка. Сланцевая дощечка для письма должна была находиться рядом с топчаном, чтобы ее было видно. За любое нарушение правил мальчику оставляли отметку на его дощечке, и эту отметку делал его собрат-узник, а рядом он же подписывался – символом. Оресту, чтобы во всем разобраться, понадобилась не одна неделя: он никогда не видел, как кто-то кому-то пишет на дощечке. Должно быть, это происходило ночами, понял он, однако даже ночами, когда он не спал, – не засекал.

Время от времени происходила проверка, ее вел стражник, которого Орест узнал первым, но, бывало, включался еще один или двое других. Они проверяли дощечки, а затем отбирали мальчиков, у которых имелись отметки, – для наказания. Этих мальчиков выводили наружу – или спускали в трапезную, или в баню, но иногда ставили прямо за дверь. Суровость побоев не совпадала с количеством значков на дощечке, а зависела от настроения стражников. Тем не менее множество пометок означало, что тебя, скорее всего, заберут, чем если дощечка чистая или на ней мало меток.

Однако, заметил Орест, как бы мало ни было меток у мальчика с кашлем, которого, как он выяснил, звали Митром, его выводили всегда. Когда возвращался, он ложился на топчан и плакал, а затем кашлял, пока оба звука не объединялись.

Постепенно на дощечке Ореста начали набираться отметки, но он не мог взять в толк, чей это символ рядом с ними. Отметки ему ставил всегда один и тот же человек, ночью. Наконец как-то утром, когда Орест изучал значок, он заметил, что на него смотрит Леандр. Орест нахмурился, а затем

вскинул взгляд, словно спрашивая, Леандра ли это знак, и тот кивнул. Потом Орест несколько раз пытался перехватить взгляд Леандра, но тот не обращал на него внимания.

Стражники вроде бы радовались, глядя на дощечку Ореста, показывали друг другу значки и говорили о них, но в первые несколько недель Ореста не трогали. Не велели ему выйти вон – вплоть до четвертой недели.

Он стоял рядом с дрожавшим Митром, хотя до сих пор думал, что его и не тронут, – считал, что его положение в этом месте не такое, как у всех остальных. Он даже не размышлял, как будет действовать, если его вызовут наказывать. Когда его грубо вытолкали за дверь трапезной, он увидел, что у стражника в руке палка.

– Только тронь меня, – сказал Орест, – только тронь – и мой отец об этом узнает.

– Твой отец? – переспросил стражник.

– Мой отец об этом услышит.

– Не твоему ли отцу перерезали глотку? – уточнил стражник.

Орест отшатнулся на миг и вгляделся в насмешливое лицо стражника. А затем оглядел комнату. Окажись поблизости нож, он бы применил его к стражнику, но заметил он лишь стул у столика сбоку, сломанный, у него легко было оторвать ножку и наброситься.

– Только попробуй! – сказал он, размахивая ножкой от стула.

Стражник глянул на него и рассмеялся.

В тот миг кто-то из стражников, втихаря надвигавшийся сзади на Ореста, смог его скрутить. Завел ему руки за спину, а второй принялся лупить его по лицу, наотмашь, тыльной стороной ладони. Когда руки Оресту освободили и он упал наземь, оба охранника пнули его, а затем один спустил его в трапезную и прошептал на ухо:

– Отец твой тебе не помощник, а? Больше мы о нем не услышим, верно?

Оставили его. Погода Орест добрал до спальни, заметив напряженную тишину, какая воцарилась, пока он хромал мимо остальных к своему топчану. В последующие два дня он не ходил в трапезную, брал только воду, оставался в постели, спать не мог, все пытался взять в толк, что могло случиться с отцом.

Ему представились мать с Эгистом. Орест не помнил, когда это случилось, но, должно быть, под утро, когда он пришел раньше обычного и в дверях нянька вытащила его обратно в коридор, но он все же успел увидеть мать с Эгистом, голых, и они шумели, как звери. Образ застрял в памяти, окреп там так же, как черты отца, – как оно озарилось, когда он

вернулся, – как отцов голос и всеобщее ликование, как запах лошадей и мужского пота, как ощущение счастья, которое было у Ореста, когда отец дома.

В следующую неделю он оказался в бане с Леандром и подался прочь от него, начал плескаться с кем-то из мальчишек, чтобы Леандр и четвертый мальчик могли пошептаться спокойно. Однако Леандр потянул его в темный угол – пусть двое остальных прикрывают.

– Я хочу сбежать, – прошептал он. – Надо помочь сбежать и Митру, прежде чем они его прикончат. Один я удрать с ним не смогу. Хочу, чтобы ты мне помог.

– Зачем ты ставишь метки мне на дощечку? – спросил Орест.

– Кое-кто из ребят ненавидит тебя – из-за твоей семьи. Они меня попросили.

– За что они меня ненавидят?

– Не знаю. Не уверен. И я хотел посмотреть, что ты станешь делать, когда придет твой черед наказания. Ты храбрый. Я подумал, что на тебя можно полагаться – ты не забоишься.

– Как нам сбежать?

– Придет ночь, когда я тебя разбужу. Готовься. Начнется все с кашля Митра. Никому не говори – и перестань на меня пялиться без передышки.

– Не пялюсь я на тебя.

– Пялишься – прекрати это. Слишком много ты озираешься. Начинай вести себя, как все. Будь как остальные.

– Когда сбежим?

– Все, не болтаем. Отойди.

Назавтра и далее Леандр продолжил подрисовывать отметки Оресту на дощечку, но не чересчур много. Орест попытался следовать совету Леандра и перестать на него глазеть. Но давалось трудно, и Оресту было одиноко и боязно. Он начал тревожиться о побеге, о том, куда им податься, о замыслах Леандра и о том, что произойдет, если их поймают. Просыпаясь среди ночи или под утро, он думал, что, может, лучше бы остаться тут и надеяться, что их как-то спасут. Размышлял, есть ли безопасный способ дать Леандру знать, что он не хочет сбежать с ним и с Митром, но вне бани все помалкивали, а когда Орест отправился в следующий раз мыться, Леандра там не оказалось.

Однажды ночью, когда кашель у Митра усилился, Леандр подошел и потрепал Ореста по плечу. Орест открыл глаза, но разглядеть смог лишь силуэт Леандра. Митр начал хрипеть, Леандр зашептал:

– Одевайся и иди со мной к двери.

Орест попробовал было ответить, но Леандр уверенно прикрыл ему рот ладонью, чтобы не дать заговорить. Оресту отчаянно хотелось уснуть: он понимал, что, если они не сбегут, день назавтра будет тяжелым, но по крайней мере страхи, которые предстоит пережить, окажутся знакомыми и предсказуемыми. Он медлил, встревоженный и напряженный, пока Леандр не выволок его из постели и не встал рядом, пока Орест одевался.

Они направились к двери из спальни и стали ждать, кашель Митра делался все громче, пронзительнее и болезненнее обычного. Услышав, что дверь открывается, Леандр с Орестом скользнули в сторону. В спальню вошел стражник. Леандр вывел Ореста в коридор, где они перерыли предметы рядом с лежанкой. Леандр нашел нож и вручил его Оресту. Сам взял плоскую деревяшку. И они стали ждать, пока стражник в спальне зажал Митру рот и, похоже, как-то сделал ему больно: Митр исторг сдавленный вой, от которого все в спальне проснулись и подали голос.

Орест слышал какие-то звуки от стражника, уловил шаги – тот приближался к двери. Орест постарался не дышать. Он понятия не имел, каков точный замысел, но решил, что должен напасть на стражника и заколоть его, прежде чем тот позовет на помощь.

Они подождали, пока стражник закроет дверь. Он лег, зевнул и вроде бы собрался заснуть; Орест осторожно подкрался и, крепко вцепившись в нож, воткнул его изо всех сил в шею стражнику, а по голове ему мощно ударил деревяшкой Леандр. Стражник взревел, Орест вцепился ему в волосы и еще раз загнал нож в шею, вытащил и воткнул ему в грудь – так глубоко, что не смог выдернуть нож из кости. Леандр колотил стражника по лицу. И тут они оба замерли. Орест слушал, Леандр держал его за плечо. Ни звука – не считая кашля из спальни. Леандр обеими руками поставил Ореста у стенки, а сам вернулся в спальню.

Пока его не было, в призрачном свете с лестницы Орест смог разобрать в этом тесном пространстве очертания кое-каких предметов. Поглядывал на внешнюю дверь и раздумывал, где может быть ключ.

Он рылся в пожитках стражника, искал ключ, и тут появились Леандр с Митром. Леандр нашел ключ на притолоке и ринулся отпирать дверь, прошептав Оресту, чтоб поторапливался.

Оказавшись снаружи, Леандр запер дверь и повел их обоих прочь, в озаренный лунным светом проход в скалах, затем по ступенькам, а еще чуть погодя – на широкий простор. Они стояли и слушали, но ни единого звука погони не было слышно.

– Пойдем туда же, куда ветер дует, – сказал Леандр.

Митр опять закашлялся, Леандр подержал его, положив одну ладонь

ему на грудь, вторую – на спину. Митра затошнило, он сложился пополам.

– Тебе станет лучше, когда мы уйдем отсюда, – проговорил Леандр.

– Нет, не будет, – прошептал Митр. – Оставьте меня. Быстро, как вы, я идти не смогу.

– Мы тебя понесем, – сказал Леандр. – Мы сбежали только ради тебя, а потому не можем тебя оставить.

Они спускались к равнине, Орест все время оглядывался, осознавая, что при таком ярком свете их видно с холмов, за ними могли пойти. Поскольку Митру не по силам бежать, Орест раздумывал, не мудрее ли будет найти место, где спрятаться на несколько дней, но Леандр рвался вперед с такой холодной уверенностью и решимостью, что Орест понял: перемены замысла он и обсуждать не будет. А потому Орест с Митром шли следом, Митр – свесив голову, как человек, заведомо побежденный.

Когда взошло солнце, Орест понял, что они идут туда, где оно вечером сядет. Решил, что Леандр с Митром захотят тут же вернуться к своим семьям, но они шли не тем путем, который, как виделось Оресту, привел бы их домой.

Он подождал до ночи, пока Митр не уснул, и спросил Леандра, каков его замысел.

– Назад нам нельзя, – сказал Леандр. – Никому. Нас опять похитят – по крайней мере, меня, да и Митра.

– Моя мать еще жива? – спросил Орест.

Леандр помедлил мгновение, а затем протянул руку и потрепал Ореста по плечу.

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Слыхал, стражники говорили.

– А Электра?

– Да. Она тоже.

– Но мой отец мертв?

– Да.

– Как он умер?

Леандр несколько раз порывался начать. Но в конце концов смолчал и не поднял взгляд.

– Ты знаешь, как он умер? – спросил Орест.

Леандр вновь замялся, завозился.

– Нет, – прошептал он, но на Ореста все еще не смотрел.

– Но ты уверен, что моя мать жива?

– Да.

– Почему она не послала меня искать?

– Не знаю. Может, и послала.

– А Эгист жив?

– Эгист? – Леандр вдруг вроде бы насторожился. Посмотрел на Ореста впрямую, словно озадаченный тем, что Орест мог задать такой вопрос. – Да, он жив, – наконец произнес Леандр тихонько. – Он жив.

И еще раз, как и со стражником, Орест почуял: придумать бы единственный правильный вопрос – и можно было бы выяснить то, что хотелось. Но, понял он, никакой прямой вопрос не сгодится. А о чем еще спросить, ему в голову не приходило.

– Это Эгист убил моего отца? – внезапно спросил он, почти тут же пожалев об этом.

– Я не знаю, – быстро отозвался Леандр.

Орест вздохнул.

Утром Леандр объяснил им, как дальше действовать.

– Я знаю только одно: нам нельзя больше никого убивать. Несмотря ни на что. Это первое правило. Если убьем кого-нибудь, за нами погонятся. Нам надо найти себе место. Даже если на нас нападут, убивать нельзя.

Глядя на согласно кивавшего Митра, Орест хотел сказать, что у Митра сил не хватит убить и что у них в любом случае нет оружия, поскольку нож он оставил в груди у стражника.

– Придется носить при себе камни, которыми можно швыряться в людей, может, ранить их, чтоб оставили нас в покое. И еду нужно добыть, и питье – будем засылать Митра в дома, чтоб просил. Безоружный. Просто просил. От него никто не почует угрозы. На каждый дом будем смотреть внимательно. Если сочтем, что он нам опасен, – пройдем мимо.

– Колодцы могут быть отравлены, – сказал Орест.

Леандр рассеянно кивнул.

– Можно предлагать людям свой труд, – сказал он, – в обмен на еду и кров, но нигде поблизости оставаться не будем. Останемся – нас найдут. Двигаться нужно быстрее них. Может, Митр окрепнет. Если нет, тогда нам с тобой нужно окрепнуть, чтобы нести его – или хотя бы поддерживать часть пути. Будем идти каждый день, сразу как проснемся и пока не станет совсем темно. Не сможем – нас поймают.

Тон этого голоса напомнил Оресту об отце, в армейском лагере, среди других мужчин, когда он хотел, чтобы отец поиграл с ним или покатал на закорках, но отец тогда был слишком занят. Орест содрогнулся: подумалось, что безопаснее было бы в спальне, со всеми, и, возможно, даже приятнее. Было бы больше времени на размышления, на грезы о том,

как он сражается на мечах с отцом или как приходит утром к матери, а она уже ждет его, или как он сидит между Электрой или Ифигенией, пока они разговаривают, или спует среди слуг и стражников.

Когда добрались до колодца, Орест задумался, не ему ли следует проверить, не отравлена ли вода. Если отравлена, не хотелось бы стоять и смотреть, как Митра начнет рвать, как он будет давиться и медленно умирать, а Леандр казался таким властным и сильным, ведя их вперед, что его отравление водой вообще не уместилось в голове. Может, им лучше попить всем троим сразу, думал Орест, но все же если он сам вызовется, это произведет впечатление на Леандра, станет признаком отваги.

Оставив Митра на обочине, они подошли к колодцу, Леандр набрал в ладони воды, понюхал ее. Выпрямился, огляделся.

– Давай я попью, – сказал Орест.

– Кому-то из нас придется, – проговорил Леандр. Вновь опустил ладони в воду и, зачерпнув побольше, выпил, затем подал знак Оресту, чтоб тот последовал его примеру. Оресту привиделось, как они все трое корчатся от яда. Но не успел он выпить, впрочем, как почувствовал, что вода пригодна для питья. Подождали немного, черпали еще и еще, пили, и потом Орест пошел к Митру – сказать, что вода чистая.

Днем они наткнулись на человека со стадом коз.

– Пусть он видит наши руки, – прошептал Леандр.

Заметив, что человек встревоженно сдал назад, Леандр велел Оресту и Митру оставаться на месте. Он сам подойдет к этому человеку, сказал он. Они смотрели, как он медленно приближается, размахивая руками, легонько гладит коз по головам, проходя мимо.

– Ему все верят, – проговорил Митр. – Когда нас похитили, меня хотели бросить на дороге, потому что я хворый, а Леандр не дал. Стражники его послушались.

– Ты с ним знаком был до того, как вас похитили?

– Да, его дедушка приходил в дом к моему отцу. Его дедушка везде Леандра с собой брал. Пускали его послушать, как мужчины между собой разговаривают, старшие. Обращались с ним как с равным.

– Помню его, – сказал Орест. – Мы вместе играли, когда я был маленький, а тебя я не помню.

– Я слишком больной был, чтобы играть. Всегда сидел дома. Но твое имя я слышал. Я знал твое имя.

Они наблюдали, как Леандр с мужчиной при козах увлеклись беседой. Оресту хотелось сесть, но он подумал, что лучше будет, если они постоят, хорошо видимые.

– Как думаешь, за нами следят? – спросил он у Митра.

– Моя семья заплатит за меня, а семья Леандра отдаст за него все, чем владеет. Похитители наверняка знают про это. Им сейчас небось так, будто у них украли целое состояние – когда мы сбежали. Теперь им нас не продать обратно.

– Откуда ты знаешь, что они собирались нас продать? – спросил Орест.

– Иначе они бы нас убили, – ответил Митр.

– А чего мы тогда не остались и не подождали?

– Леандр сомневался, что я еще протяну, и беспокоился, что нас всех могут убить, если стражники подумают, что наши семьи послали людей нас спасать и эти люди близко.

– Почему они не послали нас спасать?

– Потому что за главного теперь Эгист. Ну или Леандр так говорит. Он слышал от стражников.

– За главного в чем?

– Во всем.

– Это он приказал нас похитить?

Митр помедлил немножко и поглядел на Леандра и человека с козами. Казалось, он делал вид, будто не услышал вопрос. Орест решил перейти на шепот и поглядеть, что будет.

– Это он приказал похитить нас?

– Я не знаю, – зашептал Митр в ответ. – Может быть. Спроси Леандра.

– Леандр сказал, что кое-кто из мальчишек ненавидит меня из-за моей семьи.

Митр кивнул, но больше ничего не добавил.

Они наблюдали, как Леандр остался при козах, а человек приблизился к ним.

– Вы, двое, готовы поработать? – спросил он. Они кивнули, Орест постарался выказать пыл.

– Мне надо сараи вычистить, – продолжил человек. Всмотрелся в Ореста, следом – в Митра. – За это получите еду и кров, а когда закончите – уйдете.

Орест кивнул.

– За вами есть погоня? – спросил человек.

Орест осознал, что у него всего миг, чтобы решить, как ответить. Не хотелось бы, чтобы его слова противоречили тому, что мог сказать Леандр.

– Митру нездоровится, – сказал он тихо. – Может, мы с Леандром сделаем почти всю работу вдвоем.

Человек прищурился и глянул на Леандра поодаль.

– Мы вас хорошенько спрячем, если кто-то придет, – сказал он.

До самого заката они шли за человеком и его стадом и наконец добрались до небольшого домика и до сараев под деревьями. Леандр не отходил от человека, все время с ним разговаривал, а Орест с Митром брели позади. Орест размышлял, сколько еще терпеть, пока им достанется хоть какая-то пища – даже просто хлеб – и они смогут поесть, или сначала придется поработать, или подождать, когда этот человек соберется поесть и поделится с ними.

Они пришли; жена человека стояла в дверях и, казалось, была очень обеспокоена их появлением. Зашла в дом, подальше от них, муж – за ней. Когда он вернулся, велел трем громадным псам и нескольким помельче окружить мальчиков. Затем увел коз в сарай и вроде как не торопился оттуда выходить. Митр начал гладить одного пса и играть с ним, но остальные оказались менее приветливыми, защелкали челюстями у ног мальчиков. Проще простого, осознал Орест, задержать их с Леандром и Митром, охранять собаками, пока не явятся люди, что пойдут на их поиски. Орест попытался прикинуть, мог ли этот человек сообразить, что

они стоят денег.

– Что ты ему рассказал о нас? – спросил он у Леандра.

– Правду, – ответил Леандр. – Ничто другое не сгодилося бы. Он видел кровь у меня на одежде. Я сказал, что была драка. Но что мы убили стражника, я не говорил и не сказал, сколько денег наши семьи за нас заплатили бы. Он не знает, кто мы.

– Он точно так же может нас продать, – сказал Митр. – Даже если подумает, что не задорого, все равно может смекнуть, что нас выгоднее продать, а не защищать.

– Не добудем еды – умрем с голоду, – сказал Леандр. – И тут ни единого дома в округе, на много часов ходу. Он сказал, что ближайший – больше чем в дне пути. А дальше – море. Тут ничего нет. Мы, наверное, не туда пошли.

Он был озабочен.

– Жене его мы не нравимся, – проговорил Митр. Когда мужчина опять возник, он крикнул собакам, те окружили мальчиков еще теснее, а одна зарычала. Митр попытался погладить собаку, с которой успел подружиться, та ушла и села перед домом, виляя хвостом. Человек вернулся в дом и закрыл за собой дверь.

Они ждали, боясь шевельнуться, а день догорал. В последние полчаса света они смотрели, как ласточки и стрижи мечутся в воздухе, чуть ли не заглушая любые другие звуки.

Псы постепенно делались все настороженнее. И хотя Оресту хотелось облегчиться, он понимал, что псы откликнутся на малейшую перемену. Когда стемнело, он увидел, как в небе зажглись звезды, но луны пока не было.

– Не делайте ничего без моего слова, – прошептал Леандр. – Следите за мной. Договорились?

Орест сжал руку Леандра – показать согласие. Вскоре, когда вокруг них воцарилась тишина, Митр начал кашлять, отчего собаки залаяли громче. Орест с Леандром придержали его, чтобы не согнулся пополам.

– Просто не двигайся, – сказал Леандр. – Псы привыкнут к шуму.

Взошла луна, и тут из дома появился человек. Выкрикнул какие-то слова, псы угомонились.

– Можете идти, – сказал он. – Все трое. Мы решили, что вы нам тут не нужны. Слишком опасно.

– У нас нет еды, – сказал Леандр.

– Псы нападут на вас, если не уйдете, – отозвался человек. – А если даже подойдете потом близко, они вцепятся вам в глотки.

– Хотя бы хлеба? – попросил Леандр.

– У нас ничего нет.

– Куда нам лучше идти?

– Лучше тут некуда – только обратно в горы, откуда вы явились.

Остальное все море.

– Кто живет в ближайшем доме?

– Его тоже стерегут собаки. Они даже не лают. Они порвут вас в клочья, когда унюхают кровь.

– А острова есть?

– Нет лодок. Они забрали наши лодки, воевать свою войну.

– Есть ли где вода?

– Нет.

– Ни родника, ни колодца? Ни ручья?

– Ничего.

– Кто живет в ближайшем доме?

– Неважно. Она старуха, но вы ее и не увидите. Ее псы – они как волки.

Увидите только ее псов.

– Можешь дать нам воды на дорогу?

– Нет.

Человек нашептал что-то псам, еле слышно.

– Шагайте медленно, гуськом, – сказал он громче. – Не оборачивайтесь.

Орест заметил, что жена человека возникла в дверях, встала в тени рядом с тем псом, которого Митр гладил. Собака все еще виляла хвостом.

– Мой друг кашляет... – начал Леандр.

– Псы будут идти за вами долго, – прервал его человек. – Попытайтесь вернуться или даже заговорить друг с другом – они нападут. Если твой друг опять закашляется, псы не поймут, что это, и нападут на него.

– Я не могу... – сказал Митр.

– Сосредоточься как следует, – прошептал ему Леандр.

– Уходите, – проговорил человек, а затем выкрикнул приказы псам, и те неспешно двинулись за мальчиками. Они шагали, пока собаки не убрались назад, продолжали идти и не оборачивались. Вскоре добрались до места, заросшего кустарником. Сели. Митр уснул первым. Леандр сказал, что покараулит, пока Орест спит. Разбудит погода, чтоб дальше Орест посторожил.

На рассвете Орест заметил морских птиц и осознал, что их крик делается громче, тревожнее, когда они летали прямо над ним и его спящими спутниками. Любой, кто идет по их следу, поймет, где они, думал Орест, – так же как и любой впереди них узнает, что кто-то приближается.

Особенно пронзительно орали чайки. Глянув в небо, Орест увидел ястребов – те парили высоко над ними в бледном утреннем небе. Кто угодно, даже далеко отсюда, поймет наверняка, что по округе бродят чужаки.

Они шли дальше и чуяли запах моря, а несколько раз, когда забирались на холмики, Орест видел проблески синевы. Он понимал, что они уходят прочь от еды, от воды, пригодной для питья. Дом, о котором заикнулся тот человек, дом, охраняемый псами, – последняя возможность. Орест решил, что Леандр составляет замысел, но Леандр казался даже более понурым, чем Митр, и Орест боялся спрашивать, что у него на уме.

Они остановились передохнуть, пытая от жажды, на заваленном камнями поле, Митр лег, закрыл глаза. Леандр искал камни и обломки скал, чтоб помещались в ладонь.

Постепенно Леандр насобирав груды. Снял рубашку, связал в котомку, чтобы унести как можно больше камней, проверил их тяжесть, выкинул несколько слишком увесистых. Не задавая вопросов, Орест повторил за ним, заметив в Леандре новую ясность: лицо у него излучало решимость – и нечто, почти похожее на уверенность.

Растолкали Митра, тот открыл глаза, встал и пошел за ними. Теперь они пробирались медленнее, прислушивались к малейшему звуку; Леандр соорудил себе посох из обломка дерева, а погода сделал такие же Оресту и Митру.

Начав грезить о еде и воде, Орест подумал, что не сможет сделать дальше ни шага. Пытался представить себе, куда они идут, и получился его дворец, а на пороге мать, ждет его, внутри же – Электра с Ифигенией.

Содрогнувшись, он задумался, где теперь Электра, не похитили ли и ее, а может, ее забрали на убой, как Ифигению, туда, где кричат и воют животные. На миг захотелось сжаться так, чтобы никто его не видел, но Леандр звал вперед.

Они прошагали к закатному солнцу еще несколько часов. Орест устал нести камни. Митру идти давалось все труднее. Они нагрузились камнями и поддерживать его не могли. Леандру оставалось лишь разговаривать с ним – тихо, уговаривая, хотя сам он, пока они влезали на горку, едва дышал.

Часть дня в высоком небе над ними никто не летал, но теперь, когда тени удлиннились, морские птицы вернулись, метались все ниже и, слетая совсем вплотную, казались едва ли не сердитыми.

Леандр встал позади Ореста, они осматривали окрестности перед собой. Орест вглядывался в каждую пядь пейзажа, но не видел никаких

признаков жилья. Задумался, не наврал ли им тот человек, сказав, что где-то здесь дом. Он видел, что и Леандр встревожен, однако понимал, что лучше не спрашивать, о чем он думает; они уселись рядом с Митром, тот лежал навзничь, веки сомкнуты.

Леандр тихонько заговорил с Митром, сказал, что скоро у него будет постель, еда и питье. Пусть идет с ними дальше, это последний отрезок. Орест теперь видел море с обеих сторон: они двигались к краю земли. Если там нет дома – или колодца, или родника, – он понимал, что им конец, придется возвращаться.

Впереди растительность стала гуще, и Орест подумал, что, быть может, там есть источник воды. А еще там запросто мог скрываться дом – среди кустов и сосен. Они шли дальше, и морские птицы, что преследовали их, вроде бы отстали, доносился лишь крик ласточек и других мелких птах. Но вскоре их песни прервал лай собак. Леандр подал знак остальным бежать в укрытие, к кустам на обочине тропы, а сам спрятался за тощую сосну на другой стороне. Когда все устроились, он начал свистеть.

Когда по тропе ринулся первый лютый пес, Леандр принялся швырять в него камни, пес замер и зарычал. Орест постарался метнуть камень прицельно псу в голову и одним иззубренным осколком завалил его набок. Леандр вышел из укрытия и принялся бить собаку палкой по голове, достал из своего запаса камень потяжелее и размозжил псу голову. Тут на тропе возник второй пес. Через несколько мгновений он вцепился Леандру в руку зубами, тот завопил и скорчился от боли. Орест крикнул Митру, чтоб достал из кучи тяжелый камень, а сам взялся бить собаку палкой.

Пока Митр швырял в пса камнями, Орест бил все сильнее. Наконец пес упал, из пасти у него потекла кровь, Леандр же, охая от боли, быстро зажал руку, чтобы унять кровотечение. Все трое глянули вперед, и Орест понимал, что, если псы явятся стаей, перед ними не устоять. Митр поддерживал Леандра, осматривал рану у него на руке, а Орест услышал лай. У него было время набрать камней, прежде чем примчался здоровенный черный пес с ощеренными зубами. Орест свирепо сосредоточился, прицелился и метнул камень псу в пасть; пес подавился. Упал на спину и завыл от боли.

Теперь лишь слышалось, как скулят раненые псы. Первый, еще живой, пытался встать на ноги, хотя ему снесло полчерепа. Орест быстро подошел к нему и ухнул камнем по зверю. Вернулся к Леандру, опустил на колени, разглядел громадный рваный укус у него на руке.

– Усади его, – сказал Орест.

Медленно, с трудом, крича от боли, Леандр сел. Орест видел, как

Леандр распахнул глаза и принялся оглядывать окрестности – почти с обычным своим вниманием. Встал, придерживая правую руку левой.

– Могут быть еще псы, – сказал он, словно ничего особенного не произошло.

Они сидели в тени, свет начал гаснуть, птичьи песни сделались громче. Орест так устал, что, думалось ему, ляжет на мягкую траву под деревьями и сразу уснет. Решил, что Леандр с Митром тоже.

Он задремал, и тут до них донесся голос женщины. Орест всмотрелся меж ветвей и увидел, как она склоняется над одной из собак, зовет ее по имени. Женщина была старой и очень хрупкой. Когда она увидела остальных псов – вскрикнула, пошла от одной к другой, каждую называла и наконец взяла на колени голову одной, заговорила горестно. Орест наблюдал, как она встает и озирается, на миг подумал, что стоит ей всмотреться, и она его увидит. Впрочем, она так шурилась, что Орест понял: зрение у нее так себе. Она ушла обратно, откуда возникла, все еще выкликая слова и имена псов, возвышая голос, будто пытаясь пробудить собак от смерти.

Они подождали дотемна. Орест думал, что, будь у женщины еще собаки, так сильно горевать из-за убитых она бы не стала. И все же пытался уловить хоть малейший лай. Слышал другие звериные звуки – бляение коз и овец, квохтанье кур, но никаких звуков, похожих на собачьи. Митра начало тошнить, Ореста тоже мутило. Леандр велел им не шуметь. Затем, когда Орест изможденно лег, поближе к Митру, тот потянулся к Оресту и на мгновение взял его за руку. Орест не понимал, то ли Митр намекает, как он устал, или как хочется ему есть и пить, или до чего он напуган. Леандр сидел поодаль, словно сердился. Когда взошла луна, он встал.

– Вы оба оставайтесь здесь и сидите тихо, – сказал он. – Я пойду поговорю с ней.

Пока они ждали возвращения Леандра, Орест услышал множество звуков, похожих на шаги, словно кто-то приближался к ним. Он почувствовал, что весь подлесок вокруг них шевелится, всюду копошатся мелкие зверьки. А еще был звук, который он поначалу не распознал. Вроде человеческий, будто кто-то вдыхает и выдыхает. Орест насторожился и подал знак Митру, чтоб тот тоже послушал: будто кто-то крупнее их мирно спал, дыша легко, звук наплывал и исчезал. Орест думал сколько-то, что это где-то рядом, и этот кто-то скоро проснется, и с ним предстоит разбираться. И тут Митр шепнул ему:

– Это море.

Внезапно все встало на свои места. Это же волны, накатывают на землю, разбиваются о берег, а затем быстрым, тихим дыханием отходят назад. Орест не знал, что этот звук бывает таким громким. В лагере, когда был при отце, он видел море и наверняка спал рядом с ним, но никогда не слышал его вот так. Орест не сомневался и в том, что этого звука дыхания тут прежде не было. Может, подумал он, ветер переменялся или звук этот – ночной.

Пока они ждали, казалось, будто качаются в лодке – таким мерным был шум воды. Орест ощутил, что, если сосредоточится только на звуке моря и забудет обо всем остальном, ему тогда, во всяком случае, не понадобится думать, однако время шло, Леандр не возвращался, и Орест встревожился, что теперь ему придется отвечать за Митра, и он понятия не имел, следует ли попробовать пробраться в дом к женщине вслед за Леандром или отвести Митра обратно к дороге, где у них не будет защиты от других собак – или от стражников, которые, возможно, идут по следу.

Когда Леандр приблизился к ним, ему пришлось позвать их: он не сразу смог определить, где они. Леандр почти кричал, и это подсказало Оресту, что Леандр уверен в безопасности. Заслышав его зов, они с Митром встали.

– Она говорит, нам можно остаться, – сказал он. – Я пообещал ей, что мы побудем, пока она не захочет, чтоб мы ушли. У нее есть еда, тут колодец. Старуха боится нас – и плачет из-за того, что мы сделали с ее собаками.

Они двинулись к дому, над ними шныряли летучие мыши, Митр от страха даже прикрыл голову. Леандр наказал им идти не спеша и смотреть под ноги: дом близко от крутого обрыва. Митр так перепугался из-за летучих мышей, что успокоился он, лишь укрывшись между Орестом и Леандром.

Женщина в дверях, среди теней, отбрасываемых масляной лампой, показалась громадной, почти зловещей. Посторонилась, они вошли, она последовала за ними. Орест оглядел комнату, ликуя при виде глиняного кувшина с водой и чашки рядом, из которой, вообразил он, пил Леандр, прежде чем вернуться за ними. Поскольку они с Леандром были голыми по пояс – в рубашках несли камни, – ему в этом тесном пространстве сделалось неловко. Женщина не обращала на них с Митром внимания, а занялась раной на руке у Леандра, к которой она уже приложила какую-то белесую припарку.

Орест глядел на чашку и размышлял, что произойдет, если он прямоком спросит, можно ли попить – и поделиться водой с Митром.

– Пейте, – сказал Леандр. – Спрашивать незачем. На дворе колодец.

Она дала слово, что не отравлен.

Митр чуть ли не бросился к воде, а старуха быстро убралась с дороги и встала у стенки, наблюдая.

– Я было подумала, что надо позвать собак, чтоб защитили меня. Но не позвать мне собак, – прошептала она. – У меня нет их. Некому защитить меня.

– Мы будем тебя защищать, – проговорил Леандр.

– Вы уйдете, когда отъедитесь, – и расскажете другим, что я тут беззащитна.

– Мы не уйдем, – сказал Леандр. – Не бойся нас. Мы будем лучше собак.

Митр опорожнил чашку и вручил ее Оресту, тот налил полную и выпил. Леандр закричал от боли: женщина сняла припарку и заменила ее густой белой жижей, намазала ее на рану.

– Кто-то должен все время стоять на часах, – сказал Леандр. – Если они все еще нас ищут, они придут сюда. Тот селянин их направит.

– И они спяют дом, – добавила женщина. – Вот что они сделают.

– Не подпустим их к дому, – сказал Леандр, вставая, и его тень на стене выросла.

– Я сегодня побуду на часах, – предложил Орест.

– Когда еда приготовится, мы тебе принесем, – сказал Леандр.

– Сколько она будет готовиться? – спросил Орест.

– Есть хлеб, можешь взять с собой, – молвил Леандр.

Орест вышел вон, старуха крикнула что-то ему вслед, но он не разобрал. Заговорила с Леандром, словно он тут был единственный, кто мог ее понять:

– Пусть не уходит слишком далеко. Тут скалы. Только звери знают, где безопасно. Пусть возьмет с собой козу и ходит за ней.

– Это твои козы? – спросил Орест.

– Да, чьи ж еще?

Старуха ненадолго убралась из комнаты, а затем вернулась с толстой туникой, вручила ее Оресту.

Леандр вывел Ореста во тьму и постоял с ним, пока оба не начали различать очертания предметов в звездном свете. Погладил козу, которую позвала им старуха.

– Сможешь не спать? – спросил он.

– Да, – ответил Орест. – И я все вижу и буду осторожен.

– Если уловишь хоть малейший странный шум, приходи меня будить. У старухи есть еще козы, а в полях – овцы, далеко. Возможно, услышишь их.

С первым светом зашумят куры. Могут быть и другие звуки, птичьи. Но если сочтешь, что услышал собачий лай, близко, или шумы людей – буди меня. Попробуем защищаться. Утром обезопасим этот дом – хоть как-то.

– Сколько мы тут пробудем?

Леандр вздохнул.

– Мы не уйдем.

– Что?

– Пока... – начал он. – Пока она не умрет или пока сама не захочет, чтоб мы ушли. Я дал ей слово.

– Но, может, мы добудем ей других собак.

– Мы остаемся здесь, – сказал Леандр. – Незачем и думать об уходе.

Тут Леандр оставил его, и Орест медленно побрел за козой, распознавая, где обрыв, по шуму волн. Легкий ветерок шевелил листву на деревьях, что довольно густо росли вокруг дома, и Орест попытался представить, каков может быть новый звук – звук чужака. Понадеялся, что Леандр скоро принесет ему поесть – что-нибудь побольше, чем хлеб, уже доставшийся ему.

Когда еда наконец возникла, Орест ел жадно, хотел еще, жалел, что не сидит за столом с остальными и ему не видно, есть ли добавка. А затем он остался наедине с шумом моря, и с шорохом листвы, и, по временам, с уханьем совы – и больше ни с чем, никаких других звуков.

В предрассветный час он задремал и резко проснулся с зарей. Восход, должно быть, случился украдкой, подумал он, поскольку не разбудил Ореста, куда все вокруг не сделалось ярким и не возникли новые звуки – птичьи трели и кукареканье петуха. Орест сел и прислушался, нет ли еще чего, но вряд ли что-то было. О том, что заснул, Леандру он не скажет.

В последующие два дня Митр оставался в постели – или при старухе, а Орест с Леандром собирали камни и обломки скал. Пытались колоть их на куски помельче, чтобы летали дальше. Упражнялись по очереди в метании по цели, после чего навалили целые груды камней в кустах по обе стороны от узкой тропы, что вела к дому.

Еще они взялись исследовать местность вокруг дома, и Леандр заметил, что фруктовые деревья недавно подрезали, а за каменными стенками вокруг пастбищ и за скотиной явно ухаживали. Он тщательно осмотрел и сам дом, и надворные постройки, и сараи, где хранились вяленое мясо, зерно и дрова для очага.

– Она в одиночку все это проделать не могла, – сказал Леандр.

Когда настала ночь, Митр предложил покараулить, пока все едят. Погодя Леандр его сменит, будет сидеть всю ночь на возвышении, куда

они протоптали тропу, помеченную валунами и камнями. Старуха подала им еду, и Леандр спросил ее, всегда ли она была одна.

– Этот дом полнится не мной одной, – сказала она, – но и теми, кого уж нет. Это их голоса я слышу, с ними разговариваю, когда могу. Но для них больше не надо готовить, потому кладовая и полна.

– Где же они все? – спросил Леандр.

– Разметало, – ответила она.

– Кто? – спросил Орест. – Кто здесь жил?

– Двоих моих сыновей забрали в армию, на войну, и лодки их забрали тоже.

– Когда их забрали? – спросил Орест.

– Несколько лун назад. Они все ушли и больше не вернуться. Оставили меня с собаками, но теперь нет и собак.

– Сколько людей здесь было? – спросил Леандр.

– Их жены сбежали вместе с детьми, даже и с мальчиком, который хромял, с моим любимцем, – сказала она, не обращая внимания на вопрос. – На тебе его одежда.

– А почему ты с ними не ушла? – спросил Орест.

– Никто не звал меня с собой, – ответила она. – Хоть слово скажи они, я бы ушла. Когда сбегаешь посреди ночи, зачем тебе старуха.

Она вздохнула.

– Мы думали, они хотят лишь овец, коз, кур – те люди, – сказала она. – Но они хотели только молодых мужчин и лодки. Знай мы об этом – спрятали бы мужчин. В один миг забрали их, и мы знали, что больше они не вернуться.

– Где они сейчас? – спросил Орест.

– На войне.

– На какой войне?

– На войне, – сказала она. – На войне.

– А остальные? – спросил Леандр.

– Остальные забоялись оставаться. Только один хромя мальчик оглянулся, когда они уходили.

Она умолкла, и все ели не разговаривая. Когда закончили, вернулся Митр. Старуха улыбнулась ему, потрепала по волосам – игриво, нежно – и поставила его еду на стол. Оресту показалось, что Митр отплыл в какое-то свое пространство, стал избегать Леандра с Орестом изо всех сил, все время ходил хвостом за старухой.

Наутро Орест с Леандром сидели вместе у груды камней, не разговаривали, просто смотрели вдаль и тут увидели, как к ним

приближается пес, помахивая хвостом. Собака прошла мимо, они прокрались за ней по кустам, у обоих камень в руке, Орест не сомневался, что к ним кто-то идет, и изготовился нападать. Пес вроде бы явился один. Наконец Орест оставил Леандра присматривать, а сам отправился в дом и там обнаружил пса – тот положил лапы на стол, и старуха с Митром гладили зверя.

– Это собака из того дома. Мы с ней подружились там, во дворе, – сказал Митр.

– Из какого дома?

– Из дома, где нас окружили собаки. Этот дружок к ним не прибился. Только хвостом махал. Он добрый.

Старуха поставила псу плошку с водой, он ее быстро выхлебал и опять прижался к Митру.

Орест пошел доложить обо всем этом Леандру, тот улыбнулся.

– Митр всем нравится. Кроме стражников. Им он не нравился. И тем, другим собакам тоже. Но старухе он мил.

Прежде чем пойти отдохнуть, Леандр предупредил Ореста, чтоб тот был начеку – вдруг селянин придет искать собаку.

– Что мне делать, если он придет?

– Скажи ему, что впереди ловушка и, если он приблизится к дому, она ему ноги защемит.

– А что делать, если он мне не поверит?

– Кричи и швыряй камни. Бей по ногам, изо всех сил. Напугай его.

* * *

Они постепенно освоились у старухи дома. Она выучила их приглядывать за скотиной и показала, как собирать урожай, растить овощи и ухаживать за плодовыми деревьями. Митр сидел с ней в кухне, когда хватало сил, наружу выходил только собрать яйца или подоить коз, собака – всегда при нем. Орест с Леандром по очереди сторожили ночами, по три подряд. Орест привык к ночным звукам и научился не засыпать перед рассветом, когда уставал сильнее всего.

Иногда он представлял, что Леандр и Митр – его сестры, Электра и Ифигения. В грезях он отправлялся искать их. Размышлял, не такие же ли мысли у Леандра и Митра, не грезят ли они, что этот дом – их настоящий, а люди, с которыми они обитают вместе, – как те, что дома.

Однажды утром, когда они с Митром сидели в кухне за столом, Леандр стоял на часах среди кустов, а старуха возилась с курами, пес начал рыть землю и настороженно озираться. Митр рассмеялся и погладил собаку по

голове, но пес возился все лихорадочнее. Орест перестал есть и воззрился на происходящее. Когда пришла старуха, мальчишки даже не глянули на нее – так увлеклись собакой. Увидев, что происходит, старуха вскрикнула и бросилась к двери.

Орест и Митр последовали за ней – выяснить, в чем дело.

– Собака! – сказала старуха. – Это значит, кто-то идет. Зовите Леандра!

Ни разу прежде Орест не слышал, чтобы она назвала Леандра по имени. Казалось, что ей известно лишь имя Митра. Орест метнулся туда, где был Леандр; тот сидел в тени рядом с грудой камней. Когда Орест рассказал ему, что случилось, Леандр велел ему перебираться на другую сторону тропы, устроиться рядом с грудой камней и ничего не делать. Ждать знака от Леандра и лишь тогда швырять камни.

Они таились, но никто не появлялся. Орест пожалел, что не спросил Леандра, когда можно вернуться в дом. Он не спал всю ночь и устал. Вглядевшись в кусты через тропу, не разглядел там Леандра. Решил, что надо ждать на своем месте, спрятавшись, бдительно. Время шло, и Ореста подмывало позвать Леандра, но он осознал, что если б Леандр решил его отпустить – крикнул бы ему.

Приблизившихся двоих Орест не увидел. Его застал врасплох крик – в голову одному прилетел брошенный Леандром камень. Поскольку Орест не выпускал камни из рук, действовать быстро оказалось легко. Те двое, он видел, остановились. Один хватался руками за голову. Второй растерянно озирался, не понимая, откуда кинули камень. Орест опознал в них тех самых стражников, что увели его из дворца.

Орест отступил назад, прицелился тщательно, хладнокровно, решил метить в того, которого уже ранили, попал первым камнем в голову, вторым, чуть погодя, прямо в лицо. Второй человек рванул к дому, увильнув от двух камней, брошенных Леандром. Орест набрал еще камней и швырнул их тому человеку вслед, крепко попав в плечо, но это бегущего не остановило.

Леандр выскочил из засады, заранее стащив с себя рубашку и набив ее камнями, и бросился за сбежавшим. Тут Орест заметил, что раненый пока стоит. Прицелился еще разок, двумя камнями, одним помельче и поострее другого, и оба раза попал. Человек рухнул. Орест тоже снял рубашку, набил ее камнями и выбежал на тропу, чтобы последовать за Леандром.

Когда увидел Леандра, тот стоял один, камни он бросил. Оглядывался лихорадочно, отчаянно пытался понять, куда девался тот, за кем он бежал. Внезапно человек выскочил из кустов, где прятался, потянулся к горлу Леандра. Орест, все еще далеко, схватил камень, но не успел его бросить –

человеку удалось завалить Леандра. У нападавшего что-то было в руке – Орест предположил, что это нож, – и они с Леандром покатались по земле.

Подбежав, Орест увидел, что нападавший пытается оседлать Леандра, прижать ему руки. Леандр держал человека за запястье, а тот пытался ударить ножом, воткнуть его Леандру в шею.

Орест бросил камни, он понимал: задумается хоть на миг о том, что ему делать, – упустит возможность застать нападавшего врасплох. Постарался подобраться беззвучно, а затем схватил чужака за голову и изо всех сил вжал большие пальцы ему в глазницы. Несколько мгновений словно не владел собственным телом, не было у него ума – ничего, кроме силы пальцев. Не дышал, пока не почувствовал, что в глазницах что-то поддалось, и человек испустил вопль, выронил нож и высвободил руку Леандра.

Леандр в одно движение сел на колени и, схватив нож, принялся пырять им чужаку в грудь и в шею. Когда тот затих, его уложили на спину.

– Надо вернуться за вторым, – проговорил Леандр. Оресту почти хотелось объяснить Леандру, кем был этот мертвец и кто его спутник – тот, что был добрее, тот, что обращался с Орестом помягче. Но Леандр уже убежал, и Оресту пришлось последовать.

Того, второго, на тропе не было. Они пробирались вперед осторожно – на случай, если чужак притаился в кустах. Добравшись до открытого места, они увидели его пониже, в отдалении, он медленно покачивался из стороны в сторону, держась за голову. Оглянувшись и увидев их, он попытался бежать.

– Подожди меня, – сказал Леандр, направляясь обратно, за камнями. – Кажется, догоним, – проговорил он, вернувшись. – Скажи, когда тебе покажется, что удастся в него попасть.

Набрав камней, они оба помчались вперед со всей возможной скоростью. Оресту было ясно, что их жертве не по силам от них удрать, но тревожился, что у этого человека тоже окажется нож, как у его напарника. В этом случае ему остается лишь подпустить Леандра с Орестом поближе, чтобы нож удалось применить.

Орест решил бежать быстрее – в надежде, что, если сможет приблизиться, не растеряв камней, тогда прицелится до того, как Леандр, бежавший впереди, успеет добраться до чужака. Орест понимал, что способен на все, если ни на миг не забеспокоится – и даже не станет просчитывать. Он не промахнется, он сможет выбрать миг, чтобы начать швырять камни. Тот человек, казалось, отчаянно пытался от них уйти, но Оресту все равно было ясно, что чужак может вдруг развернуться и

сделаться опасным.

Орест не стал бежать напрямик за Леандром и чужаком – он ринулся наискось через пустошь, в горку. Старался не растерять камни, прижимал узел с ними к груди. Побежал даже быстрее, когда заметил, что человек оборачивается. Вычисляет, подумал Орест, когда ему остановиться и напасть на Леандра с ножом, если Леандру хватит глупости приблизиться вплотную.

Орест теперь был готов. Выбрав камень, прицелился и швырнул, но чужак бежал не по прямой, и камень в него не попал – зато показал чужаку, где Орест. У того теперь не было выбора – лишь подобрать узел с камнями и бежать во весь дух к движущейся фигуре. Нет у него больше преимущества склона, однако, если он вложит все силы в скорость, думал он, удастся приблизиться, чтобы кинуть еще один камень сбоку, даже если угол не будет удачным.

Остановился, подхватил камень. Вдохнул, собрал всю мощь, с какой нападал на первого чужака. И метнул. Камень попал человеку в плечо. Орест быстро выбрал еще один камень. Этот второй угодил в голову, и человек упал навзничь.

Орест нагнал Леандра, ничего не сказал ему. Они оба вперялись в тело, лежавшее на земле. Подошли поближе, услышали, как он стонет и хватает ртом воздух. Орест положил узел с камнями и присел на колени, выбрать один из пяти-шести оставшихся. Подбежал к жертве и тяжело ударил по голове.

Человек лежал на спине, но глаза у него были распахнуты. Орест поймал его отчаянный взгляд – простертый, казалось, узнал его и начал что-то произносить, похожее на имя Ореста. Орест помедлил мгновение, а затем швырнул еще один камень и расколол человеку череп.

Леандр обыскал одежду убитого и нашел два ножа. Орест вернулся подобрать рубашку. Затем они вместе с Леандром взялись тащить тело к дому, за ноги, голова волоклась по земле. Мертвец был тяжелый, и несколько раз они останавливались передохнуть. Дотащили его до напарника, чье тело уже привлекло мух. Докатили обоих до скального обрыва, спихнули вниз.

– Я обещал себе, что мы больше никого не убьем, – проговорил Леандр.

– Они бы убили нас. Это те двое, что похитили меня.

Пока они с Леандром возвращались к дому, Оресту хотелось поговорить о его пути из дворца с этими двоими, но он осознал, что, поскольку ни Леандр, ни Митр не обсуждали с ним подробности их похищения, Леандр, наверное, не захочет слушать. Об этом Оресту

придется думать молча.

Они застали Митра и старуху за столом. Когда вошли, пес встал, почесался и зевнул.

– Он перестал рыть землю некоторое время назад, – сказал Митр, – и мы решили, что те, кто сюда шел, убрались.

Орест глянул на Леандра, тот стоял в тени, без рубашки.

– Да, они убрались, – сказал Леандр.

– И мы слышали, как кто-то кричал, мужчина, – проговорила старуха. – И я сказала Митру, что, если он закричит еще раз, мы пойдем поглядеть, что происходит. Но с тех пор ни звука, и мы решили остаться.

Леандр кивнул.

– Я потерял рубашку, – сказал он.

– У меня еще осталась ткань, – откликнулась старуха. – Могу сшить тебе новую. Может, каждому из вас. Хоть займет меня.

Орест глянул на Леандра, и ему показалось, что Леандр повзрослел. Плечи у него раздались, а лицо стало уже, худее. Одинокое стоя в тени, он казался выше. На миг Оресту захотелось подойти к нему, прикоснуться, прижать ладонь к его лицу или торсу, но Орест не двинулся с места.

Он проголодался и устал, однако чувствовал, что ему нужно что-то еще – он с радостью бросится в бой, только бы сообщили, что кто-то опять к ним идет.

Орест все никак не мог отвести взгляд от Леандра, пока тот двигался по тесной комнате полуголым. Перехватив его взгляд, Орест заметил, что и Леандру неймется. Если бы старуха сказала, что ей надо зарезать овцу, или козу, или даже курицу, Орест бы оказался рядом, при остром ноже. Он был бы готов помочь старухе. И понимал, что помог бы и Леандр.

Они сидели за столом, ели то, что приготовила хозяйка, словно это обычный вечер в их жизни. Пес наблюдал за ними из угла, как всегда следя за каждым куском, который Митр клал в рот, или подходя поближе, когда Митр кашлял.

Поскольку они поняли, что пес предупредит их о чужаках, ни Оресту, ни Леандру не пришлось сторожить ночью. И потому Леандр предложил Оресту спать с Митром, пес – между ними. Леандр лег в соседней комнате, а старуха – в глубине дома.

Днем они встречались за едой, готовили старуха с Митром. Орест и Леандр приглядывали за скотом и за урожаем, за овощами и деревьями, часто работая вместе. Вчетвером они никогда не ели молча. Болтали о погоде или о перемене ветра; обсуждали новый вид козьего сыра, который сделала старуха, или какое-нибудь животное из стада, или что случилось с

каким-нибудь деревом. Пошучивали над тем, какой лентяй Митр, или как трудно вытащить Ореста из постели поутру, или как подрост Леандр. Бросали псу хлеб и смеялись над тем, как жадно он его ест. Но старуха не рассказывала о пропавшей семье, мальчики же не говорили о доме. Орест размышлял, не выложил ли Митр старухе их историю – или не пришлось ли у них к слову подробности того, что случилось прежде.

Бывали дни, когда ветер дул особенно свирепо. Старуха всегда знала, когда налетят такие ветры. Она предупреждала их. Начинаться все могло с посвиста в ночи или среди дня, когда делалось теплее обычного, ветер мог крепнуть и дуть два-три дня, после чего затихал. Когда он свистел сильнее всего, Митру приходилось сидеть поближе к собаке, та тревожилась, рычала и порывалась спрятаться. По ночам, когда ветер был самым лютым, когда никто не мог спать и все сидели в кухне, напряженные, старуха доставала бутылку перегнанного фруктового сока, наливала себе чашку, а мальчикам выдавала сколько хочешь фруктов и воды и рассказывала им какую-нибудь историю, обещая, что постарается не закончить до утра.

– Жила-была девушка, – начала она однажды ночью, – и слыла она главной красавицей на всем белом свете. Насчет ее рождения ходили разные слухи. Кто-то верил, что ее отец – из богов, пришедших на землю в облике лебедя. Но что бы ни думали о ее отце, о том, как звали мать девушки, все сходились во мнениях.

Старуха примолкла, ветер бушевал вокруг дома. Пес убрался подальше в угол, Митр сел рядом на пол.

– Как же звали мать? – спросил Орест. – Она тоже была бог?

– Нет, она была смертной, – ответила старуха и вновь умолкла. Казалось, она пытается что-то придумать. – То было время богов, – проговорила она. – Лебедь возлег с ней, с матерью, и, говорят...

– Что говорят? – спросил Орест.

– Говорят, что родилось у матери двое детей от лебедя и двое – от смертного отца. Мальчик и девочка – и еще мальчик с девочкой. И девочка, дочка лебедя, оказалась обворожительной. Другие же...

Она опять замолчала, вздохнула.

– Двое мальчиков уже сгнули, – продолжила она шепотом. – Они сгнули, как и все люди того времени. Они сгнули, защищая сестру. Вот как они сгнули.

– Почему им пришлось ее защищать? – спросил Леандр.

– Все царевичи и цари желали на ней жениться, – сказала старуха. – И договорились, что всяк, кто просил ее руки, даже если не получил ее, должен пообещать прийти на вырчку ее мужу, если с ней что-то

стрясется. И вот так началась война, война, забравшая наши лодки и наших мужчин. Началась она из-за красоты.

Женщина говорила, вокруг дома выл ветер. Трое мальчишек сидели с ней всю ночь, Орест и Леандр просыпались и задремывали на стульях, а Митр оставался с собакой, напуганной ветром.

* * *

Леандр с Орестом научились свистеть, чтобы, даже когда они врозь, можно было слышать друг друга. Основной свист – приветствие, способ дать знать, что они где-то рядом; другой – сказать, что пора возвращаться в дом поесть; третий – что надо срочно встретиться; последний означал «чужаки». Они повозились с Митром, научили его свистать их, если они опаздывают к трапезе, а еще научили его самому громкому, пронзительному свисту – если пес начнет скрести землю.

Теперь, когда они могли высвистать друг дружку, Орест с Леандром стали работать на разных полях; одному можно было и оставаться дома, когда второй шел разыскивать заблудившуюся скотину. А еще Орест теперь гулял сколько влезет по кромке скал – пока не нашел расщелину, каменистую тропу вниз, к морю. Он знал, что старуха тревожится из-за волн, те бывали высоки и суровы, и потому Орест никогда не говорил ей, что часто гуляет там, когда день подходит к концу, – просто побыть в одиночестве, посмотреть на воду.

Он нашел выступ. Несколько дней подряд ходил туда смотреть, как накатывают волны, как толпятся и бьются о камни внизу. Иногда птицы летели над морем странными стаями, некоторые – высоко, некоторые – поближе к воде. В основном было спокойно и тихо, но, стоило возникнуть ветру, его порывы будто швырялись водой.

Вскоре Орест убедил Леандра сходить с ним. Они сидели на выступе, солнце таяло. Леандр редко носил рубашку, работая в полях; тело его загорело. Он был гораздо выше Ореста – и крупнее. Смахивал на одного воина, какого Орест помнил при отце, тот целеустремленно приходил в отцов шатер и выходил из него.

Оресту хотелось спросить у Леандра, есть ли у того замысел на будущее, считает ли он уходящее время, как сам Орест, по тому, как полнеет и увядает луна, по тому, как приходит черед ягниться овцам, созреть урожаем, по фруктовому деревьям и их плодам, и не собирается ли Леандр остаться здесь и после смерти старухи. Но время шло, луны круглели и тощали, никакие новые чужаки не объявлялись, и казалось, будто о них троих позабыли, будто они нашли место, где проживут

безопасно, а любой уход или переселение несут с собой угрозу.

Иногда Орест смотрел в море, вглядывался в горизонт – искал там лодки или корабли. Помнил, что, когда был в военном лагере с отцом, все лодки и корабли ждали в гавани. Но сейчас никакого намека на них в море не было.

Когда они сживали вместе, Орест откидывался назад и опирал голову о грудь Леандра, Леандр же обнимал его обеими руками. Оресту хватало при этом ума помалкивать – и ни о чем не думать, а только ждать, пока солнце не макнется в море, и тогда Леандр разомкнет объятия, отодвинет Ореста в сторонку, встанет, потянется и они вместе пойдут обратно к дому.

По ночам Митр излагал Оресту истории, рассказанные старухой, пока они были наедине. Нашептывал ее слова, стараясь вспомнить их точно, а когда добирался до каких-нибудь подробностей, умолкал в том же ритме, что и старуха.

– Жил-был человек, а может – царь, – рассказал он, – было у него четверо детей, одна дочка и три сына. Он любил своих жену и детей, и они были счастливы.

– Когда это было? – спросил Орест.

– Не знаю, – отозвался Митр. – А когда жена умерла, – продолжил он, – мать четверых детей, они загрустили, и тогда отец послал за сестрой их матери, женился на ней, и они опять стали счастливы – пока мачеха не приревновала отца к детям. И потому велела их убить, но слуга, которому она приказала убийство, сказал, что не сможет этого сделать, потому что дети красивые и...

Он примолк на миг, словно забыл, что дальше.

– Может, потому что царь разгневается, – подсказал Орест.

– Да, может. И тогда она сама пошла их убивать.

– Пока они спали?

– Или пока играли. Но, придя к ним, она тоже не смогла. И вместо этого превратила их в лебедей.

– И они умели летать?

– Да, они улетели прочь. Таково было заклятие – чтобы они улетели подальше, но прежде они попросили кое о чем. Серебряную цепочку – чтобы никогда не разлучаться. Цепочку для них выковали, и они улетели, связанные цепочкой между собой.

– И что же с ними случилось потом?

– Они прилетели сначала в одно место, потом в другое, потом в третье, и так прошло много лет. Бывало холодно.

– Они погибли?

– Они летали девятьсот лет. И все эти годы ждали – и рассуждали о возвращении домой. Говорили о том дне, когда они полетят, по-прежнему связанные серебряной цепочкой, и найдут место, откуда они родом. Но, когда то время пришло, все, кого они знали, уже умерли. В родных местах жили другие люди, незнакомые люди, и они перепугались, когда лебеди приземлились и крылья их отпали, и клювы, и все перья осыпались. И лебеди опять стали людьми. Людьями, но больше не детьми. Они состарились. Им было по девятьсот лет, и все новые люди, завидев их, бросились врассыпную.

– А дальше?

– Они умерли, и тогда те, кто удрал, вернулись и погребли их.

– А серебряная цепочка? Ее тоже закопали?

– Нет. Цепочку люди сберегли, а погода продали – или как-то еще приспособили к делу.

* * *

Старуха постепенно слабела. Митр устроил ей постель в кухне, потому что ходить она больше не могла. По-прежнему она разговаривала с ним среди дня, а во время трапез что-то ела, но лишь то, что давал ей Митр. Ни Ореста, ни Леандра она не узнавала. Когда они заговаривали с ней, она не отзывалась. Иногда принималась за историю о кораблях и людях, о женщине и волнах, но продолжить у нее не получалось. Бывало, она перечисляла имена, но те, казалось, никак и ни с чем не связаны. Мальчики ели молча за столом, голос старухи то возникал, то затихал, они едва слушали ее, поскольку почти все, что она произносила, не имело для них смысла.

Частенько она засыпала прямо на середине фразы, а затем просыпалась и звала Митра, он кормил ее, сидел рядом, подтаскивал пса, а остальные двое отправлялись работать или перебирались в другую часть дома – или на уступ над скалами, глазеть на волны.

Однажды вечером женщина все повторяла и повторяла несколько фраз, а затем – несколько имен, после чего умолкла и заснула. Мальчики почти доели, и тут она проснулась и принялась шептать. Поначалу они едва могли слышать. Это был список имен. Орест встал и подошел к ней.

– Можешь еще раз сказать имена? – попросил он. Старуха не обратила на него внимания.

– Митр, можешь попросить ее еще раз сказать те имена? – спросил Орест.

Митр тоже приблизился к старухе, опустился рядом с ней на колени.

– Ты меня слышишь? – прошептал он.

Она перестала говорить и кивнула.

– Можешь еще раз сказать те имена? – попросил он.

– Имена?

– Да.

– Этот дом был полон имен. А теперь здесь только Митр.

– И Орест с Леандром, – сказал Митр.

– Они уйдут, как все остальные, – сказала она.

– Мы не уйдем, – произнес Леандр погромче. Старуха покачала головой.

– Дома полнились именами, – проговорила она. – Всеми именами. Этот дом был...

Она опустила голову и больше ничего не сказала. Чуть погодя, когда Орест заметил, что она не дышит, они побыли с ней еще сколько-то, Митр держал ее за руку.

Наконец Орест прошептал Леандру:

– Что нам делать?

– Она умерла. Нужно отнести ее к ней в комнату, взять с собой свет и сидеть с ней до утра, – ответил Леандр.

– Ты уверен, что она умерла? – спросил Митр.

– Да, – отозвался Леандр. – Мы пробудем рядом с ее телом всю ночь.

– А потом похороним? – спросил Орест.

– Да.

– Где?

– Митр сообразит.

Они бережно отнесли ее тело в комнату в глубине дома, туда, где она спала, и Митр, шедший следом с собакой, принялся кашлять, нахохлился в углу рядом с покойницей, время от времени подбирался поближе, гладил ей лицо и руки, а затем возвращался на свое место. Однако, пока ночь таяла, он кашлял все больше, и ему пришлось выбраться наружу, подышать.

Орест с Леандром оставались рядом с телом, оно остыло и окоченело, и ни один не осмеливался заговорить. Вот оно, время, которого они боялись, думал Орест, время, когда предстоит что-то решать. Он понимал, что они прожили в этом доме пять лет. Осознавал, что ему невдомек, какие замыслы вынашивал Леандр, о чем он думал все это время, что они здесь провели.

Оресту не хотелось отсюда уходить. Слишком много минуло времени. Если, когда Митр вернется, Леандр скажет, что, по его мнению, им надо

остаться здесь и никак не помышлять об уходе, Митр тут же согласится – согласится и Орест. Они пробудут здесь, пока не состарятся, как состарилась эта женщина.

Он попытался вообразить, кто из них умрет первым, а кто в конце концов останется один. Представил себя и Леандра, наедине, Леандр заботится о скотине и урожаях, а он, Орест, приглядывает за кухней и едой, собирает яйца. Вообразил, как Леандр возвращается в конце дня, а Орест уже приготовил поесть, потом они говорят о погоде, об урожаях, о скотине и, может, когда-нибудь, – о Митре и старухе или даже о родном доме, о людях, которых они там оставили.

Утром Митр отвел их на место в кустах, где старуха пожелала упокоить свое тело. Он все еще кашлял и держался за грудь, а Орест с Леандром выкопали яму, где погребут старуху. Когда к ней слетелись мухи, Митр нашел себе занятие между приступами кашля – отгонять мух.

Глаза у старухи были все еще приоткрыты, и, хотя все тело оставалось неподвижным и безжизненным, случались мгновения, когда Оресту казалось, будто она шевельнулась – или что она видит их и слышит, пока они готовят ей могилу. Когда подошло время опустить покойницу в вырытую яму, они помедлили. Огляделись, не в силах двигаться.

Митр склонился и взял старуху за руку. Леандр сел наземь, уставившись вдаль. Пес заполз в тенек.

Внезапно до Ореста дошло, что он мог бы сделать. Встал, выпрямился; Митр с Леандром пристально наблюдали за ним. Поглядел на мертвое тело старухи и вспомнил песню, которую пела жена того человека, что лежал, отравленный водой из колодца. Орест откашлялся и запел. Он не очень помнил слова, зато помнил мелодию. Помнил и то, с какой страстью пела небесам та женщина. Орест вскинул взгляд, как та женщина. Когда забывал слова, повторял предыдущие строки или сочинял на ходу. Митр кивнул Леандру, и Орест поддал громкости. Митр подsunул руки под плечи покойницы, Леандр встал на колени и взял ее за ноги. Постепенно они придвинули ее к краю могилы, бережно опустили в землю и закопали.

Когда они втроем двинулись к дому, собака – следом, Леандр спросил Ореста, где он выучил эту песню. Орест мысленно представил себе то событие: человек в муках, на земле, стражники смотрят неумолимо, ребенок у женщины на руках, над ними – небо. Все это показалось другой жизнью – или чьей-то еще.

– Не помню, где выучил, – ответил Орест.

Митр остался в кухне с собакой, Леандр ушел в поля, а Орест – на свой уступ, в надежде, что Леандр придет туда к нему и Орест узнает, какие у Леандра замыслы. Но Леандр не явился.

Долго-долго Орест глядел в море и слушал шум волн, что бились внизу, а затем, устав, вернулся в дом и обнаружил Митра на полу, тот люто кашлял, изо рта у него шла кровь. Орест выбрался наружу и свистнул Леандру, чтоб тот шел к дому, а сам вернулся в кухню и уложил голову Митра себе на колени.

В тот вечер они сидели у постели Митра, тот спал, просыпался, кашлял, засыпал вновь. Позднее они принесли ему поесть и устроили его поудобнее, пес вытянулся рядом.

– Нам надо уходить, – сказал Леандр. – Пока нам везло. Но однажды люди явятся сюда и мы не сможем им противостоять.

– Я не могу уйти, – сказал Митр.

– Мы подождем, пока тебе полегчает, – сказал Леандр. – Пока не прекратится кашель.

– Я не могу уйти, – повторил он.

– Почему? – спросил Орест.

– Старуха сказала мне, что стоит мне уйти, как будет ждать смерть.

– Всех нас? – спросил Орест.

– Нет, меня одного.

– А нас? – спросил Орест.

– Она рассказала мне все, что случится, – проговорил Митр.

– Плохое? – спросил Орест.

Митр не ответил, но некоторое время удерживал взгляд Ореста, будто соображал, что́ сообщить.

– Нам можешь рассказать, – проговорил Леандр.

– Нет, не могу, – отозвался Митр.

Закрыв глаза и перестал двигаться. Орест с Леандром оставили его спать и вернулись в кухню.

Вновь услышав кашель, тут же пришли к Митру.

Глаза у него были открыты, он потянулся и схватил Ореста за руку.

– Ты им?.. – начал он, но закашлялся.

– Не надо тебе говорить, – сказал Леандр. – Отдыхай.

– Хочу сесть.

Они помогли Митру сесть. Все это время он не выпускал руку Ореста.

– Ты им расскажешь? – спросил он.

– Что расскажу? – спросил Орест.

– Что я был с вами все эти годы, и о старухе, и собаке, и о доме. Ты им расскажешь нашу историю, про наши дела?

– Кому? – спросил Орест.

Леандр положил руку Оресту на плечо, потянул его прочь. Митр выпустил его ладонь.

– Мы расскажем им, что ты был счастлив, – произнес Леандр, – и что за тобой приглядывали, тебя любили, о тебе заботились, и ничего плохого с тобой не случилось, совсем-совсем ничего. Я расскажу им, и Орест расскажет. Первым делом, как только вернемся домой.

– Орест... – начал Митр.

– Я здесь, Митр.

– Может, то, что она сказала, – неправда, – прошептал Митр.

– Так что же она сказала? – спросил Орест.

– Даешь слово, что расскажешь им? – спросил Митр погромче, не обращая внимания на вопрос Ореста.

– Даю слово.

– Всем? Моим отцу с матерью, всем-всем, моим братьям? Может, у меня уже есть новые братья и сестры, которых я никогда не видел.

– Всем им расскажем.

Митр лег и вновь уснул. Погодя Орест устроился на лежанке Леандра, но Леандр к нему не пришел: болтался по кухне и у постели Митра, а Орест внимательно слушал его движения, всю ночь.

Понутру Орест, наверное, задремал, потому что проснулся, ощутив руку Леандра у себя на плече.

– Митр сколько-то времени назад перестал дышать, – прошептал Леандр.

– Ты попытался его разбудить?

– Он не спит, – сказал Леандр. – Он умер.

Они прождали у его тела, пока солнце в небе не ослабело, а затем вынесли его туда же, где похоронили старуху, пес следовал за ними по пятам, уши торчком, словно пытался расслышать некий далекий звук. Они приготовились опустить тело в яму, которую выкопали рядом с телом старухи, и Леандр посмотрел на Ореста, взглядом спросил, не споет ли он еще раз ту песню. Орест устроился поближе к могиле, сел. Принялся петь слова, которые помнил, тихо, а потом еще тише, едва ли не шепотом.

Когда могилу засыпали, пес, казалось, не мог уgomониться. Посидел рядом немножко, а потом побрел за ними к дому, медленно, неохотно, негромко рыча. Уселся в кухне на свое обычное место. Орест дал ему еды и воды, погладил по голове, поговорил с ним ласково.

Он понимал, что Леандр собрался уходить. Они это не обсуждали, но Орест не сомневался, что замысел таков. Как тогда быть с собакой, он не знал.

Проснувшись в ту ночь, он перебрался из своей постели к Леандру, собака – следом. Леандр подвинулся, обнял его, когда Орест устроился. Он осознал, что оба они страшатся того, что случится, когда они уйдут.

Он перестал укладываться у себя, ждал, когда Леандр приготовится ко сну, шел с ним в комнату, собака по-прежнему следом. Желанной стала для Ореста ночь – и то, что происходило между ними в те часы, и утром, когда они просыпались.

Однажды ночью Леандр не мог уснуть. Он ворочался и крутился, Орест придвинулся поближе. Они обнялись в темноте, сна у обоих ни в одном глазу.

– Хочу повидать деда, если он все еще жив, – сказал Леандр. – У него двое сыновей, но один умер, а второй – мой отец, у него единственный сын – я. Может, дед ждет меня. Когда меня похитили, Ианте, моей сестре, было десять. Теперь она женщина уже – и тоже ждет меня, и отец с матерью ждут, и дяди с тетями, и другие мои деды с бабками – родители матери.

– Я не знаю, кто ждет меня, – произнес Орест. – Может, это Митр и пытался сказать: что меня не ждет никто.

– Твоя мать тебя ждет – и Электра, – произнес Леандр.

– Но не мой отец?

– Твоего отца больше нет.

– Кто его убил?

Миг-другой Леандр не отвечал, а затем, обняв Ореста покрепче, прошептал:

– Довольно и того, что он мертв.

– Моя сестра Ифигения тоже погибла, – сказал Орест.

– Я знаю.

– Я видел, как она погибала, – проговорил Орест. – Никто не знал, что я смотрел, как она умирает, и я слышал ее голос и как кричала моя мать, я видел, как ее утаскивали прочь.

– Как тебе удалось?

– Я был на холме, в лагере. Они оставили меня сражаться на мечах с солдатами, но солдатам чуть погодя надоело играть, и меня оставили одного в шатре, я уснул, а проснулся от воя зверей, вышел из шатра и лег ничком на землю так, чтобы видеть то место, куда вели телок, наблюдал, как их резали. Слышал их звук – испуг, прямо из самого живота, а потом видел, как брызжет кровь. И там были мой отец и другие знакомые. Я чуял запах звериной крови и потрохов, они были повсюду, все кругом текло. Я собрался прибежать к отцу или, может, отыскать мать и Ифигению. Но тут увидел их. Они шли процессией, во главе ее, Ифигения и моя мать – впереди всех, а за ними – мужчины. Когда они добрались до места, не было слышно ни звука. Я видел, как они обрезают моей сестре волосы. Как ставят ее на колени. Руки и ступни у нее были связаны. И тогда я услышал ее голос – и голос матери. Они как-то заткнули им рты, чтобы те не кричали. И люди уволокли мою мать прочь, потом сестра попыталась потянуться к отцу, но ее оттащили. Повязали повязку на глаза. И какой-то человек, что был рядом с отцом, медленно двинулся к ней с ножом в руке. И тряпка у нее на рту сползла, Ифигения закричала. Звук получился, как у зверей. Она упала, и тело ее унесли.

– А дальше?

– Я вернулся в шатер, лег и стал ждать. Пришли какие-то люди и спросили, не хочу ли я сражаться на мечах, но я сказал, что уже наигрался. Следом явился отец, поиграл со мной и пронес меня по лагерю у себя на плечах.

– А где была твоя мать?

– Я оставался с людьми отца. Наверное, спал в отцовом шатре несколько ночей подряд, потому что помню, как все они разговаривали, а потом кричали, когда узнали, что корабли наконец могут отплыть, раз ветер поменялся. Ветер поменялся, и все вокруг начали носиться. Обо мне почти забыли, и тут Ахилл увидел меня и принес к отцу. И отец отнес меня на плечах через весь лагерь к матери. И мы поехали домой.

– Ты рассказал матери, что́ видел?

– Я поначалу раздумывал, знает ли она, что Ифигения погибла, или, может, она спросит меня или кого-то еще, что случилось после того, как ее утащили. Она не видела происшедшего. Я видел всё. Моя мать не видела, а Электры там вообще не было. Я – единственный, если не считать людей в толпе и моего отца.

– Ты хочешь вернуться домой к матери и Электре?

– Иногда нет, но сейчас, наверное, да.

– Надо решать.

– Пойдем. Собаку с собой возьмем?

– Предстоит уговорить собаку доверять нам, чтобы она за нами пошла, – сказал Леандр. – Наберем еды. Надо взять всю, какую сможем, – и воду.

Орест обнял Леандра – показать, что ему не страшно. Леандр обнял его.

Орест знал, что ночь прошла, загорелся рассвет, а Леандр не спал. Орест чувствовал, что глаза у Леандра открыты и он думает. Жалел, что нельзя вернуться во времени, когда еще живы были старуха и Митр, или еще раньше, во времена, которые и вообразить-то трудно, когда его мать, он сам и Ифигения отправились к отцу, а тот готовился к битве и к встрече с ними.

Леандр ворочался, а Орест размышлял, ждет ли его будущее, когда он сможет вспоминать такие вот ночи, ночи, когда они с Леандром были наедине, шептались, а пес спал рядом, Митр и старуха – в своих могилах, неподалеку. Леандр встал, Орест остался в постели. Наблюдал, как Леандр одевается, готовится к наступившему дню. Оресту тоже пора вставать и начинать приготовления к отбытию. Он соберет и завернет еду. Мысленно составил список того, что им понадобится в пути.

Утром похода они обнаружили пса в кухне, он уныло лежал на полу, свесив язык, словно хотел пить. Ему предложили воды, но пить он не стал.

– Пес умирает, – сказал Леандр. – Не хочет он идти с нами.

Они подняли собаку, та не сопротивлялась. Отнесли к могиле Митра и старухи, стали ждать рядом. День шел, то один, то другой вставали за едой и водой, но пес ни к чему не прикасался. Лишь тихо поскуливал, пока вскоре и это не прекратилось. Они ждали с ним, шептали ему – и Митру со старухой – и после того, как наступила темнота. А потом умолкли, тишину нарушало лишь неуверенное дыхание пса. Затем не стало и его.

Утром, как только поднялось солнце, они еще раз выкопали могилу и положили тело пса к телам Митра и старухи. Завершив с этим, вернулись в дом, забрали то, что приготовили в дорогу. Выходить надо как можно

скорее, сказал Леандр, чтобы пройти за день как можно больше.

Электра

В некотором отдалении от дворца есть несколько пролетов круговой лестницы, она ведет в провал, где когда-то был сад. Некоторые ступеньки раскрошились, одна-две выломаны совсем – то ли временем, то ли ящерицами, которые устроили себе дом в каменных брешах. Внизу кривенькие деревья сражаются за место с одичавшим кустарником. Пока моя сестра была жива, мы ходили туда, если хотелось поговорить так, чтобы наверняка никто не подслушал. Свет таял, птичьи песни делались громкими, едва ли не яростными. Может, этим шумом птицы отгоняли хорьков, каких в том месте была пропасть. Мы не сомневались, что даже если бы кто-то прятался в тених, нас не смогли бы услышать.

Моей сестры больше нет в живых. В этот сад она уже не придет.

Зато туда теперь ходит моя мать. Она покидает дворец с двумя-тремя стражниками, те идут за ней чуть поодаль. Бывает, и я с ней гуляю, но мы разговариваем мало, а когда я ухожу, она частенько едва кивает.

Этот погруженный сад – вот где она умрет. Кто-нибудь убьет ее там. Она будет лежать в собственной крови, среди узловатых кустов.

Гляжу, как она спускается по ступенькам, и улыбаюсь, ее стражники бдят, опираясь на каменную балюстраду, – на случай, если она свалится с битой кладки.

Легко было бы вообразить, что в отсутствие матери и ее стражников Эгист более одинок и уязвим – самое время кому-нибудь пробраться в комнату, где он работает, быстро приблизиться и воткнуть нож ему в грудь или подойти поближе, словно попросить о милости, а затем, не предупреждая, вцепиться ему в волосы, задрать подбородок и перерезать глотку.

Впрочем, ошибкой было бы считать, что любовника моей матери так легко убить. Он – ходячая стратегия, а главная стратегия Эгиста – вероятно, важнейшая – его собственное выживание. Он бдителен. И у него на службе – или в его власти – люди, которые тоже не дремлют.

Эгист – он как зверь, что забрался в дом за уютом и безопасностью. Он выучился улыбаться, а не рычать, но с головы до пят – по-прежнему сплошной инстинкт, сплошь когти и зубы. Он способен унюхать угрозу. Нападет первым. Выгнет спину и при малейшем намеке на угрозу прыгнет.

Не ошибка – бояться его. У меня есть причина его бояться.

* * *

В тот день, когда мой отец вернулся с войны и пока он приветствовал старейшин во дворе, моя мать приказала двоим дружкам Эгиста найти меня. Они притащили меня в трапезную, не обращая внимания на мои вопли и ошеломленные возражения. Свели меня, сопротивлявшуюся, по круговым лестницам на этаж ниже, бросили в темницу под кухней – и оставили там на несколько дней и ночей без еды и питья. Затем выпустили. Попросту открыли дверь темницы, где меня держали. Оставили, всю грязную, ползти к себе, и все смотрели, будто я – какое-то упрямое дикое животное, прирученное лишь наполовину. Предоставили мне жить дальше, будто ничего недопустимого не случилось.

Эгист явился ко мне в комнату, когда меня выпустили из темницы. Встал в дверях и сказал, что моя мать очень страдала, она сейчас уязвима и не годится заводить разговоры, которые ее огорчат или напомнят о том, что ей пришлось пережить. Сказал, чтобы я ни в коем случае не покидала двор и не беседовала со слугами – и не перешептывалась со стражей.

Не создавай неудобств, сказал он. Он приглядит, чтобы я их не создавала.

– Где мой отец? – спросила я.

– Его убили, – ответил он.

– Кто его убил?

– Кто-то из его солдат. Но с ними уже разобрались. Мы о них больше не услышим.

– Где мой брат?

– Его удалили отсюда, для его же безопасности. Скоро вернется.

– Он там же, где была я? В темнице для его же безопасности?

– Тебе же сейчас ничто не угрожает, верно? – спросил он.

– Чего тебе надо? – спросила я.

– Твоя мать желает вернуться к обычной жизни. Ты этого тоже хочешь, не сомневаюсь. Мы стремимся помочь тебе в этом. – Он поклонился мне с деланой учтивостью. – Надеюсь, ты понимаешь, – договорил он.

– Когда вернется мой брат? – спросила я.

– Скоро ему это будет безопасно. Только этого твоя мать и ждет. Тогда она станет хлопотать меньше, чем сейчас, меньше беспокоиться.

* * *

Я довольно быстро выяснила, как убили моего отца и почему моя мать не хочет, чтобы об этом убийстве болтали. Я поняла, почему она подслала

Эгиста угрожать мне. Она не желала слышать голос обвиняющей дочери. Они оба знали о паутине старых приверженностей и обязательств, какая оплетает этот дворец, где полно долгих отзвуков и шепотков. Они наверняка понимали, до чего запросто я выясню, что произошло с моим отцом, и до чего быстро мне доложат, как моего брата выманили отсюда – и по чьему приказу.

Мать с любовником купили своими угрозами мое молчание, но не в их власти ночь – и то, как распространяется молва.

Ночь принадлежит мне в той же мере, в какой Эгисту. Я тоже умею перемещаться беззвучно. Живу в тених. У меня тесные связи с тишиной, и потому я знаю точно, когда безопасно шептаться.

* * *

Эгист, я уверена, знает, где мой брат – или какова его судьба. Он, однако, этим ни с кем не поделится. Он знает, что такое власть. От его знания возмущен самый воздух этого дома.

Эгист готов схватить нас когтями. Он держит нас, как орел – мелких пташек; орел откусывает им крылья, не дает умереть: когда придет время, ему будет чем поживиться.

Он полностью осознает, насколько мне интересен. Как и он, я слышу каждый звук, в том числе и любовные, которые он со своим любимцем-стражником исторгает в одной из комнат дальше по коридору, – или его быстрые, юркие движения к крылу слуг, где он добывает себе девушку, чтоб удовлетворяла его, прежде чем он вернется в постель к моей матери и устроится там как ни в чем не бывало, словно не пронзает его гнусный ненасытный аппетит, что вел к наслаждениям и власти.

Лишь однажды видела я, как Эгист отшатывается или выказывает испуг, лишь раз видела я, как хамелеон в нем шныряет в укрытие.

Когда пришла весть, что похищенных мальчиков освободили и они уже в пути домой, а с ними, как мы думали, и Орест, мы с матерью сидели с Эгистом, а тому было неудобно, неулыбчиво.

Мы желали встречи с моим братом. Нам все сильнее не терпелось узнать поточнее о том, когда же он явится, и мы с матерью оставили Эгиста, чтобы как следует приготовить комнату Оресту. Отправились на кухни и обдумали яства, какие ему бы хотелось отведать первым делом. Разговаривали друг с другом тепло – впервые с тех пор, как не стало моего отца, – обсуждали лучших слуг, чтоб ухаживали за братом. Я чуяла счастье матери от возвращения Ореста.

Когда вернулись в комнату, где был Эгист, мы обнаружили, что там с

ним еще какой-то человек – чужак. В тот миг мне почудилось, что мы вторглись к нему, вмешались в разговор между этим человеком и Эгистом – в важный или даже сокровенный разговор. Я задумалась, уж не тайный ли любовник или соратник Эгиста этот чужак, неопрятный и неприятный, и не явился ли он напомнить Эгисту о некоем долге.

Эгист стоял лицом к окну, когда мы вошли; он сжимал кулаки, а его посетитель опирался о стену у двери. Эгист повернулся, и я увидела в его глазах страх. Он кивнул чужаку, показывая, что тому следует убраться из комнаты. Я подумала, что и мне, вероятно, следует выйти – в этот миг, что бы ни происходило, Эгисту с моей матерью необходимо быть вместе. Однако я не ушла – я села. Показала всем своим видом, что одной лишь вежливой просьбы, чтобы выдворить меня, будет недостаточно. Я стану ждать вместе с матерью, пусть Эгист скажет, отчего у него испуганный вид.

Мать в присутствии Эгиста частенько вела себя по-девичьи и глупо, а временами капризно и до странного требовательно. Ничто из произносимого ею не представляло интереса. Она выучилась производить впечатление дуры. Жара, что-то о цветочках, как она устала, о еде, о неторопливости некоторых служанок, о наглости одного отдельного стражника – вот о чем она разговаривала. Я нередко размышляла, как поменялось бы ее чириканье, веселенькая необременительность ее тона или то, как она намекала на что-нибудь, но недоговаривала, если бы впрямую сказать, что стражник тот считал себя вправе наглеть с ней, потому что пыхтел то и дело в объятиях Эгиста, а те две служанки, следовало бы матери знать, медлительны, поскольку либо беременны от Эгиста, либо уже родили ему ребенка. Одна из них – даже двойню, насколько я знала.

Комнаты под нами, таким образом, были само плодородие, а коридоры напитаны грубым желанием. Моей матери было удобно делать вид, что всего этого не происходит, что она отчего-то слишком глупа или рассеянна и поэтому не замечает, но было ясно, что она, как и я, ничего не пропускает мимо ушей. Она не глупа. Не рассеянна. Под всеми ее намеками и подхалимством таилась ярость, таился металл.

– Кто этот человек? – спросила она.

– Какой человек? – переспросил Эгист.

– Тот неприятный человек.

– Просто посыльный.

– Обычно посыльных сюда не допускают. И хорошо – потому что от него тут запах остался. Возможно, потому, что он некоторое время не

мылся.

Эгист пожал плечами.

– Ох, почему не продувает тут совсем? – спросила мать пространство вокруг себя. – Мне душно.

Эгист стиснул кулаки еще сильнее.

– Чутье мне подсказывает, что есть новости, – проговорила мать, возвышая голос, чтобы Эгисту было понятно, что она обращается к нему.

Перехватив мой взгляд, она показала на Эгиста, словно это как-то могло подвигнуть его к ответу.

– Что за весть принес тот посыльный? – спросила она еще громче.

Воцарилась тишина, и, похоже, никто из нас не собирался ее нарушать. Моя мать неотчетливо улыбалась: словно съела что-то кислое и изо всех сил старается скрыть неудовольствие.

Мне такое приходило в голову и раньше, а теперь явилось мощно: они с Эгистом недолго любили друг друга. Прежде я воображала, что у них некая приятная договоренность, что они счастливо кружат друг вокруг друга днем и сплетают объятия в те часы ночи, когда Эгист не бродит невозбранно по дворцу. Теперь я заметила жесткую отчужденность. Они оценили друг друга по достоинству и выучили очертания некоей мерзкой правды.

Меня веселило, до чего естественно они делали вид: их связь не смотрелась чем-то готовым распасться. Я поняла их дилемму. Эгисту с матерью расстаться будет трудно, решила я. Слишком много чего случилось.

Я сидела с ними молча и воображала, каково это – заполнять свои грезы в часы суровости, как звук приглушенных криков мрачно давит на них в часы дремы – и в часы бодрствования.

Понаблюдала за ними. Созерцала, как моя мать открывает и закрывает глаза, как неподвижен Эгист. Наблюдаемое было едва ли не сокровеннее самого потаенного действия. Я видела их вместе – будто нагими.

* * *

Меня относит от их мира, мира слов, настоящего времени и обыденных человеческих порывов, к миру, который был всегда. Ежедневно взываю я к богам, чтобы помогли мне выстоять, взываю к ним, чтобы приглядели за братом, помогли ему вернуться, взываю, чтобы придали моему духу сил, когда придет час. В их бдении я – с богами, я тоже бодрствую.

Моя комната – сторожевой пост загробного мира. Я живу каждый день с отцом и сестрой. Они мои спутники. Когда хожу на могилу отца –

вдыхаю недвижимость места, где он покоится. Задерживаю дыхание, чтоб этот новый воздух наполнил мое тело, и выдыхаю медленно. Отец движется ко мне из своей обители тьмы. Я иду ко дворцу, его тень – рядом, парит вблизи.

Ко дворцу он приближается осторожно. Знает, что там люди, которых ему даже в смерти следует опасаться. Пока он устраивается в комнате, от меня – ни звука. И затем, как только я шепчу ее имя, появляется моя сестра Ифигения, сперва как легкое смятение воздуха. Они приближаются друг к другу.

Поначалу я боялась за них. Считала, что моя сестра приходит к нам, чтобы напомнить отцу, как она умерла, поговорить с ним о том, как хладнокровно он смотрел на ее заклятие. Я полагала, что она явилась обвинителем, чтобы ввергнуть отца во тьму за пределами той, где он обитает.

Но сестра моя Ифигения, облаченная в свадебное платье, – все бледнее и прекраснее, чем плотнее она становилась, – беззвучно приближалась к отцу, готовая обнять его, привлечь к себе или поискать утешения у его призрака.

Хотела спросить у нее, не забыла ли она. Хотела спросить, стерся ли способ ее смерти у нее из памяти, не живет ли она теперь так, будто ничего не произошло.

Быть может, дни перед ее гибелью и то, как подали ей смерть, в тех местах, где она сейчас, – ничто. Быть может, боги держат память мертвых под замком в своих хранилищах, ревностно стерегут. Высвобождают чувства, что когда-то были чисты и нежны. Чувства, когда-то значимые. Позволяют любви иметь значение, раз уж мертвым любовь навредить не способна.

Они сближаются, отец и сестра, их движения робки. Не уверена, видно ли им меня, после того как они увидели друг друга. Не уверена, что живые им интересны. У них слишком много собственных нужд, слишком много того, чем надо поделиться.

И потому, пока их духи величественно парят в этой комнате, я не заговариваю ни с отцом, ни с сестрой. Хватит и того, что они здесь, со мной.

Но был у меня вопрос, который я желала им задать. Хотела узнать, где мой брат. В некоторые дни я прозревала, что им это может быть ведомо: они ждали моего вопроса, но уплывали прежде, чем я произносила его имя.

В один такой день, вскоре после встречи Эгиста с тем человеком, из коридора внезапно донеслись крики, а затем топот бежавших людей. И тут

я услышала вопли матери.

Стоило мне осознать, что мои гости-духи не воспринимают эти звуки, я замерла, я ждала с ними вместе. Услышала еще крики, снаружи; затем кто-то из стражников пришел к моей двери – сообщить, что моя мать желает, чтобы я была рядом: похищенные мальчики того и гляди появятся наконец, и нам нужно быть во дворе, встречать Ореста.

Как только произнесли имя моего брата, я ощутила, что отец с сестрой обрели более плотное присутствие, сделались яростно деятельнее. Почувствовала, как отец тянет меня за рукав, сестра держит за руку. Но шаги стражника стихли, и наступила неподвижность.

Я решила сама произнести имя брата. Прошептав его, а затем сказав вслух, я расслышала голос, задышливый ответный звук, но слов разобрать не смогла. Моя сестра обняла меня, словно хотела удержать. Мгновение я вырывалась, а отец вновь дернул меня за рукав – привлечь мое внимание.

– Мой брат наконец-то возвращается, – прошептала я. – Орест возвращается.

– Нет, – сказала Ифигения. Ее голос – или голос, похожий на ее, – был почти громок.

– Нет, – повторил за ней отец, голосом послабее.

– Мне надо идти, увидеть брата, встретить его, – сказала я.

И вот уже никто меня не удерживал. Я облегченно улыбнулась при мысли, что отец и сестра, должно быть, переместились на дворцовое крыльцо, чтобы посмотреть на моего вернувшегося брата. Я бежала по коридору и к дверям, во весь дух. Снаружи доносились в унисон мужские голоса.

Услышав ликование и свист, я захотела быть рядом с матерью, чтобы в первые мгновения Орест видел, что мы стоим вместе, встречаем его на пороге дома.

Первого прибывшего мальчика подняли на руках и показали толпе, ликование продолжилось, но я видела, до чего быстро людям стало не по себе. Некоторые озирались, словно ища, нет ли еще свидетелей того, чему свидетели они сами: бледное, напуганное лицо мальчика, взгляд мечется, как у зверя, которого держали в клетке, и шум свободы ему даже страшнее.

Моя мать поймала мою ладонь в свою. Смотрела, а затем охнула, коротко вскричала и завопила на людей вокруг, повелевая им, чтоб Ореста привели прямо к ней, что никто пусть не поднимает его на руках, что он – сын Агамемнона и с ним нельзя обращаться так, как с остальными.

Вот тогда-то я и заметила в толпе Эгиста. Лицо у него напряглось от тревоги, лоб нахмурен, очи долу. Вскинул взгляд – и перехватил мой. Я

поняла, что Ореста среди освобожденных нет. Поняла, пока других мальчиков поднимали на руках, пока звучали приветственные кличи и крики облегчения, что моего брата среди этих мальчиков нет, я глядела по сторонам, на некоторых людей, посматривавших на мою мать беспокойно, и осознавала, что и они это понимают. Может, знали все. Не знал лишь один человек – моя мать, она оставалась чистым пылом, дыханием, голосом и слепым ожиданием.

Я наблюдала за Эгистом, а мальчиков разбирали по домам их ликовавшие родственники. Когда толпа начала разбредаться, Эгист остался с двумя семьями, чьи сыновья тоже не вернулись. Все сбились вокруг него, а он, развеяв их страхи обещаниями и убеждениями, остался один на один с моей матерью. Я стояла рядом с ней, а она высокомерно взирала на него.

– Где Орест? – спросила она.

– Я не знаю, – ответил он.

– Можешь выяснить? – спросила она.

– Насколько я понял, он был с остальными мальчиками, – проговорил он.

– Правда? – переспросила она.

Тон у нее был холодный, прямой, размеренный, но звучала в голосе и ярость.

– Так кто же был тот посыльный, от которого осталась вонь? – спросила она.

– Он прибыл сообщить, что мальчики уже в пути.

– И что Ореста с ними нет?

Эгист склонил голову.

– Его найдут, – сказал он.

– Пусть те, кто сопровождал мальчиков, явятся ко мне, – велела мать.

– Они не шли с ними весь путь, – произнес Эгист. – Они передали мальчиков на попечение других, пройдя часть дороги.

– Пусть за ними сходят и приведут обратно, – сказала моя мать. – Выполний немедленно. Когда появятся, пусть придут ко мне. Все это и так тянулось слишком долго. Я не потерплю дольше. Со мной я тебе так обращаться не позволю.

Я держалась от матери подальше, но по звукам от людей в коридоре и по тону голоса матери, пока она раздавала приказы, и по тишине, что последовала затем, я вычислила, что вокруг меня кипят лютые противоречия. Я тихонько ускользнула на отцову могилу, но и там ощущала, что воздух неподатлив и никакие шепоты, сколь угодно молящие, не уговорят мертвых отважиться выйти за пределы их царства.

В тот вечер, когда я отправилась к двери в комнату матери, я услышала, как она плачет, а голос Эгиста пытался ее утешить, затем ее голос оттолкнул его, велел убираться прочь.

Наутро я проснулась от очередных криков снаружи. Вновь слышала я мужчин в коридоре. Оделась тщательно. Думала, что найду мать и Эгиста, сяду с ними – пусть хотя бы ради того, чтобы подтвердить слова стражника: Эгист до недавнего времени знал, где Орест, и отвечал за него, и считал, что Орест вернется с остальными, но Орест и двое других мальчиков смогли удрать от его разбойников.

Теодот, дед Леандра, одного из мальчиков, которых пока не нашли, и отец третьего мальчика, Митра, которого тоже не было среди вернувшихся, явились с несколькими своими приверженцами и потребовали срочной встречи с моей матерью и Эгистом.

Из всех, кто не отправился с моим отцом на войну, Теодот был самым уважаемым и почтенным. Он часто приходил во дворец обсудить, где находятся похищенные мальчики, и всякий раз объяснял, что Леандр – его единственный внук.

Я приветствовала людей, ожидавших в коридоре. Проследовала с ними в комнату матери и встала в углу понаблюдать, а Теодот, даже не глянув на Эгиста, сказал моей матери, что от вернувшихся мальчиков они узнали, как Орест с двумя друзьями сбежал, один – внук Теодота Леандр, второй – сын Митра, тоже Митр. Трое мальчиков, сказал он, сбежали, убив одного из стражников, за несколько дней до того, как освободили других. Никто понятия не имел, куда они делись.

– Их найдут, – сказала мать, словно все это никак ее не удивляло. – Я все устроила так, чтобы их нашли.

– Всех мальчиков били, с ними скверно обращались, – продолжил Теодот, а остальные робко стояли рядом. – Кое-кто едва не умер от голода.

– К нам это не имеет никакого отношения, – произнесла моя мать.

Теодот едва улыбнулся. Склонил голову и вежливо сообщил, что понимает, почему она так говорит, но он ей не верит. Затем поклонился мне. Но ни он, ни прочие мужчины не смотрели на Эгиста. То, как они себя держали, подсказывало, что Эгист не достоин их презрения.

Через несколько дней двоих мужчин, сопровождавших мальчиков большую часть пути, пригнали во дворец и подвели к комнате моей матери, как узников. Им велели ждать в коридоре, пока люди, чьи сыновья вернулись, не собралась в комнате, вместе с Теодотом и Митром. Пройдя мимо, я пригляделась к тем двоим: они, казалось, в ужасе. Вновь я вошла в комнату к матери и встала в углу.

Когда тех двоих ввели, мать тут же вскинула руку, чтобы они не заговорили.

– Мы знаем, он сбежал с двоими другими. Нам этого сообщать не нужно. Нам лишь нужно, чтобы вы их нашли, всех троих. Вы наверняка представляете, куда они могли податься, сбежав. Вот что я говорю: отыщите их, приведите сюда. Не больше, не меньше. Никаких отговорок. За дело, сейчас же. Меня это мучит.

Один из них вроде бы собрался заговорить.

– Я не желаю ничего от вас слышать, – сказала мать. – Хотите что-то спросить – задайте вопросы Эгисту, когда будете уходить. Я желаю видеть своего сына, вот чего желаю я. Ничего другого я не желаю слышать. И не желаю, чтобы с ним или с его спутниками скверно обращались по дороге. Услышу от них хоть малейшую жалобу – лично отрежу вам уши, обоим.

Они робко убрались вон, Эгист – за ними. Остальные тоже вышли из комнаты, я подождала, приметив, до чего преисполнена гордости моя мать. Она бережно, нежно гладила себя по лицу, осторожно запустила пальцы в волосы. Неуверенно посматривала по сторонам, словно неуклюжий павлин. Села так, словно давала важную аудиенцию, но способна разогнать просителей в любой миг или приказать такое, что поразит всех духом чистого своеволия и колючей злобы. Заметив меня, она встала и улыбнулась.

– Как чудесно будет вернуть Ореста, – сказала она, все еще поглядывая вокруг себя, на воображаемую толпу. – И, быть может, так даже лучше, что он не вернулся вместе со всеми, чтобы его приветствовала эта свора. Я прослежу, чтобы он прибыл один, а другие мальчики, вероятно, – на день-другой позже.

Она мило улыбнулась. Я едва дотерпела, чтобы обратиться к себе. Мне показалось, что она остаток дня будет примерять платья, оглядывать прическу и лицо, чтобы подготовиться к спектаклю, когда придет время встречать Ореста и быть на людях обожающей матерью, которая встречает сына после отлучки.

* * *

В последовавшие месяцы Теодот часто приходил во дворец с тем, вторым человеком, Митром. Обоих всегда принимали с почестями, приглашали других людей засвидетельствовать встречу, мать разговаривала с большой вескостью – о том, что следует проявить терпение. И хотя Эгист наблюдал со стороны, провожая гостей, когда приходил срок, они ни разу не обратились к нему и не посмотрели на него.

Мы с матерью часто разговаривали об Оресте и о том, где он может быть. Я знала, что отношения у них с Эгистом натянутые, и потому ела одна и каждый день ходила на могилу и возвращалась с духом отца рядом. Шептала и сестре. Но присутствие Ифигении и моего отца было призрачным, по временам – едва заметным.

Я осознавала напряжение вокруг себя; бывали дни, когда никто не ходил по коридорам дворца, дни и ночи, когда моя мать не покидала своей комнаты, а Эгист казался беззвучнее обычного. Бывало и так, что они никого не принимали, совсем никого. Когда я выбиралась в коридор, стражники стояли недвижимо, как фигуры, обращенные в камень.

* * *

Однажды утром меня разбудили мужские голоса. Теодот с Митром собрали еще десятерых людей, те стояли сзади в ряд; они, в свою очередь, привели себе в поддержку домочадцев и челядь. Я вышла мимо стражников на крыльцо и приблизилась к Теодоту. Выяснилось, что моя мать уже некоторое время отказывается встречаться с ним и с Митром, а Эгист велел им не являться во дворец, пока их не призовут.

– Скажи своей матери, что мы требуем у нее приема, – сказал Теодот, а Митр и все остальные рядом закивали.

Я жестом показала им на дворец, подчеркивая, что всем им можно войти свободно, если они того желают. Поговорила со стражниками, сказала, что моя мать выразила желание принять этих посетителей. Обогнала Теодота с Митром и их сопровождение, прошла по коридорам к комнате матери, но их вскоре остановили другие стражники, примчавшиеся отовсюду.

– Пропустите меня, – велела я стражникам.

В комнате мать стояла у окна, Эгист сидел. Они смотрели друг на друга сурово, словно только что прозвучали какие-то трудные слова – или же того и гляди будут произнесены. Оба повернулись ко мне, одновременно злобно и с угрюмым узнаванием.

– Скажи этим людям, чтоб подождали, – проговорила мать. – Приму их, но только двоих.

– Я тебе не посыльная, – сказала я.

Эгист поднялся и воззрился на меня. Это меня напугало, я двинулась к двери. Но, набравшись храбрости, вернулась к матери, встала рядом. Эгист вышел вон, я услышала, как голоса мужчин стали громче. Вскоре они пробились в комнату, во главе – Митр, Теодот – следом. Встали напротив моей матери.

Эгист тихонько пробрался в угол, мать нашла себе место, переместилась на него, как человек, у которого много других важных дел на уме. Устроившись поудобнее, она сосредоточилась на Теодоте.

– Как посмели вы вломиться ко мне в комнату? Вот, значит, до чего все дошло? После всего, что я сделала?

Теодот учтиво улыбнулся. Собрался заговорить, но его перебил Митр.

– После всего, что ты сделала! А что ты сделала? – спросил Митр. Лицо его алело от гнева.

– Я неустанно прилагала усилия, чтобы вернуть мальчиков, – сказала мать. – Когда первые посланные стражи не вернулись, мы отправили других, из наших самых доверенных...

– Это ты похитила мальчиков, – прервал ее Митр. – По твоим приказам это сделали. И своего же сына!

Эгист сердито двинулся на Митра, но его оттолкнули другие мужчины. Мать прижала ладонь ко рту и уставилась прямо перед собой. Когда Теодот попытался заговорить, Митр вновь не дал ему.

– Ты, ты одна убила своего мужа, – сказал Митр, обращаясь к матери лично. – Своей рукой. Своей рукой, ты одна.

Мать вскочила. Кое-кто из пришедших подался к двери и быстро покинул комнату.

– Ты усадила нас ужинать, а его тело уже лежало мертвым, а затем вынудила делать вид, что мы не замечаем твоего удовольствия. Ты заставила нас жить, будто ничего не случилось. Ты запугала нас, чтоб мы помалкивали.

– Довольно! – крикнул Теодот Митру. – Мы явились сказать, что желаем отправить на поиски мальчиков небольшую армию, – продолжил Теодот. – Мы уже некоторое время пытаемся попасть к тебе на прием, чтобы поговорить об этом.

– Ты украли мальчиков, – сказал Митр, показывая на мать. – Это все по твоим приказам, чтобы напугать нас. И лишь твоя рука и больше ничья держала нож, убивший Агамемнона. Не по приказам твоим это сделали. Это сделала ты! Лишь ты одна.

– Мой друг убит горем из-за сына, – сказал Теодот. – Жена у него очень хрупка, ей, возможно, недолго осталось.

– Я убит правдой, – проговорил Митр. – Я сказал правду. Станет ли кто-то отрицать, что я сказал правду? Станешь ли ты – да, ты?

Он посмотрел на Эгиста, тот пожал плечами.

Тогда Митр обратил свое внимание на меня, и я едва не улыбнулась. Известное кухаркам и стражникам в коридорах, но лишь нашептываемое,

впервые отчетливо прозвучало вслух. Теперь, когда правда была сказана, я решила, что могу свободно подойти к матери, стиснуть ей запястья и встряхнуть ее.

Повернувшись к посетителям, все еще стоявшим в комнате, я заметила, что некоторым вроде неловко, у остальных же вид был решительный и бесстрашный, слова Митра и мой жест будто придали им отваги.

А затем я посмотрела на Эгиста. Он опять начал на меня пялиться. Я отошла в сторону, внезапно устранившись. Глянув вновь, я увидела, что взгляд у него сделался жестче, настойчивее. Ни на кого больше не смотрел он, лишь на меня, словно это я открыто и прилюдно обвинила мать в похищении моего брата и убийстве моего отца, будто это со мной предстоит разбираться, когда уйдут эти люди.

– У тебя истерика. Нет мне дела ни до чего из сказанного тобой, – проговорила моя мать, обращаясь к Митру, а затем повернулась к Теодоту. – Никакой армии, ни маленькой, ни крупной, не будет послано без моего приказа.

– Нам надо искать их, – сказал Теодот.

– Мы отправили людей, которые знают эти места, и ждем их возвращения, – отозвалась мать. – Увидимся через несколько дней, когда, вероятно, пыл у всех поутихнет. И может, ты попросишь своего друга забрать назад слова, которые он произнес? Я вижу, что своей ложью он потревожил хрупкий умственный покой моей дочери. Моя дочь не крепка.

Посетители не отступили.

Мать поднялась и возвысила голос.

– Я настаиваю, чтобы вы немедленно покинули нас, а если ты... – она указала на Митра, – ...еще раз приблизишься ко дворцу, я немедля задержу тебя – за распространение злобной, вредоносной лжи.

– Ты убила собственного мужа ножом, – сказал Митр. – Ты обманула его. И собственного сына велела выкрасть. И моего, и всех остальных. Этот человек в углу – твоя марионетка.

Он вновь показал на Эгиста.

– Я позову стражу, и тебя выведут, – произнесла моя мать.

– И дочь свою! – добавил Митр.

– Мою дочь?

– Ты отвела ее на убой.

Мать ринулась к нему и попыталась ударить по лицу, но сдала назад.

– Ты отвела ее на убой! – повторил Митр. – А вон ее... – Он показал на меня. – ...заперла в темнице, как собаку, пока творила свое злое дело – убийство мужа.

Он плюнул на пол, и тут двое других вытащили его из комнаты. Последним уходил Теодот, он обратился к матери и прошептал:

– Может, через несколько дней я бы пришел один? Срам, да и только. Никто из нас и не представлял даже, что он скажет вот такое.

Мать одарила его кривой, преувеличенной улыбкой.

– Думаю, следует отвести твоего друга домой.

Когда все удалились, я заметила, что взгляд Эгиста – по-прежнему на мне. Мать повернулась, словно собиралась что-то сказать, но я вышла вон.

* * *

Позднее, когда уже почти заснула, я ощутила чье-то присутствие в дверях. Знала, кто это. Ожидала его.

– Не заходи ко мне в комнату, – произнесла я. Эгист улыбнулся.

– Ты знаешь, почему я здесь, – сказал он.

– Не заходи ко мне в комнату, – повторила я.

– Твоя мать... – начал он.

– Я не желаю слышать о матери, – прервала его я.

– Ей трудно дается это ожидание, и от этих людей только хуже. Тебе нельзя повторять ей то, что ты сегодня услышала. Она попросила меня довести это до твоего сведения.

– Мне нельзя повторять то, что все слышали? Что было сказано при всех средь бела дня?

– И вот еще что: если твой брат вернется, очень важно, чтобы ты не обсуждала с ним это.

– Когда он вернется?

– Никто не знает, где он. Но вернуться он может в любой миг. И ввести его в дела – задача твоей матери.

– Ввести его в заблуждение, в смысле?

– Я внятно выразился? Тебе нельзя говорить ни о чем, что сегодня было сказано, с твоим братом.

– Он сам выяснит. Кто-нибудь ему доложит.

– К тому времени он привыкнет к роли своей матери – и к моей. Он поймет, что мы заботимся о всеобщих интересах. Все остальное – в прошлом.

– Ты хочешь, чтобы он доверял вам? После всего, что произошло?

– С чего бы ему не доверять нам? – Эгист едва не хохотнул.

– Он будет доверять тебе, уж конечно, – как все мы тут.

– Если я обнаружу, что ты пошла наперекор матери, увидишь меня с другой стороны – с какой, возможно, еще не видела. Под темницами есть

еще один этаж.

Он показал пальцем вниз, словно я не знаю, где находится темница.

– И твоя мать, как я уже сказал, попросила меня подчеркнуть, что она не желает никаких разговоров об этом, нигде, даже если вы останетесь наедине. С нее хватит.

Опровергать слова Митра он не удосужился. Более того, его требование не повторять сказанное даже при матери сдвинуло это сказанное в область неуютного, неловкого факта, чего-то такого, что может нарушить покой, который моя мать делано ощущала.

Она убила моего отца и бросила труп гнить на солнце. Она отправила меня и моего брата во тьму. Она подстроила похищение других детей. Но захотела все это отставить в сторонку, как можно отставить блюдо с неаппетитными объедками.

Хотелось пойти к ней в комнату и заставить ее выслушать меня, а я бы еще раз сказала ей, что она сделала с моим братом и со мной, чтобы мы не стали свидетелями того, как она, без всякого позволения богов, ни с кем из старейшин не посоветовавшись, решила, что мой отец должен сгинуть. Я желала удостовериться, что она меня слушает, когда я повторю сказанное Митром, чтобы сами боги услышали: она одна держала нож, убивший моего отца.

Я восстановила в памяти, как она вернулась с жертвоприношения моей сестры. Вспомнила ее молчанки и ярости, ее суетливые, переменчивые настроения, ее капризы, горестную бессловесность, ее высокомерие.

Теперь же о том, кто она, было сказано открыто. Она – женщина, преисполненная коварным голодом к убийству.

Когда она встречала моего отца, Эгист был во дворце, и это – начало долгого спектакля, спектакля, начавшегося с улыбок, а завершившегося воплями.

Разве не понимала она, что слуги знали о ее деянии, что слуги видели, как она ушла от окровавленного тела моего отца, в глазах – удовлетворение, и что весть о ее поступке распространится, как огонь в сухую ветреную пору?

Но они с Эгистом весь день отыгрывали этот вымысел. Если запретить нам напоминать о том, что они натворили, они смогли бы жить в мире собственного изобретения. Им хотелось молчания, чтобы продолжать играть свои роли невинных, поскольку никаких других ролей они взять на себя не могли – без того чтобы не наброситься друг на дружку или на всех нас. Роль убийцы и похитительницы была для моей матери, я это видела, отчего-то недостижимой. Для нее это просто нечто, произошедшее всего

раз. Оно в прошлом, и о нем не следует заикаться. А роль марионетки и подельника убийцы – не та роль, которую Эгист с легкостью сыграл бы, не всталкав большей драмы, большей крови, большей дикости.

Эгист стоял неподвижно, смотрел на меня, вся его зловерность – напоказ, и я видела, что мне грозит опасность, если я не соглашусь быть хрупкой дочерью, милой дурочкой, которая навещает могилу отца и беседует с его духом, свидетельницей, которая едва помнит услышанное.

Я приобщусь к их игре невинности, насколько потребуется. Я поддержу мать в ее роли той, что познала горе, а теперь сделалась едва ли не глупенькой, рассеянной, безобидной. Мы вместе станем играть наши роли, даже если вернется мой брат.

– Мы будем наблюдать за тобой, – произнес Эгист. – И если явится твой брат, мы будем наблюдать за тобой еще пристальней. Когда б ни пожелала ты навестить этаж ниже темницы, лишь дай мне знать. Он – для тебя. И лучше всего, если дорога тебе твоя безопасность, не выходи за пределы дворцовых владений. Нам желательно знать, где ты.

Когда он убрался, я сказала себе, что, когда придет время, я устрою убийство матери. И при первой же возможности – убийство Эгиста. Попрошу богов встать на мою сторону, пока я замышляю, как всего этого достичь.

* * *

Через несколько дней после встречи матери с Митром и Теодотом, когда я провожала отца обратно к могиле и была с ним, пока дух его не упокоился, меня остановил в коридоре стражник.

– У меня для тебя послание, – сказал он. – От Кобона, сына Теодота. Он просит тебя зайти к ним домой. Говорит, что это срочно. Сам он сюда явиться не может. Боятся. Они все боятся. Не произноси ни слова о том, что я с тобой разговаривал.

– Мне запрещено покидать дворец и его владения, – сказала я.

– Он не попросил бы, если бы это не было важно. Поначалу я решила, что пойти не смогу, и раздумывала, уж не ловушка ли это, подстроенная Эгистом. Колебалась, не отправиться ли мне через боковую дверь, как хожу на могилу к отцу, или не двинуться ли отважно по парадной лестнице, осознавая, что за мной смотрит стража и Эгиста быстро предупредят о моем уходе. Колебалась между бесшабашной отвагой, когда готова была пренебречь Эгистом, и пугающим знанием, что повторно я темницу не вынесу. Решила идти боковой дверью.

На могиле отца проверила, что за мной никто не следит. Тихонько

проскользнула между надгробиями и нашла старую тропу, заросшую, вдоль пересохшего ручья, вдоль которого люди когда-то несли хоронить покойников. Мало кто теперь ходит этой тропой. Никому неохота бывать в этих призрачных местах.

Вот что я заметила, минуя дома, где, как мне было известно, жили целые семьи: там царила закрытая ставнями тишина. Я быстро поняла, перебегая от окна к окну, что не стоило мне выходить, совсем. Не сомневалась, что меня уже увидели. Добравшись к дому Теодота, я знала наверняка, что кто-нибудь уже сходил во дворец и, чтобы втереться в доверие, доложил Эгисту о моих перемещениях.

Даже в доме Теодота ставни были заперты. Я обошла здание сбоку и постучала в окно. Наконец услышала, как кто-то шепчется. Ждала и слышала, как по дому ходят, как отодвигается засов, различила чьи-то шаги. Мне шепнули, чтоб шла следом в дальнюю комнату, почти полностью темную.

Глаза привыкли к темноте, и я увидела, что в комнате – вся семья: жена Теодота Дакия, родители Раисы, ее сестра и муж сестры, их дети, пятеро или шестеро, сбились вокруг отца с матерью, а еще дочь Раисы и Кобона Ианта. Она смотрела на меня из угла, руки стиснуты в кулаки, прижаты ко рту. Я не видела ее с тех пор, как она была ребенком, теперь же Ианта стала почти женщиной.

– Что случилось? – спросила я.

Никто не заговорил, кто-то из детей заплакал.

– Где Теодот?

– Поэтому мы и позвали тебя повидаться, – проговорил Кобон. – Думали, ты знаешь.

– Я ничего не знаю.

– Те же люди, что забрали Леандра, те же люди – они пришли и забрали ночью моего свекра, – сказала Раиса.

– Они в этот раз не разговаривали, – сказала Ианта и расплакалась, – но в тот раз, когда пришли за братом, сказали, что это по приказу твоей матери.

– Я – не моя мать, – проговорила я и тут же заметила, до чего осуждающие у них взгляды. Попыталась подумать, что бы такого сказать для полной ясности: я не в силах им помочь. Однако в этих раздумьях я слишком долго длила тишину. Позволила обвиняющим взглядам на мне оставить некую отметину.

– Можешь спросить у нее? – осторожно произнес Кобон. – Можешь спросить у матери?

Я понимала, что, объясни я им, как живу и до чего далека от матери и Эгиста, получится неубедительно. Эти люди искали помощи для себя, им ни к чему знать о том, как страшно мне самой.

– У меня нет власти, – сказала я. – Я лишь...

– Это еще не всё, – перебила меня Раиса.

Подумала, уж не забрали ли из их семьи еще кого-то. Скользила взглядом по лицам в полутьме и не до конца понимала, кого еще не хватает.

– Что? – спросила я. – Говорите.

– Митр, – сказал Кобон.

– Его тоже забрали?

– Мы не знаем.

– Он не у себя дома?

– Нет больше дома, – тихо произнесла Раиса. – Я тебя отведу, покажу, где был его дом.

– Тебе небезопасно выходить, – сказал ей отец.

– Они забрали у меня сына, забрали мужнина отца, – отозвалась Раиса. – Если и я им нужна, пусть берут.

Раиса поманила меня за собой, и им не пришло в голову, что и мне снаружи может быть небезопасно. Я заметила, до чего дерзко и гордо держится Раиса вне дома. Как женщина, которая просится, чтобы ее взяли под стражу, как женщина, готовая пожертвовать собой. Я шла рядом с ней медленно и осторожно.

Мы добрались до того места, где был дом Митра, – там теперь не было ничего. Деревья, хлам – и всё. Ни следа того, что здесь когда-то стоял большой дом с садом и оливковыми деревьями вокруг.

– Два дня назад здесь был дом, – произнесла Раиса громко. – В доме жила семья. Все, кто проходил мимо, знал, что это дом Митра. А теперь ничего. Эти деревья посадили ночью. Вчера их тут не было. Привезли откуда-то. Дом разрушили, развалины увезли. Фундамент прикрыли. Где люди? Где семья Митра? Где слуги Митра? Кто-то попытался устроить так, будто здесь никогда не жили. Но жили же. Я их помню. И буду помнить, пока дышу.

Уже начали собираться люди, они слушали. Раиса повернулась ко мне. Сказала, что пусть я буду свидетелем. Я поняла, что надо убираться, но не хотела, чтобы она сочла, будто я в сговоре с матерью и Эгистом. Стояла словно бы отдельно. Взгляд уставился в пустоту, где раньше был дом. Голову не склоняла. Лицом к лицу с Раисой я ощутила, что крепну благодаря ей – достаточно крепну, чтобы захотеть намекнуть ей: я с ней

заодно. Но решила, что никто в этой толпе не донесет ни Эгисту, ни моей матери никакие произнесенные здесь мои слова.

Мне хотелось одного: чтобы Раиса вернулась домой; вернуться бы домой и мне.

– Где мой сын? – закричала Раиса в толпу. – Где отец моего мужа? Где Митр и его семья?

Тут она посмотрела на меня.

– Ты спросишь у своей матери, где они?

Она бросала мне вызов, ждала ответа. Если отвернусь молча, понимала я, – покажусь сообщницей матери и ее любовника. Если же останусь при своих, придется отвечать.

Я обратилась к духу отца и мертвому телу сестры. Призвала богов горних. Попросила их заставить эту женщину замолчать, сделать так, чтобы она отстала от меня.

Я глядела на Раису, и моя нерешительность, похоже, вывела ее из себя. Я попыталась намекнуть, что, уж раз какие-то люди смогли прийти ночью и сделать так, что исчез дом, если они смогли забрать двоих самых могущественных старейшин, едва ли не глупо просить о помощи меня.

Но также я хотела подчеркнуть, что владею силой, происходящей из загробного мира и от богов, силой, которую не так-то легко назвать или устранить. Я хотела, чтобы Раиса знала: несмотря на свою слабость, когда-нибудь в будущем я возьму верх.

– Сейчас я бессильна, – сказала я. – Но время придет. Время придет.

Раиса повернулась и гордо пошла к своему дому, к своей семье. И лишь когда она достаточно удалилась, я увидела, что тело ее сдалось, услышала надломленный плач.

Я наполнила легкие и не сдвинулась с места, вынудила собравшихся разбрестись. Решила, что вернусь открыто. Пока шла, не смотрела ни на кого из встречных, но, дойдя до дворца, увидела Эгиста, он ждал меня. Улыбался. Та же фигура чистого обаяния, какая очаровала мать годы тому назад. Он подался вперед, будто желая помочь мне, когда я оказалась у лестницы. Я позволила ему проводить меня, заблудшую дочь своей матери, во дворец, далее по коридорам и ко мне в комнату.

* * *

В последующие годы я было оставила надежду когда-нибудь увидеть брата и осознала, что, как незамужняя женщина, я бессильна – и такой останусь. Ничего не было у меня, кроме моих призраков и воспоминаний. Даже моя настойчивая воля не значит ничего, ни к чему не приведет.

Я наблюдала за людьми, садившимися за стол с моей матерью, – за теми, кого она выбрала из отцовых солдат, чтоб защищали места, которые отец завоевал. Иногда они являлись посоветоваться с ней и задерживались на целые недели.

В вечера, когда для них устраивали пиры в трапезной, я замечала у гостей головокружительную бдительность: любой осознал, что снаружи этого дворца лежало когда-то нагое тело моего отца, а рядом – облаченный в красное труп красивой женщины, которую он привез с войны.

Гостей принимала теперь женщина, которая его убила, и сделала она это, как известно, без всякого разрешения богов. Это придавало матери странную зловещую силу. Благодаря ей мать персон светилась в наступавшей темноте. Она царила в трапезной, однако никто, казалось, не тревожился – напротив, все были взбудоражены, разгорячены, говорливы. Смерть и ее острота наполняли их удовлетворением, какое длилось вплоть до исхода вечера.

Я поначалу сочла, что время и обстоятельства подтолкнут любого из этих людей осознать, сколько власти попало бы им в руки, если бы я стала ему женой – при мертвой-то сестре и исчезнувшем брате.

Приказала портнихам перебрать одеяния сестры Ифигении, все они – изысканнее моих, поскольку сестра была любимицей, – посмотреть, что там осталось после стольких лет. Мы отобрали кое-какие хламиды и туники, которые можно было переделать под менее красивую сестру.

Сперва я не носила то, что они для меня сшили, ни на какие ужины, однако часто мерила их и надевала наедине с собой.

Посещая ужины, я воображала себя в сестриных одеяниях, волосы тщательно уложены, лицо набелено, вокруг глаз – черные линии. Воображала, каково это – быть замеченной, производить впечатление.

Когда надену эти новые наряды, буду помалкивать, говорила я себе. Буду улыбаться, но не чересчур, буду казаться довольной, словно располагаю неким внутренним светом.

Наблюдала за посетителями и грезилась о том, как легко одному из них остаться здесь с нами, как мы с ним тайком сговорились бы. Воображала, до чего неуютно станет матери и Эгисту, если я найду себе мужа.

У нас будут полностью преданные нам стражники и только наши источники сокровищ. Мы выгадаем время – или же станем действовать быстро, как сочтем нужным. Мы совершим то, что в одиночку мне не под силу.

Я выберу вечер. Решу, какой лучше: маленький ужин, устроенный матерью, или событие покрупнее, может, празднование какой-нибудь

новой победы, нового набора трофеев.

Когда пришли вести, что где-то на удаленной окраине бунт и повстанцы держатся не одну неделю, творят убийство и беспорядки, угробили жену старого союзника моего отца и подняли на мечи его детей, мы вскоре узнали, что сам этот воин, Динос, и маленький отряд его солдат пережили первую резню, наконец одолели бунтарей и мир был восстановлен. Совершилось множество казней.

Мысль о том, что Динос, столь многое потерявший, остался полностью верен матери, породила в ней великую радость. Она отправила ему в помощь хорошо вооруженные силы, а также много личных подарков. Его отцу, жившему рядом с дворцом, она пожаловала землю. А еще отправила на замену Диносу одного из ближайших союзников Эгиста, если Динос пожелает вернуться, повидать отца и получить достославный прием. Мать частенько заговаривала о его храбрости, о том, какой он красавец и как она им восхищается.

Меня озарило, что такой супруг освободит меня. Он будет могучим и сметливым, чтобы выстоять против матери и Эгиста, и, раз новости о его подвигах разлетелись повсюду, его имя будет у всех на устах. Пожелает жениться вновь – ему не возразят. А реши он жениться на дочери Агамемнона, вместе с которым служил, это будет выглядеть естественно, едва ли не как должное.

Поначалу мы будем осторожны, думала я. Поначалу, может, он станет давать советы матери и Эгисту. Но постепенно увидит, до чего они оба ядовиты, как сильно смердит от них кровью, увидит необходимость отправить и мать, и ее любовника туда, откуда они уже не смогут больше вредить.

Начались приготовления к прибытию Диноса. Договорились, что на улицах в его честь будет устроено большое зрелище, а следом – пир.

Для этого я решила, что велю портнихе сшить для меня великолепное платье, похожее по силуэту и на ощупь на то, какое некогда носила моя сестра. Каждый день ко мне приходила служанка и заново укладывала мне волосы, другая же приносила притирания и сладкую воду – смягчать кожу. Через несколько недель, когда платье было готово, портниха, ее помощницы и прочие служанки пришли ко мне поглядеть, пока я собиралась.

Оставшись наедине с дүхами отца и сестры, я надела платье и убрала волосы вверх, чтобы мое лицо было отчетливо видно. Горделиво прохаживаясь по комнате, я ощущала себя под их опекой. Я желала их одобрения до пира в честь Диноса.

Динос был во дворце за несколько дней до зрелища и пира. Его приняли мать с Эгистом, они устроили, как мне сказали, торжественную встречу, где обсуждали снабжение войск и прочую поддержку, необходимую ему, чтобы никаких новых восстаний не возникало. Был и уединенный ужин для него и его отца, на котором, как меня уведомили слуги, он выразил безутешность из-за утраты жены и детей. Но не плакал. Постоянно держался отстраненно, как командующий. Красив, как доложила мне служанка, – едва ли не самый красивый мужчина из всех, каких ей доводилось встречать.

Поскольку мать я в те дни не видела, она передала мне через служанку, что ей будет не очень приятно, если я не явлюсь на пир, хотя по причинам безопасности лучше бы не выходить на улицу до представления.

Я вообразила, как вхожу в обширную трапезную, когда все уже там. Видела, как распахиваются двери, слышала тишину, несколько мгновений, когда никто не разговаривает и легко привлечь внимание к дверям. Видела, как отец Диноса направляется ко мне, расчищает мне путь, пока мы с ним идем к главному столу. И тут, воображала я, Динос поворачивается ко мне.

Служанки возились с моими прической и кожей все время после обеда. Платье забрали на одно последнее исправление, вернули. За час до сбора гостей я была готова. Когда вокруг моих глаз нанесли линии, я велела портнихе и служанкам покинуть меня: мне надо сосредоточиться. Одну

служанку, впрочем, я попросила оставаться рядом с моей комнатой, чтобы она сообщила мне, когда соберутся гости.

Постепенно я призвала дух сестры. Коснулась лица, словно это ее лицо. Зашептала отцу. Когда служанка оповестила меня, я была готова. Прошла одна по коридору до трапезной. Отступила, служанка открыла двери, и я вошла в зал, ни на кого напрямую не глядя, но начеку, чтобы перехватить любой взгляд, устремленный на меня.

Первым я услышала голос матери. Она рассказывала о том, как, когда до нее дошли вести о восстании, она тут же воззвала к богам, а затем по совету богов отправила своих самых доверенных солдат помочь Диносу подавить восстание быстро и действенно. Она говорила о богах походя, едва ли не пренебрежительно, и это, подумала я, могли заметить все.

И тут она увидела меня. Я все еще стояла в дверях. На один миг, вскинув взгляд, я посмотрела ей в глаза. Она умолкла.

– О нет, – сказала громче прежнего. – Всю неделю мне говорили, что Электра что-то замышляет, но такого я предвидеть не могла.

Она растолкала гостей, устремляясь ко мне, но между нами все еще оставалось расстояние – достаточное, чтобы она вынуждена была мне кричать.

– И кто за это ответит? – спросила она.

Я поглядела на тех, кто смотрел на меня. Рядом – никого. Двери у меня за спиной закрылись.

– Ох, иди, сядь уже, – сказала она, – пока не слишком многие тебя увидели. Эгист, отведи Электру за стол и составь ей компанию. Или найди кого-нибудь вместо себя.

Эгист пошептал кому-то из своих, тот проводил меня за стол. Я села между ним и кем-то из его друзей, те празднично переговаривались, я отворачивалась или смотрела строго перед собой. Несколько раз устремляла взгляд на Диноса, но он не замечал моего присутствия. Подали многие блюда, произнесли утонченные речи. Вино текло рекой. Для многих гостей, казалось, память об убийстве моего отца поблекла. Но не для меня. Я наблюдала за беседой матери с Диносом, видела, как блестели у матери глаза, когда она рассказывала ему какую-то байку, я смотрела, как она, слушая его, излучает все свое обаяние, и думала об отце, пока тот не стал осязаемее, не присутствовал в этом зале яростнее, чем все эти люди, замороженные моей матерью, ее любовником и их властью.

В конце вечера я ухитрилась уйти, пока расходились остальные. Никто не заметил меня, и я добралась к себе в комнату.

Хотела я лишь одного: знака от отца и сестры, что мой брат все еще

жив и вернется. Но я ждала времени спросить, ждала, пока не убедилась, пока не удостоверилась, что, произнеся его имя, не сотрясу воздух попусту.

Однажды я его прошептала. Произнесла это имя. Поначалу – тишина. Дальше я попросила подать мне знак, жив ли он. Встала у двери, чтобы меня точно не потревожили.

Но ничего, никаких знаков.

Позднее я вновь сходила на могилу к отцу. Не сомневалась, что дух сестры все еще со мной. Воздух был грозовой, свет – лиловый. Я ждала у могилы и пыталась приблизиться к духу отца так, как никогда прежде. И вот тогда-то, когда тяжелыми каплями пал дождь, я поняла, что произойдет.

Орест жив. Тогда я это поняла. Но он где-то в другом месте, в доме, где ему безопасно, где он защищен. До его возвращения пройдет время. Но увижу я его здесь, на могиле.

Он придет, было мне сказано, и придет вовремя. Мне нужно лишь ждать.

Орест

Камни, старательно отобранные, чтобы защищаться от собак из дома в долине, были тяжелы и не давали ускорить ход. Орест с Леандром двинулись в путь ранним утром. Они шагали, и Леандр, рассуждая о стратегии и тактике, так преисполнился пылом, что Орест понял: так он отвлекал их обоих от мыслей о Митре и старухе, о доме, который, что бы ни случилось, они, наверное, больше не увидят.

Приблизившись к месту, где их когда-то окружили собаки, Леандр с Орестом пошли еще осторожнее. Вскоре Леандр через каждые несколько шагов прикладывал палец к губам и знаками показывал, что нужно остановиться и прислушаться. Но доносились лишь прерывистая птичья трель и далекий рев волн, бившихся о скалы.

Достигнув дома, они увидели, что он необитаем, едва ли не в запустении. Замерли, глядя перед собой, а затем – по сторонам. Настороженно прошли по заросшей тропе к двери, Орест пытался услышать собак или коз, но – ничего. Дверь полусгнила и шатко закачалась на петлях, когда он ее толкнул.

Орест восстановил в памяти сцену: человек, его жена, псы, козы, общий дух сельской благодати, которому он и его спутники вроде как угрожали. Задумался, чем здесь все закончилось, испугались ли тот человек с женой чего-то или же приняли неспешное осмысленное решение уйти.

Поскольку они предполагали, что на них нападут, что селянин спустит на них псов, как только заметит, и поскольку пришли они напряженные и чрезвычайно бдительные, пустота, которую Леандр с Орестом обнаружили, обернулась едва ли не разочарованием. На миг, перехватив взгляд Леандра, Орест почувствовал, что его спутник, ничего здесь не найдя, тоже огорчился.

Леандр поманил Ореста, дал понять, что им надо идти дальше. Сказал, что один мешок с камнями лучше бросить, но второй нести дальше – на случай, если на них по пути нападут какие-нибудь другие собаки.

Они двинулись к утреннему солнцу. Странно было вот что: никаких признаков жизни вокруг, вообще, если не считать лис в подлесках, кроликов и зайцев, бросавшихся в испуге наутек, треска сверчков и пения птиц. Дома, мимо которых они шли, либо были сожжены дотла, либо в руинах.

Орест не возразил бы, предложи Леандр вернуться в дом старухи,

скажи он, что их странствие было полезной проверкой местности. Но Леандр, похоже, твердо вознамерился двигаться дальше.

* * *

– Безопаснее всего здесь лезть наверх, – сказал Леандр. – Вскоре, если будем держаться этих троп, с кем-нибудь столкнемся. В горах точно есть ручьи. Если беречь еду, какая у нас есть, еще на два-три дня хватит.

– Далеко ли до дворца? – спросил Орест.

– Трудно сказать. Но, я уверен, так идти лучше всего. Направление я понимаю по солнцу.

Орест кивнул. Он чувствовал, что время, которое они провели в доме у старухи, уже значило для Леандра мало что. Они там попросту были вместе. Сейчас он полностью сосредоточился на пути – и на том, чтобы путь этот оставался для них безопасным.

Они карабкались, а затем, найдя куропачыи яйца и дикие плоды, несколько часов отдыхали, после чего вновь пошли. Леандр время от времени поглядывал на небо, но часто казался неуверенным, куда держать путь. Ни одна тропа в горах не была прямой, и потому двигаться вперед в одном заданном направлении получалось с трудом.

Дворец – на равнине. Сколько бы ни взбирались и ни спускались они, до дворца все равно придется два или, может, даже три дня шагать по плоской безлюдной глухомани. Если им удастся найти жилое место, думал Орест, они смогут назваться и предложить некую награду любому, кто проводит до конца их дороги, – но их могут и вновь похитить.

Скалистый пейзаж сменился мягкими холмами, и Леандр, устроив ловушку, сумел поймать и убить кролика. У них с собой было чем развести огонь, и Леандру с некоторым трудом это удалось. И хотя оба проголодались, есть это мясо оказалось непросто, оно пригорело снаружи, а внутри осталось почти сырым.

Вновь подавшись в путь, они набрели на стадо овец и некоторое время стояли и слушали.

– Мы, возможно, гораздо ближе, чем нам казалось, – проговорил Леандр. – Или потратили целый день, двигаясь не в ту сторону. Придется идти вдоль долины.

Раз им попались овцы, Орест счел, что вскоре появится и деревня или поселение из нескольких домов, но пейзаж казался все более голым и безлюдным, свистел ветер, задувал в глаза песок.

– Мы приближаемся к морю? – спросил Орест.

– Не знаю, но по крайней мере мы в безопасности. Главное – быть

начеку. За нами могут наблюдать, вот прямо сейчас.

Орест огляделся, осознавая, до чего они на виду и как легко при таких блеклых цветах и скупом свете кому угодно, даже целой ватаге людей, незримо следить и выжидать.

Им оставалось лишь идти дальше. Орест и не ждал от Леандра пояснения, что, как только дорога пойдет под горку, им придется найти укрытие, где ветер потише.

Когда ветер перестал свистеть, его сменил туман, явившийся поначалу вихрями и клубами. Солнце то прожигало дымку насквозь, и можно было всмотреться вдаль, но временами туман густел и обертывал их плотной пеленой, и тогда Оресту с Леандром приходилось держаться поближе друг к другу.

Пробираясь вперед, Орест бросил думать о голоде или жажде, бросил даже ощущать усталость. Он чувствовал тепло Леандрова плеча, когда клал на него руку, и силу его воли, и это ободряло Ореста.

Позднее, когда туман рассеялся, они увидели узкую грядку, которую поперек перерезал стремительный ручей. Они уселись на берегу, зачерпнули пригоршни воды, напились.

– Я знаю, где мы, – сказал Леандр. – В полудне пути тут есть деревня. Я здесь бывал разок, с дядьями и двоюродными. Охотились. Из той деревни родом семья моей матери. Если доберемся туда – мы вне угрозы. Там дом, где живут ее братья. Но придется осторожничать: по пути попадутся другие дома, и я не знаю, кто там живет.

Орест уловил, как крепнет в Леандре уверенность. Теперь он двигался быстро и, казалось, еще сильнее замкнулся в своем мире. Будто уже прибыл в точку назначения. Все дома, которые они миновали, стояли пустые, и даже когда искали в них еду, ничего не нашли. Дома эти никто не рушил, но смотрелись они так, словно их бросили уже давно.

– Леандр, – проговорил Орест.

– Что?

– Разумно ли это – мне идти с тобой?

– А что?

– Из-за моих отца или матери.

– Думаю, лучше всего не говорить, кто ты такой. Скажем, что ты просто один из похищенных ребят.

Орест понимал, что Леандр уже это успел обдумать.

Оказавшись у дома материной семьи, Леандр выкрикнул свое имя. Люди, постепенно выбираясь наружу, бежали к нему, обнимали, повторяли его имя, а одна женщина, расплакавшись, заявила, что у Леандра голос

деда и она бы узнала его в любом случае.

Орест стоял в сторонке, пока его наконец не заметили. По имени не представили, но в дом пригласили почти так же тепло, как Леандра. Все новые и новые родственники устремлялись поприветствовать Леандра, и Орест видел, с каким достоинством тот держится.

За те день и ночь, что они провели в доме, семья почти не разговаривала с Орестом. Ему стало ясно, что Леандр наказал им не очень-то распространяться в присутствии его спутника.

Отправляясь в выделенную ему комнату, Орест предполагал, что Леандр к нему присоединится. Но тот не стал. Он вошел в комнату утром – разбудить Ореста и объявить ему, что они дождутся темноты и тогда пойдут: луна окрепла, и лучше им перемещаться при ее свете.

С ними пошли двое дядьев Леандра, довели до развилки. Когда Леандр с Орестом остались одни, Орест отважился спросить у Леандра, разузнал ли он, что происходило, пока их не было.

– Все плохо, – ответил Леандр.

– Где?

– У меня дома, – сказал Леандр. Дальше не пояснил. – Сначала необходимо идти ко мне домой, – произнес он наконец.

– Почему?

– Такой совет мне дали. На сей раз я скажу, кто ты такой.

– Моя мать еще жива? – спросил Орест.

– Да.

– Электра?

– Да.

– Во дворце?

– Да.

Некоторое время они не разговаривали. Леандр шел рядом, рука к руке, то лоя ладонь Ореста, то приобнимая его и замедляя шаг, пробираясь в ночи. Ореста это обнадеживало, однако он понимал, что, возможно, так Леандр дает ему понять, что пока-то они вместе, но скоро будут врозь, и то, что между ними происходило в доме у старухи, больше не повторится.

Надвинулся рассвет, и Орест приметил в Леандре легкость, когда тот увлеченно осматривался, замирал, чтобы разглядеть даже самую незначительную мелочь. Орест не желал разрушить чары, спросив Леандра, долго ли Оресту быть в их доме. Не обсуждали они, и что делать с родственниками Митра: обнаружив, что Леандр вернулся, они наверняка придут спрашивать о сыне.

Шли мимо узнаваемых домов. Псы лаяли им вслед, но Орест не

ощущал опасности. Вскоре обнаружил, что прошел то место, где мог бы свернуть к дворцу, но молча двигался за Леандром к его дому.

Возле дома Леандр щелкнул пальцами и свистнул, и собака из принадлежавших его семье подошла поближе. Леандр пошептал ей, погладил по голове, и собака принялась тереться и вилять хвостом. Леандр опустился на колени и прижался лицом к морде пса. Со всей сворой по пятам они обошли дом с тыла.

Очевидно, что все были внутри, еще спали. Орест ждал, когда Леандр выкликнет имя отца, или матери, или деда, или сестры. Леандр же попробовал открыть двери, но все было заперто. Они молча уселись на крыльце, прислушиваясь, пока служанка, собравшаяся по воду, не открыла дверь и не увидела их. Перепугавшись, она выронила емкость и убежала внутрь, Леандр – за ней. Перехватив ее, он приложил ладонь ей ко рту и держал ее за запястье, объясняя вполголоса, кто он такой. Орест стоял рядом; Леандр говорил заполошной служанке, что не хочет будить семью вестями о своем прибытии. Нужны еда и питье, на столе, для него самого и для Ореста, как будто это обычное утро и он никогда никуда не девался.

Служанка, ставя на стол яйца, вяленое мясо, хлеб, сыр и оливки, похоже, тревожилась и сомневалась. Обнаружив кувшин и выйдя наружу за водой, она настороженно оглядывалась, а вернувшись, встала подальше от гостей.

Первой в комнату вошла мать Леандра. Завидев их, она закричала и побежала по коридору к спальням. Леандр двинулся за ней, и Орест услышал, как мать Леандра сзывает семью, поторапливает их, чтобы вставали скорее и собирались в комнату, которую можно запереть.

– Они вернулись, – вопила она. – Те люди вернулись.

Леандр быстро зашагал по коридору, выкликая свое имя, крича, что он возвратился. Но никакие его слова не утишали криков из комнат. Чуть погодя он вернулся в кухню и заговорил со служанкой.

– Можешь сказать им, что я Леандр и я вернулся?

– Они мне не поверят, – отозвалась она.

– Можешь отрезать локон моих волос и показать матери? – попросил он.

– У тебя волосы изменились, – сказала она. – Ты сам изменился. Я тебя не узнала.

– Попробуй их убедить.

– Они боятся – с тех пор как забрали старика. Леандр мрачно глянул на Ореста. Поскольку удивления он не выказал, это ему явно сообщили в доме материнных родственников.

Леандр встал у кухонной двери.

– Я Леандр! – заорал он. – Меня похитили, я сбежал и теперь вернулся. Прошу вас, выходите. Я за столом. Я Леандр.

Вернулся, сел.

– Давай просто поедим, – сказал он Оресту. – Кому-то из них придется выйти.

Орест поразмыслил, как бы ему улизнуть. Он отдавал себе отчет, что Леандр его почти не замечает. Их прибытие, которое, как Орест видел сам, Леандр тщательно продумал, не сработало так, как он предвидел. Они ели, за ними по-прежнему встревоженно следила служанка, никто не заходил. В конце концов Леандр вновь встал, выбрался наружу и принялся кликать семью в окна, выкрикивать свое имя и повторять, что он вернулся.

Первой показалась молодая женщина. Она встала у входа в кухню, молча вперилась в обоих гостей. На ней все еще была ночная сорочка. Орест видел, какая она высокая, как черны ее волосы, как темны глаза. Когда Леандр встал со стула и двинулся к ней обняться, она отшатнулась, шагнула назад.

– Мы хотим, чтобы ты ушел, – сказала она. – Хватит нам страданий. Кого еще вы хотите забрать?

– Ианта, – тихонько сказал Леандр. – Ты моя сестра. Что мне сделать, чтобы ты поверила: я Леандр.

Она гортанно вскрикнула и убежала по коридору. Вскоре они начали появляться по двое, по трое, замирали у входа в кухню, Кобон, Раиса, родители Раисы, мать Кобона Дакия и еще одна пара с детьми – видимо, решил Орест, родственники Раисы.

Раиса первой вошла в кухню и прикоснулась к Леандру.

– Кто это? – спросила она, показывая на Ореста.

– Орест, – ответил Леандр.

– Что он здесь делает? – спросила она.

– Он сбежал со мной.

– А Митр?

– Нам нужно сходить и сообщить его семье, что он умер, – сказал Леандр.

Раиса исторгла вопль, едва ли не похожий на смех. – Некуда ходить. Их всех либо убили, либо забрали.

– Кого – всех?

– Всю семью Митра.

– Когда?

– Когда твоего деда убили или забрали.

– Я этого не знал, – сказал Леандр; все смотрели на него. – Мне в деревне не сказали.

Ианта медленно приблизилась. Принялась ощупывать лицо Леандра, плечи, спину и грудь. Но остальные по-прежнему держались у входа в кухню.

– Мы думали, ты погиб, – сказала Ианта. – Нам нужно время, чтобы привыкнуть к тебе живому.

– За вами следили? – спросил Кобон, входя в кухню.

– Нет, – ответил Леандр.

– Уверен?

– Да.

– Зачем он пришел сюда с тобой? – спросил отец Леандра, показывая на Ореста.

– В деревне мне сказали, что так безопаснее, – ответил Леандр.

– Может, это разумно, – сказал Кобон. – Пусть побудет, чтобы они не узнали, что ты вернулся.

– Кто не узнал? – спросил Орест.

– Твоя мать и Эгист, – сказал Кобон. Ненависть у него в голосе была осязаемой.

* * *

Леандр с Орестом располагали набором отсылок – почти их личным языком: в доме у старухи разговоры о погоде, еде или скотине развились в некую милую пикировку, с многочисленными взаимными замечаниями о слабостях и немощах друг друга. Теперь, при семье, им приходилось ограничивать себя: нужно было стараться не очень-то болтать, поскольку их беседы друг с другом тревожили остальных.

Орест заметил, что все в доме настороже. Кобон каждый день ходил проследить за припасами или на базар, но возвращался насупленный и понурый. Стало ясно, что единственные новости, достойные передачи, – новости о том, где его отец, но, поскольку Кобон не заговаривал, считалось, что ни в переулках, ни на базаре он ничего не выяснил.

Ианта, в отличие от всех, казалось, понимает или отдает должное тому, как Орест с Леандром разговаривают, но выказывала это, лишь когда была с ними наедине. Остальное время она вместе с семьей безмолвно не одобряла то, как эти новенькие разговаривают и перешучиваются.

Несколько раз за первый день они попытались рассказать о своем побеге и о доме старухи, но эти попытки наталкивались на недоумение и отстраненность. Родственники все время только и делали, что обнимали

Леандра и рассказывали ему о том утре, когда его похитили. Но никто не желал знать ни в каких подробностях, где он был и что с ним происходило. Он был где-то далеко – и хватит этого.

Орест вскоре заметил, что мужчины в доме перешептываются, и в свой кружок Леандра они включали, а Ореста – нет.

Поскольку отец матери Леандра не умел разговаривать тихо, Орест подслушал, что Леандру нужно вернуться в деревню к родственникам матери и пуститься с ними на поиски одного из материных братьев, сражавшихся в войне за Агамемнона, вернувшегося с победой, но его увели вместе с пойманными рабами.

Они там готовы к восстанию, услышал Орест от старика, их тюремщики обленились, утратили бдительность и уже не так хорошо вооружены, как прежде. Захватчиков сбросить будет непросто, сказал старик, но лучшего времени может и не представиться. Леандру лучше поторопиться.

* * *

Неспешно и, казалось, сознательно семья нашла способ втянуть Леандра в свои разговоры и пресечь тот сокровенный способ общаться, какой был у Леандра с Орестом. Им удавалось не обращать на Ореста внимания. Когда Леандр это заметил, ему стало неуютно, однако любые его усилия включить Ореста в жизнь дома провалились.

Когда Орест сказал ему наконец, что желает вернуться домой, Леандр не удивился.

– Твоя сестра каждый вечер ходит на кладбище, – сказал Леандр.

– Ты ее видел?

– Мои мать с сестрой видели.

– Если туда пойти, ее там можно застать?

– Выйдешь из этого дома – тебя заметят. Захотят вернуть во дворец.

– Есть ли что-то, о чем с ними не стоит говорить? – Не говори им, что мы останавливались у материной семьи. И ни в коем случае не повторяй то, что услышал в этом доме.

– Можно им сказать, что я вернулся с тобой?

Леандр помедлил, затем ответил:

– Отцу не хотелось бы привлекать внимание к моему возвращению. Потому он и желал, чтобы ты тут остался, тогда они там не узнают. Но он согласен, что теперь лучше будет, если ты уйдешь. Кто-нибудь разведает, что ты здесь. Вообще как можно меньше болтай.

– Есть ли что-то...

– Если выяснишь что-нибудь о моем деде – непременно дай знать. Пусть даже мелочь.

– Кто его забрал?

– Орест, не спрашивай.

– Это Эгист его забрал?

– Кто-то близкий к Эгисту. Возможно, это кто-то близкий к Эгисту.

– Сделаю, что в моих силах.

Через несколько дней Дакия и Ианта повели их вечером по узким проулкам и тропам к кладбищу. Они спрятались за чьим-то надгробием, и Орест наблюдал, как Электра стоит у могилы, шепчет молитвы и воздевает к небесам руки.

– Это могила твоего отца, – прошептала Дакия. Оресту трудно давалось вообразить, как человек, которого он помнил, его крупный, властный отец, лежит неподвижно под землей, тело – лишь кости.

Они медленно приблизились к могиле, Дакия и Ианта остались поодаль. Когда Электра вскинула взгляд, Орест почувствовал неотвратимую потребность двинуться к ней, обнять ее, но не меньшая нужда в нем – не выводить ее из себя, словно ее присутствие представляло действительный мир во всей его плотности, а Орест предпочитал оставаться в созданном для него мягком невечном коконе.

Поначалу она не смотрела на него, а вперилась в Леандра. А затем устремила взгляд, впрямую и полностью, на Ореста.

– Мои молитвы были услышаны. Боги улыбнулись мне.

– Я привел его домой, – тихонько произнес Леандр. – Доставил его тебе в сохранности.

Несколько дворцовых стражников уже устремились к ним, но тут Леандр отступил и ушел к матери и сестре. Орест провожал его взглядом, Леандр не обернулся.

* * *

Стражники побежали вперед – предупредить его мать, что сын наконец вернулся. Они с Электрой приближались к дворцу по тропе, что вела с кладбища, а мать уже стояла, одна, и ждала его, совершенно беззащитная и полностью уязвимая. Когда он оказался совсем близко, она вскинула руки к небу.

– Это все, чего я хотела, – произнесла она. – Нужно поблагодарить.

Мать обняла его, повела во дворец, выкрикивая указания – в какую комнату его поместить, какую еду подать – и призывая Эгиста, чтоб шел скорее, где бы ни был. Обнимала и целовала Ореста, повелевала слугам,

пусть найдут портного, какой сошьет новое подобающее облачение ее сыну.

Появился Эгист, и Орест последовал примеру Леандра, какой тот подал, пока они были в деревне его родственников. Он постарался держаться с достоинством. Словно обремененный более значительными думами, он слегка отстранился, когда любовник матери пожелал обнять его. И все это время он замечал, как пристально наблюдает за ним Электра.

Наутро его обмерили для новой одежды, мать пришла к нему в комнату и вилась вокруг него, наделяя портного замысловатыми советами. Вся сплошь теплота и деловитые замечания.

– Ты стал такой высокий, – сказала она. – Выше своего отца.

На этих словах по ее лицу пробежала тень, в голосе – некое смущение.

– Мне надо кое-что у тебя спросить, – произнес он.

– Ты наверняка многое хочешь выяснить.

– Да, многое, но сейчас я хочу спросить, знаешь ли ты что-нибудь о деде Леандра.

– Ничего, – отозвалась мать. – Вообще ничего. – Покраснев, она выдержала его взгляд. – Время было очень трудное, – продолжила она, – много слухов. Тебя попросили о нем разузнать?

– Нет, но, говорят, его похитили. Тревожатся.

– Какая досада. Но лучше не втягиваться в то, что, думаю, есть неурядица между семьями. Надеюсь, ты понимаешь.

Орест кивнул.

– И самое главное для нас – что ты вернулся домой. Может, ни о чем другом и думать не стоит пока.

* * *

Хотя мать и сестра обращались с ним как с мальчишкой – спрашивали, наелся ли он, удобна ли его постель, – всюду во дворце, куда бы ни шел он, его приветствовали с уважением, даже с некоторым благоговением. Для стражи и челяди он был сыном своего отца, вернувшимся занять законное место.

Это означало, что, когда шел по коридорам – а иногда и оставаясь в одиночестве, – он осознавал свою роль и важность. Впрочем, временами ему казалось, что здесь всё так же, как было в доме у Леандра. Его матери удавалось пресекать любые разговоры, беспрестанно благодаря богов за его возвращение и перемежая благодарности многочисленными упоминаниями, как все по нему скучали и что они с Эгистом предпринимали, чтобы добиться освобождения ее сына.

Как и мать, Электра с большей радостью предлагала ему речи о том, что значило его отсутствие для нее лично и какое это облегчение – что он вернулся. Он обнаружил, что и мать и сестра теряли самообладание, даже когда им лишь казалось, что он намерен заговорить: если вроде бы готовился что-нибудь сказать, они бросались задавать ему вопросы об удобствах его быта, словно пытались дать понять, что для них он по-прежнему мальчик – сын, младший брат, которого похитили, а теперь он возвратился домой.

Как и семья Леандра, они не интересовались, насколько он понял, что с ним происходило и где он был. Эгист всегда улыбался, завидев Ореста, но за трапезами предоставлял Клитемнестре вести беседу и время от времени покидал трапезную, когда кто-нибудь из его прислужников заявлялся с вестями, и лицо его темнело, хмурилось.

Ореста сразу предупредили о необходимой осторожности: обычно несколько стражников всюду ходили за ним по пятам. Впрочем, однажды, когда он отвлек их внимание, ему удалось пробраться к дому Леандра, но Раиса холодно сообщила ему, что Леандра здесь больше нет и она не знает, где он.

Как-то раз он сидел за столом в комнате у матери с нею, Эгистом и Электрой и заметил, что они исчерпали легкие предметы для разговора и истожили вопросы о нем самом и его удобствах. Ощутил напряжение в комнате, поглядывал на них, пытаясь заметить, кто попробует это напряжение снять. Почти слышал, как мать пытается выдумать что-нибудь милое и умиротворяющее.

– Знаете, – сказала она наконец, – ко мне на прием каждое утро выстраивается очередь – спросить о правах на землю или на воду, люди приходят посоветоваться о наследстве или о старых разногласиях. Эгист говорит, что этого слишком много, что этих людей следует отсылать прочь. Некоторые посетители могут быть даже опасны. Но я знаю их. Я знала этих людей, еще когда ваш отец был жив. Они приходят, потому что доверяют мне – как доверяли вашему отцу. По утрам я впускаю их во дворец. И часто этого им достаточно, а может, достаточно даже тем, кого оставили ждать. Мы позволили им войти во дворец. Я принимаю их в комнате, где раньше размещались стражники вашего отца. Сижу и слушаю. Вскоре, Орест, тебе предстоит быть там со мной, помогать. Тебе тоже необходимо слушать. Пойдешь со мной?

Он, так вышло, отчужденно кивал – как кивал бы, наверное, Леандр, – а мать продолжила рассуждать о задачах, какие она решала, все больше увлекаясь подробностями, все остальные же молчали.

– Скажи мне, что случилось после того, как мой отец вернулся с войны? – перебил ее Орест.

Мать прижала ладонь ко рту, смятенно глянула на Эгиста и вроде бы собралась встать, но потом все же уселась. Откашлялась и посмотрела на сына резко.

– Нам невероятно повезло, – произнесла она. – Мы очень везучи, что живы. И за это следует благодарить Эгиста. Он – тот, кто выведал о заговоре против всех нас, и его сторонники явились вовремя и подавили восстание, которое означало бы конец для нас всех.

Электра уставилась в пол, затем – в окно. – Кто убил моего отца? – спросил Орест.

– Я к этому и веду, – ответила мать. – Кто-то из людей твоего же отца замыслил против него. О, они так походили на друзей! О, что за впечатление они производили – счастливых подчиненных! Должна признать, что ничего странного, когда он прибыл, я не заметила. Возможно, мне стало так легко, когда он оказался дома, что я ничего не заподозрила. И какое это было облегчение – снять с себя тяготы правления.

Она умолкла, вновь приложила руки ко рту и глянула в окно.

– Но что произошло? – спросил Орест.

– Едва ли могу сказать, – ответила мать. – Мы вовремя все узнали, чтобы спасти тебя и твою сестру, – и вовремя, чтобы я успела спрятаться. Но для твоего отца было слишком поздно, слишком поздно. Думать об этом невыносимо.

Голос у нее дрожал.

– Спасти меня? – переспросил Орест. – Ты сказала «спасти меня»?

– Мы постарались, чтобы тебе ничто не угрожало, – ответила мать.

– Зачем меня увели в такую даль те люди, – спросил он, – если всего-то надо было спасти меня и сделать так, чтобы мне ничто не угрожало?

– Чтобы твоя жизнь точно была в безопасности, – отозвалась мать. – И чтобы ни один наш враг до тебя не добрался. Они бы пришли за тобой, если бы мы поступили иначе.

– Кто отдал приказ увести меня в то место, а не в какое-нибудь другое?

– Это была ошибка, – сказала она. – Мы вскоре поняли, что это ошибка. Размышляя об этом позднее, я осознавала, что это ошибка.

Голос ее прерывался.

– Понимаешь, Орест, я не управляла теми людьми. Это все Эгист, но и он ими не правил. Я думала, так будет безопаснее всего. А потом мы послали тех двоих искать тебя, и они не вернулись. Потом слали еще, но они тебя не нашли. И я думала, что все пропало и мы тебя потеряли.

Считала, что и отца твоего, и тебя мы утратили. И сестру твою Ифигению. Думала, что теперь у меня осталась только Электра. Те люди сказали нам, когда вернулись из поисков, что тебя не отыскать. Мы сделали все, но не владели обстоятельствами. Эгист, владели ли мы обстоятельствами?

Эгист опрокинул свой напиток. Быстро поднял кубок и одарил мать Ореста свирепейшим, необычайно угрожающим взглядом. Затем спокойно налил себе еще.

– То было время переполоха, – продолжила мать. – И мы старались изо всех сил. Мне остается лишь благодарить богов, что наконец-то мы все в безопасности.

– Там, куда ты меня отправила, я в безопасности не был.

– Орест, – сказала мать, – это не моих рук дело. Орест отодвинул стул, встал и прошелся по комнате.

– Что здесь делает Эгист? – спросил он.

– Он нас стережет.

– Почему он с нами в одной комнате? За одним с нами столом?

Орест заметил, как у Электры от изумления открылся рот.

– Был бунт, – сказала мать.

– Поэтому ему надо сидеть с нами? – спросил Орест, глядя прямо на Эгиста. – Наверняка же можно питаться без него за нашим столом?

– Орест, – проговорила мать, – он – все, что у нас есть. Мы все в опасности.

Возвращаясь на свое место, Орест прошел мимо Эгиста, помедлил у него за спиной, потянулся и потрепал Эгиста по волосам – так же любовно и семейному, как старуха когда-то трепала Митра.

Эгист вскочил, словно ему угрожают или на него напали.

– Орест, не надо так! – возопила мать.

– Не сомневаюсь, что ему тут очень рады, – сказал Орест и вновь занял свое место.

* * *

Позднее, перебирая в уме сказанное матерью, он понял, что запомнил ее голос – и печальное, растерянное выражение у нее на лице, когда речь зашла об отце и Ифигении. Он не собирался дерзить Эгисту так открыто, как в итоге получилось. Орест сказал то, что сказал, едва ли не в шутку, однако, пока говорил, как выяснилось, слова оказались вне его власти, в отличие от того, как складывались подобные разговоры у них с Леандром – те-то завершались смехом. И следом он взъерошил Эгисту волосы – чтобы явно дать тому понять, что ничего плохого Орест не желает. Отклик Эгиста

и матери показал, до чего они взвинчены.

Когда Электра пришла в тот вечер к нему в комнату, он уже собрался объяснить с ней, но она сказала, что надолго задержаться не сможет, однако ей необходимо предупредить его, чтоб остерегался, что за ним наблюдают и каждое сказанное им слово отмечают.

– Кто наблюдает? – спросил он.

– Им надо знать, на чьей ты стороне.

– В смысле, матери и Эгисту?

– Следи за всем, что говоришь. И вопросов больше не задавай.

Она глянула на дверь, словно за ней кто-то мог подслушивать.

– Мне пора, – прошептала она.

Назавтра, когда Орест шел из своей комнаты в материны покои, он увидел, как к нему приближается Эгист. Орест остановился, приготовился его приветствовать, обрадованный тем, что им выпала возможность побыть наедине, возможность, если ему позволят заговорить, объяснить так или иначе, что вчера произошло. Эгист, однако, завидев Ореста, развернулся, будто вспомнил о чем-то, и ушел прочь.

День за днем Орест закреплял привычку бывать в обществе матери и Электры. Всякое позднее утро он усаживался с матерью в комнате в передней части дворца. Частенько – принимая просителей, но обычно они просто были вдвоем. Как-то раз, когда посетитель заговорил о бунте, она дождалась, пока они с Орестом остались наедине, и вернулась к этому предмету.

– Ты слышал, как мы говорили о бунте, – сказала она тогда. – Были бунты. Вечно есть раскол, вечно беспорядки. Мы всегда воюем. Получаем ежедневные сводки. И от твоего отца я усвоила – и тебе следует усвоить, – что доверенный друг есть тот, кому ты меньше всего доверяешь. На каждого союзника у меня есть теневой союзник, и даже для него у меня есть другие тени, все наблюдают, все докладывают. Вот так мы держим власть – никогда не доверяя. Объясню тебе, кто они такие. Можешь спросить и у Эгиста, он вечно бдит. Орест, нашим врагам хоть раз, да повезет, но мы должны бдеть каждый миг любого дня. Теперь, вернувшись, ты можешь стать моими глазами и ушами. Но не смей никому доверять.

Его поразило, до чего иной бывала мать, когда они ели все вместе – или принимали гостя, или гуляли вдвоем по саду. Вот она встревожена – а вот, мгновенья не прошло, уже болтает запросто, бодро.

Электра дала понять, что после обеда ее тревожить не следует. Она ежедневно отправлялась на отцову могилу, а затем возвращалась к себе в

комнату. Когда солнце садилось, она принимала Ореста. Он заикнулся о ее предупреждениях ему, что следует говорить и делать, но она отмела все это, а когда он спросил, знает ли она имена людей, убивших отца, или что угодно о деде Леандра, она умолкла и показала на дверь.

Зато сестра, стоило им остаться одним, расспрашивала его, где он был. В его обществе она тревожилась меньше. Пока он рассказывал ей, что случилось, когда его похитили, и как он сбежал, она слушала внимательно.

Хотя излагал он очень подробно, об убийстве стражника и еще двух людей он ей не рассказал. И попытался не распространяться о Леандре. Впрочем, более всего сестру увлекли подробности о доме старухи. Оказалось, что рассказывать о старухе и Митре Оресту утешительно, и ежедневных встреч с сестрой он ждал.

Иногда Электра заговаривала о богах и своей вере в них, называла их имена и говорила об их власти.

– Мы живем в странное время, – сказала Электра. – Время, когда боги блекнут. Кое-кто их все еще видит, но бывает и так, что нет. Их власть вянет. Вскоре наступит иной мир. Им станут править при свете дня. Вскоре этот мир едва ли будет иметь смысл населять. Осознай, что тебе повезло: тебя старый мир коснулся, в этом доме осенил тебя своими крылами.

Как на это откликнуться, он не понимал. Стоило Электре заговорить о богах, как вид у нее делался угрюмый, а затем она, проверив, что под дверью их не подслушивают, принималась рассказывать о том, что происходило в мире за пределами дворца. Когда она рассказала о бунте, Оресту хватило ума не повторять сказанное матерью – что тут всегда бунты. Он внимательно слушал.

Его удивило, сколько всего она, похоже, знает о равнинах за горами, – удивило и то, что повстанцы прячутся в горах и не отступают, а, наоборот, набирают силу, создают союзы и растут числом.

Однако Орест раздумывал над подлинностью сказанного – когда она сообщила, что не знает имен участников. Орест решил, что Леандр теперь уже среди них, а также члены его семьи. Но упоминать об этом не стал.

* * *

Он начал замечать, как его мать все более озабочена, как времени на него у нее все меньше. Однажды, когда они сидели вместе, в комнату вошел Эгист и подал матери знак, которого, по замыслу Эгиста, Орест не заметил бы. Мать попыталась вернуться к предмету разговора, но Орест видел, что на нем она уже не сосредоточивается. Вскоре мать нашла отговорку уйти, сказав, что ей нужно разобраться со слугами. Но Орест ей

не поверил: он знал, что происходит нечто посерьезнее.

* * *

По ночам дворец безмолвствовал. Иногда Орест спал крепко и пробуждался утром, жалея, что сейчас не вечер накануне, когда впереди его ждали грезы и забытие, а не вездесущая тягость дня: к матери с Эгистом приходило совещаться все больше и больше людей, и мать пыталась скрыть тревогу, делаясь все общительнее за едой. Электра, в свою очередь, стала еще более замкнутой.

Но чем больше он привыкал к молчанию, тем больше осознавал, что оно не полностью настоящее. Начал улавливать звуки: кто-то тихонько сновал по коридорам, например, или призрачно шептался, а затем ненадолго – опять ничего. Вскоре он стал устраиваться рядом со своей комнатой в самые темные часы и видел, как ходит туда и сюда Эгист, движется быстро, а также заметил, что по коридорам ходит и мать. Он даже засек, как Электра перебегает коридор – из своей комнаты в комнату напротив.

Стражники всего лишь стояли на часах. Казалось, это не их работа – останавливать каких-либо должностных лиц, чтобы те не заблудились во дворце, а лишь защищать их от чужаков. Поначалу Орест предположил, что они вообще не уходят с назначенных им постов, чуть ли не как предметы мебели. Но однажды ночью наблюдал, как Эгист вышел из комнаты, где обычно спал с матерью Ореста. Орест видел, как Эгист медленно приближается к стражнику, зовет его и показывает знаками, чтоб тот шел следом. Эти двое двинулись по коридору в одну из редко посещаемых комнат в передней части дворца, но все прочие стражники словно не замечали их присутствия. Орест выждал сколько-то – посмотреть, вернутся ли, а когда этого не случилось, прокрался по коридору сам, минуя стражников, – сделал вид, что не видит их. Встал за дверь в комнату, куда удалились Эгист и стражник.

Звуки, донесшиеся оттуда, были ему знакомы, – их ни с чем не перепутаешь. Он задумался, ходила ли в какую-нибудь подобную ночь его мать следом за Эгистом, слышала ли, как там пыхтят и знойно дышат.

Задумался он и об Электре. Она тоже перебирается через коридор с тайной целью? Тут же подумал о Леандре, что он сказал бы обо всем этом, если ему изложить, сколько всяких вопросов задал бы и какие соображения выдвинул. Но затем Орест осознал, что поделиться всем этим с Леандром не сможет. Придется держать при себе, пока Леандр не возвратится.

Однажды ночью он проснулся и увидел Электру в коридоре: она шла в

какую-то комнату, а за ней – стражник. Орест заметил, как к той же комнате приближается другой стражник, заходит внутрь. Снаружи ему был слышен лишь шепот, голоса до того тихие, что он даже не мог разобрать, кто именно сейчас говорит. Тон голосов серьезный, каков бы ни был предмет разговора.

Постепенно Орест научился различать стражников. Лишь двое ходили за Эгистом, зато несколько перебирались через коридор потолковать с Электрой. Как-то посреди ночи Орест стоял и наблюдал, как мать ходит туда-сюда по коридору; задумался, не скользнет ли и она куда-нибудь в комнату, а за ней стражник. Но мать перемещалась, слишком погруженная в себя, вроде сомнамбулы или человека, пытающегося решить трудную задачу. Даже пройди она мимо Ореста, понимал он, мать его не заметит. Что-то было у нее на уме, что-то осмысливаемое в полном, несокрушимом уединении.

Кое-кто из дневной стражи частенько переходил в стражу ночную. Одного дневного стражника Орест знал еще до своего похищения. Отец этого стражника, тоже стражник, всегда был готов развлекать Ореста, когда тому хотелось посражаться на мечах. Орест вспомнил, что старший страж часто брал с собой сына: мальчик был милого нрава и охотно играл с Орестом, хотя был на несколько лет старше.

Теперь этот мальчик вырос и стал мужчиной, стоял днем на посту у двери в комнату Ореста. Поначалу вел он себя официально: лишь едва заметно кивал, если Орест проходил мимо. Когда Орест заговорил с ним – напомнил об их детских поединках и спросил об отце, – стражник остался немногословным и суровым. Когда его перевели в ночную смену, он по-прежнему едва замечал Ореста.

Впрочем, постепенно он начал меняться. Выйдя на пост, он предупреждал Ореста о своем появлении, давал знать, когда другие стражники уходили и он вставал на их место. Словно ему думалось, что Оресту будет приятнее, спокойнее с кем-то, кого он знает.

Раз ночью Орест проснулся и, все еще лежа в постели, откашлялся. Единственный звук, нечто, никому в коридоре не слышное, как он думал. Но стражник услышал, вошел в комнату и сел на край ложа, спросил, не надо ли чего. Орест ответил, что едва проснулся и, наверное, вскоре опять заснет, стражник на миг коснулся его, а затем убрал руку.

– Я с Леандром, – прошептал он. – Мой отец – друг его деда. Леандр попросил меня быть здесь. Заняло некоторое время: никто не должен заметить.

– Где Леандр? – спросил Орест.

– В горах, с повстанцами.

Они прислушались – не слышно ли чего из коридора.

– Леандр говорит, что ты – с ним, – прошептал стражник.

– Я ему друг.

– Он говорит, что ты его поддержишь.

– Скажи ему... – начал Орест.

– Мне пора, – произнес стражник. – Зайду еще, когда смогу.

Когда пришел в следующий раз, дал понять, что совсем не может говорить, что в коридорах слишком оживленно. Еще чуть погодя, впрочем, он пришел и задержался подольше, рассказал Оресту, что о происходящем или о том, где сейчас Леандр, у него вестей больше нет, но как только будут – он их доложит.

Его присутствие в комнате в некоторые ночи стало частью неспешного ритуала возвращения Ореста во дворец, с ежедневным временем, выделенным для Электры, для матери, которой его общество было нужно еще больше – с тех пор как Эгист отправился собирать армию, чтобы раз и навсегда покончить, как она сказала, с недавним восстанием.

Поначалу он пытался задавать стражнику вопросы, но тот прижимал ладонь ко рту, показывая, что кто-нибудь, возможно, слушает под дверью. Даже когда они были вдвоем, стражнику удавалось не издавать ни звука, и он старался учить Ореста, чтобы тот, чем бы ни занимались они во тьме комнаты, не возмущал безмолвия. И это тоже стало частью ритуала.

Как-то раз ночью, когда стражник был у Ореста и уже готовился вернуться на пост, он поманил Ореста за собой. Они вместе замерли в коридоре, стражник прислушался. Когда наступила чистейшая тишина, он взял Ореста за руку и повел его обратно в комнату, встал впрыток к нему в самом дальнем от двери углу и зашептал.

– Теодот и Митр живы, – сказал он.

– Нет, – прошептал Орест. – Митр мертв. Я был с ним, когда он умирал.

– Его отец Митр жив – и Теодот тоже. Леандр попросил, чтобы ты сходил туда, где их держат. Такое тебе сообщение. Место, где их держат, – недалеко отсюда.

– Их стерегут?

– Да, но по ночам там никого нет.

– Получится ли помочь с их освобождением? Можем спросить у отца Леандра?

– Нужно сделать это из дворца, так считает Леандр. Кобону нельзя приближаться к дворцу. Тех двоих держат под землей в садах, – сказал стражник. – Надо спешить, Митру осталось недолго.

– Можешь сам – или с кем-то еще? – спросил Орест.

– Нам нужен тот, кто нас поведет.

– Кто их держит под стражей? – спросил Орест.

– Я не знаю, – ответил стражник. – Известно одно: Теодот – дед Леандра. И Леандр хочет, чтобы его освободили. Такое сообщение мне поручили тебе передать.

В следующую ночь стражник сказал, что он связался с Кобоном, тот устроил для двоих узников тайное убежище. Когда выберутся за кладбище, Кобон их встретит. С ним будет подмога – или же он позаботится, чтобы в переулках их никто не задержал. Кое-какие стражники были верны Леандру, и они за этим присмотрят.

Орест не хотел слать Леандру прямое сообщение поддержки, поскольку тот был с повстанцами. Смотрелось бы как неверность или неповиновение матери. Не желал он и отказывать Леандру в его просьбе. Не хотел и делиться новостями, принесенными стражником, с сестрой. Он со всем этим – один на один. Мог не делать ничего – или же сделать, как просят, сопроводить стражника до места, где, по его утверждению, держали узников.

Если поступит, как прошено, и найдет их – остальные решения примет на месте. Размышляя, каков более вероятный исход, Орест сказал себе, что он – сын своего отца и способен, если пожелает, применить во дворце свою власть, однако был он и сыном своей матери, которая предупредила его, чтоб не доверял никому.

Его озарило, что отец ни за что не стал бы бездействовать. Вспомнил отцов сильный голос, властный тон. Окажись здесь его отец, он бы поступал осторожно, однако из страха никогда не застрял бы у себя в комнате. Он бы действовал.

Они со стражником разработали замысел, стражник добыл ключ от комнаты за кухнями, откуда был боковой выход из дворца, там-то они и выберутся наружу в безлунное время.

* * *

Через две ночи, когда стражник вошел к нему, Орест не спал и был готов.

Снаружи они некоторое время постояли неподвижно, пока глаза привыкали к темноте. Ушли, забирая в сторону погруженного сада, к пустырям за ним. Безмолвно перебрались через пересохший ручей.

Оказавшись там, где, по словам стражника, держали под землей узников, они разрыли почву руками и обнаружили дверцу люка. Подняли

ее, и на них накатила затхлая вонь – не только почвы и перегноя, но и человеческих испражнений.

Орест в потемках спустился по лестнице. Достигнув глинобитного пола, позвал похищенных по именам. Но поначалу ничего не услышал, никаких голосов.

Когда наконец различил стон, назвал свое имя и имя Леандра, добавив, что пришел освободить. Услышал, как кто-то прошептал имя: «Митр». Попытавшись понять, откуда звук, Орест обошел подземное пространство, не теряя при этом понимания, где находится. Света не было, однако он почувствовал, где они, эти двое. Вытянул руки, и кто-то схватился за них – пальцами сильными и костлявыми, намеренными держаться крепко.

– Придется тебе помочь мне его поднять, – послышался голос – казалось, едва ли не властный.

Они со стражником поставили на ноги человека, который, предположил Орест, был Митром, и повели его к лестнице. Пришлось толкать его вверх по ступенькам и держать, чтобы не упал. Он задыхался, сил в нем не было. Поднявшись к поверхности, Орест оказался с Митром бок о бок, и тот поморщился от боли: его прижало к кромке отверстия. Орест выволок его за запястья и помог встать, пока не вылез второй человек – судя по всему, Теодот.

Они медленно пробирались подалее от дворцовых земель, через кладбище, Орест и стражник поддерживали бормотавшего себе под нос и стенавшего Митра.

По сравнению с тьмой подземной тюрьмы ночь казалась чуть ли не залитой светом. Они миновали первый дом у поворота в переулок, стражник жестом велел Оресту остановиться. Кобон стоял у стены, ждал. Стражник сказал, что вернется во дворец, предоставит Оресту с Кобоном вести этих двоих к убежищу.

Пока шли, никого не встретили. Орест не знал, расставляют ли обычно в переулках стражу на ночь, но решил, что наблюдают за этими переулками пристально. В суматохе дворца он прикидывал, что непосредственно прилегающие к нему земли, где скрывается столько возможной угрозы, бдительно стерегут, особенно по ночам. Но сейчас здесь никого не было. Стражник был прав, а это означало, понял Орест, что Леандр и его сторонник, должно быть, располагают значительной тайной поддержкой среди стражи, а правила безопасности в отсутствие Эгиста смягчились.

Вот так им удалось двигаться к своей цели без всяких помех. Насколько понимал Орест, никто даже не видел, как они прошли. Дом был маленький

и неприметный. Дверь открыла женщина, проводившая их внутрь. Вскоре она принесла им еду и питье, Митра отвела в дальнюю комнату, уложила.

Орест отдавал себе отчет: чтобы вернуться во дворец до рассвета, выходить ему предстоит скоро. Было б хорошо, если б не пришлось объяснять свой поступок ни матери, ни Электре.

– Где Леандр? – спросил Теодот.

– Не здесь, – сказал Кобон.

– Где он?

– Ушел освобождать своих дядьев. Идет восстание, – ответил Кобон.

– Где Митр – младший? – спросил Теодот, глядя на Ореста.

– Он умер, – прошептал Орест. – Умер до того, как мы вернулись.

Теодот вздохнул.

– Отцу его не говори, – сказал он. – Его отец жил лишь тем, что сможет увидеть сына.

– Надо сказать, – возразил Орест. – Я обязан сказать, что Митр перед смертью был счастлив.

– Перед смертью не счастлив никто, – сказал Теодот. – Его отец долго не проживет. Ты должен сказать ему, что его сын вернулся с тобой и с Леандром, а затем вместе с Леандром ушел, но скоро вернется. Ты обязан сделать так, чтобы он поверил в это.

Орест не шелохнулся. Ему захотелось немедленно убраться.

– Ты должен пойти к нему сейчас же. Он ждет – и ждет он этого, и когда его семья явится к тебе, ты обязан рассказать им о том, как сейчас поступишь, – чтобы они подтвердили твои слова.

– Его семья? – спросил Орест, глядя на Кобона.

– Кому-то придется сходить и сказать семье Митра, что его освободили, – проговорил Теодот.

– Нет никакой семьи, – быстро молвил Кобон. – Дом сровняли с землей. Говорят, всю его семью перебили и похоронили там же. Мы думали, его погребли вместе с ними. Наверное, Митра забрали прежде, чем всех их убили.

Теодот охнул и склонил голову.

– Он долго не протянет. Нужно сказать ему, что его сына освободили и он ушел с Леандром, а еще – что его жена, сыновья и дочери скрылись, когда его схватили, и сейчас они где-то далеко отсюда.

– Он пожелает увидаться с ними, – сказал Кобон.

– Скажите ему, что, когда будет безопасно, они вернуться.

– А если он выживет? – спросил Кобон.

– Не знаю, что мы станем делать, если он выживет, – ответил Теодот.

Из комнаты, где лежал Митр, донеслись тихие стоны.

– Иди к нему немедленно, – велел Теодот.

Митр, когда Орест вошел к нему, дышал с большим трудом. Потянулся к Оресту, попытался взять его за руку.

– Он в безопасности, мой сын? – спросил Митр.

– Да, – ответил Орест. – Мы сбежали оттуда, где нас держали.

– А дальше как было?

– Нашли дом у моря. Там за нами присматривала одна старуха. Больше всех она любила твоего сына.

Митр задрожал и, кажется, на миг улыбнулся. Попытался сесть.

– Где твоя мать? – спросил он.

– Во дворце, – ответил Орест.

– Спит, – проговорил Митр, – как спят лишь злодеи.

Орест на миг подумал, что Митр пошутил.

– Все беды начинаются с нее, – продолжил Митр, все еще пытаясь сесть, и оттолкнул Ореста, когда тот попробовал помочь. – Это она устроила все похищения, – продолжил он, – чтобы запугать нас. А прежде убила Агамемнона, твоего отца, – убила собственными руками и бросила тело гнить перед дворцом. Заставила нас ходить мимо, пока он лежал незахороненный.

– Моя мать не убивала отца, она... – начал Орест.

– Это совершила твоя мать, собственными руками, – прервал его Митр.

Говорил он без выражения, сообщал данность, едва ли не устало. Было ясно: он не сомневался, что говорит правду.

– Эгист был с ней?

– Эгист – никто, – сказал Митр. – Убийство совершила она. Все убийства. Все.

Он наконец сел и схватил Ореста за запястье.

– Но она не убивала Ифигению... – вновь начал Орест.

– Боги потребовали, чтобы Ифигения была принесена в жертву, – произнес Митр. – Суровейший удел. Боги бывают суровы.

– Но это не мать сделала, – сказал Орест. – Это сделал мой отец.

– Так и есть. Это сделала не твоя мать, – отозвался Митр.

На миг воцарилась тишина. Орест прислушался, дышит ли Митр.

– Мой сын в безопасности? – спросил он наконец.

– Да, – ответил Орест. – Он с Леандром. Скоро вернется.

В полусвете маленькой лампы на окне он чувствовал на себе взгляд Митра.

– Ты уверен, что это моя мать убила моего отца? – спросил он Митра.

- Да, это был ее нож.
- Кто-нибудь еще знает?
- Все знают.

Митр выпустил запястье Ореста – и взял его ладонь в свою. И заплакал.

– Моя семья, сыновья, дочери... – начал он.

– С ними все в порядке, – сказал Орест, – они придут сюда, когда станет безопасно.

– Твоя мать убила их, – проговорил Митр. – Мою жену, сыновей и дочерей. Их всех убили ее люди, а я смотрел. Она это приказала.

Орест приготовился ему возражать, повторить, что они все скоро увидятся, но Митр не слушал. Он говорил словно сам с собой.

– Я слышал их крики, когда они гибли, – сказал Митр. – А потом забрали меня.

За все то время, пока они сидели под землей, осознал Орест, Митр не рассказал Теодоту, что видел, как убивают его родню. Наверное, они об этом не говорили.

– Но твой сын жив, – тихо промолвил Орест.

– Да, да, – ответил старик с печалью, безропотно. Орест сомневался, поверил ли ему Митр.

– погоди, – произнес Митр, – иди поближе.

Орест опустился на колени рядом с постелью.

– Твоя мать убила твоего отца, – прошептал Митр. – Заманила его во дворец. Заготовила нож, чтоб был под рукой. Такой у нее был замысел. Она желала его власти. Клянусь своими детьми, это правда. И есть лишь один человек, один-единственный, кто способен отомстить за то убийство и за все остальные, и этот человек – ты. Лишь ты один. Вот почему боги пощадили тебя и прислали обратно. Вот почему ты здесь – чтобы я тебе все это смог рассказать. И теперь это твой долг как сына Агамемнона – отплатить за его убийство.

Он мягко положил ладонь на голову Оресту и подержал ее, дыша увереннее, ровнее.

Кобон явился сказать, что Оресту пора уходить, и добавил, что проводит его по переулкам.

– Нет, я пойду один, – сказал Орест.

Вернулся с первыми лучами рассвета. Скользнул в дверь за кухнями, прошел украдкой по нижним коридорам, а затем – по маленьким лестницам в главный коридор.

У себя в комнате он задумался о матери и о том, как она попыталась уговорить его, чтобы он бывал с ней и Эгистом и учился власти и величию

под их руководством. Он мог бы стать таким же, как они.

Его охватил порыв ярости на нее и на Эгиста, занявшего место отца и разгуливавшего по дворцу, будто у него было право на власть. Перебирая в уме происшедшее, впрочем, он понял, что лишь фигура матери осталась с ним. Мысли о ней придавали ему неких сил. Власть – в ее руках. С началом утренних шумов он осознал, что власть приняла именно мать. Месть может быть и Эгисту, но в первую очередь – ей.

При мысли о том, что ему не придется советоваться ни с Леандром, ни с Электрой, ни с кем бы то ни было еще, он улыбнулся. Но затем осознал, что поддержка Электры ему пригодится. Надо приблизить сестру к себе. В одиночку он это не провернет.

Однако шло утро, и Орест продолжал размышлять о том, что сказал ему Митр. Казалось, этот человек совершенно не сомневался в том, что говорит. Слова его так походили на правду. И все же Митр очень пострадал. Возможно, он что-то себе вообразил и начал в это верить.

Уж Электра наверняка, думал Орест, рассказала бы ему сразу, как только он вернулся, что это их мать убила отца. Электра присутствовала, когда мать излагала свой рассказ об убийстве. Уж конечно Электра дала бы ему знать, если бы мать лгала.

Ломая голову над тем, чему верить, Орест решил, что выложит Электре слова Митра и посмотрит, что она скажет. Жалел, что рядом нет Леандра, не спросишь у него, как быть.

* * *

Под вечер, когда они с матерью разговаривали, она нежно склонилась к нему.

– Орест, – сказала она, – мне нужно доверить тебе кое-что. Как тебе известно, случилось восстание, и Эгист участвует в его подавлении. Однако эти повстанцы куда упорнее прежних. Они не сидят на месте. Они исчезают и возникают, набравшись сил. У Эгиста много преданных сторонников. Он отважный воин, но не военный вождь, каким был твой отец. И сторонники его неукротимы. Они умеют свирепо нападать. Но они, в первую очередь, разбойники.

Она встала и прошла по комнате.

– Орест, Эгист доставил мне много забот. Мне важно, чтобы ты это знал. Тебе я готова это сказать – как никому другому.

Орест смотрел на нее, видел, что она собирается произнести что-то еще, но умолкает. Внезапно она приблизилась к нему и взяла его за плечи.

– Это восстание – более решительное и серьезное, чем мы видали

доселе. У меня нет никого, кроме тебя. Я доверяю тебе – и Диносу, он воин проникательный, каким был твой отец. Больше не доверяю никому. Я приставила слезку к Диносу, тень, и в нем я уверена в той же мере, в какой уверена в ком угодно еще. Хочу отправить тебя к нему. Потерять тебя – выше моих сил. Для тех, кто руководит восстанием, ты – лучший трофей. Это тебя они придут забрать. А потому тебе здесь быть нельзя. Мы тут уязвимы.

Она договорила, а Орест глядел на нее. На миг он был уверен, что его отсылают прочь, потому что его мать обнаружила, чем он занимался прошлой ночью. Но следом, когда она взялась рассказывать, какая у него будет защита, пока он перемещается по глухотам, уверенность его поубавилась. К концу беседы, когда они условились, что встретятся завтра и обсудят вопросы безопасности с людьми, которым предстоит служить ему телохранителями в пути, он понял, что его всего лишь отсылают прочь, но не мог решить, потому ли это, что он чем-то не угодил матери, или она и впрямь желает его защитить.

Когда он явился в комнату Электры, та выразила изумление.

– Жену и детей Диноса поубивали во время восстания, – сказала она. – Он подавил его с потрясающей жестокостью. Но там по-прежнему опаснейшее место. И мать хочет выслать тебя туда?

Орест кивнул.

– Говорит, что доверяет Диносу, – сказал он.

– Уверена, что она его беспредельно обожает, – промолвила Электра.

– Говорит, что это восстание серьезное.

– И оно ширится. Эгист погасил лишь один очаг. Он не сможет справиться со всеми. Они будут поджидать его. Она послала его на смерть.

– Кто решил, что ему надо туда? – спросил Орест.

– Она заставила его почувствовать, что, раз он воин, значит, ему надо. Не оставила ему выбора. Замыслила все так, чтобы он убрался. Без нее ничего не происходит. Все решает она одна.

– В день, когда мой отец вернулся с войны, – заговорил Орест, – моя мать решила и...

– Она вся сплошь обаяние и сладость с тех пор, как ты вернулся, верно? – прервала его Электра.

– Почему ты не отвечаешь мне? Когда отец вернулся, это мать решила, что произойдет дальше?

– Отчего бы тебе не спросить у нее? Ты с ней проводишь уйму времени.

– Если я спрошу у нее, не она ли убила отца, она ответит мне?

– А кто, по-твоему, убил отца? – спросила Электра.
– Это вопрос? – отозвался он.
Электра перебирала цветы в вазе.
– Если так, я бы сама хотела услышать материн ответ, – сказала она.
– Я бы хотел услышать твой, – произнес Орест.
– Теодот с Митром тебе не сказали? – спросила она.
– В каком смысле?
– Когда ты их освобождал.
– Откуда ты знаешь, что я их освобождал?
Она перенесла вазу на столик поближе к двери.
– Это дом шепотов, – сказала она.
– Мать знает, что я их освободил?
– Может, и это у нее спросишь? Но не сейчас же, мы с ней собирались прогуляться по саду.
– Кто рассказал тебе об освобождении?
– Неважно, кто мне рассказал. Важно, что тебе не следует лезть в то, что тебя не касается.
– Леандр – мой друг. Теодот – его дед.
– Леандр – вождь одного из восстаний, – сказала Электра. – Он, если только не победит, тебе не друг. Он твой враг.
– Он отправился на выручку дядьям, братьям матери. Их похитили тогда же, когда и меня. Ты же видела, как меня забрали.
– Меня в то время держали в подземелье, – сказала Электра.
Она встала, опершись спиной на дверь.
– Кто держал тебя там?
– Отчего ты и про это у матери не спросишь?
– Я спрашиваю тебя.
– Надо тебе научиться слушать. Я вижу, ты иногда слушаешь под дверью комнаты, где я бываю ночью. Но ничего не слышишь, верно?
– Ты была во дворце, когда отца убили?
– Да. Разумеется. Я тебе говорила – в темнице.
– И ничего не видела?
– Там, в моем узилище, было маленькое окошко. Видела клочок света.
– То есть ты не знаешь?..
– Конечно, знаю, – перебила Электра. – Я все знаю!
– И мне не скажешь?
– Скажу, что могу. А теперь мне пора гулять по саду с матерью, а тебе – вернуться к себе в комнату.

* * *

В ту ночь к Оресту пришел стражник и зашептал:

– Сходи в дом к Леандру. Как только во дворце начнется утренняя суета, отправляйся туда.

– Кто этого хочет? – спросил Орест.

– Это срочно, – сказал стражник.

– Моя сестра знает, что я помогал освободить Теодота с Митром.

– Тебя видели, – сказал стражник. – И увидят, как ты идешь к родне Леандра. Но важнее всего, чтобы ты туда пошел.

– Это Кобон захотел меня повидать?

– Не знаю. Весть моя такая, что, пока солнце в небе, тебе надо там оказаться.

Стражник побыл с ним еще сколько-то, но они больше не говорили. Позднее Орест лежал в постели один, и в голове у него возник четкий образ Леандра. Орест представлял его себе решительным, бдительным. Такой человек ошибок не натворит. Орест сопоставил спокойный ум, ясное видение цели Леандра – и образ матери с Эгистом. И со всей силой понял, что в любой битве с ними Леандр возьмет верх. Орест не знал, что будет дальше, но решил, что с первым светом сделает, как прошено. Пойдет к дому. Всегда сможет сказать, если мать его укорит, что, поскольку она ему про это ничего не сказала, он понятия не имел, что Леандр участвует в восстании. Предупредит Электру, пусть не говорит матери, что он осведомлен. Скажет, что просто отправился повидать друга и сообщить ему о своем скором отъезде.

Проснулся поздно и тихонько выбрался из дворца через боковую дверь, прошел по кладбищу и вдоль пересохшего русла. Чувствовал то отвагу, то тревогу. Минуя людей в переулках и переходя маленькую оживленную площадь, головы не поднимал.

Оказавшись на месте, подумал, что странно это: входная дверь нараспашку, и даже в прихожей не видать ни слуг, ни домочадцев. Все брошено, безмолвно. Принялся выкликать имена – Кобона и Раисы, Ианты и Дакии, затем назвал свое имя, как прежде Леандр, чтобы они знали: он не чужак.

Но, двигаясь вглубь дома, он уловил запах, знакомый ему с тех пор, как они жили у старухи, когда со скалы падала овца или коза и начинала гнить.

Вонь накатывала все сильнее. Он еще раз позвал их по именам, и дыхание у него сперло от резкого смрада, тянувшегося из главной комнаты в доме.

Там он увидел гору тел, блестящие черные мухи гудели вокруг нее. Гору сложили тщательно, тела разместили одно поверх другого, уравновешенно, так, что получилось нечто почти единое. Оресту пришлось отойти: его вырвало. Вернувшись, он заметил, как на клочке белой плоти что-то шевелится, и разглядел, что на коже копошатся извивающиеся черви.

Встревожившись, зачем его сюда вызвали и не ждет ли его кто где-то в комнатах, он нашел клочок тряпки и, замотав нос и рот, оглядел дом и охнул от ужаса, увидев тела Теодота и Митра в пропитанной кровью постели, вокруг – мухи.

Орест вернулся в главную комнату и с отвращением и страхом стащил за щиколотки тело с вершины, оно стукнулось с тяжким, безжизненным грохотом об пол, Орест перевернул его и увидел труп Раисы, горло перерезано от уха до уха, глаза широко распахнуты.

Насколько он понял, вся семья Леандра погибла – и все слуги. Зудевшие мухи садились ему на лицо и руки, тошнотворный гнилостный смрад, казалось, усилился, оттого что трупы потревожили, и Орест решил: надо вернуться во дворец и найти Электру, рассказать ей прежде всего остального, что он видел. Она вернется с ним, и тогда он будет не один, когда люди придут и обнаружат гору трупов.

Эта мысль пришла ему в голову, но тут он услышал тихий плач и решил, что это какой-то зверь, хорек или крыса, пробрался внутрь горы трупов. Но затем Орест разобрал девичий голос. Он шел из самой середики недвижимой горы, и Оресту ничего не оставалось, лишь разобрать тела и найти источник звука. Когда к нему потянулась рука, вокруг нее яростно вились мухи, он отшатнулся, отпрянул в угол комнаты. А когда вернулся, увидел, что Ианта выкапывается из-под груды тел, встает на ноги. Заметив его, она закричала – закричала от страха, попыталась закопаться обратно, словно мертвые могли обеспечить ей безопасное укрытие.

– Ианта, я Орест, – сказал он. – Я тебя не обижу.

Он вернулся к куче и оттащил несколько тел в сторону, нашел среди них трупы Кобона и женщины, которая прятала Теодота и Митра, когда они сбежали, и тела двоих детей, сбившихся вместе. Ианта, когда он к ней потянулся, повела себя, как дикий зверь, чье логово осквернили. Свернулась калачиком и попыталась укрыться под чьим-то трупом, чтобы Орест до нее не добрался. Он позвал ее по имени, еще раз назвал сам, но его попытки успокоить лишь заставили ее вопить еще громче, кричать в ужасе, выкликать имена матери и отца, звать Леандра.

– Я помогу тебе, – сказал он, беря ее за запястья. Поднял ее, покрытую

кровавой слизью, прижал к себе. По силе ее сопротивления он понял, что серьезных увечий она не получила. Когда ему удалось вытащить ее наружу, подальше от вони и мух, он увидел, что кровь у нее на одежде и на коже – не ее.

– Тебе надо идти со мной, – сказал он. – Подальше отсюда.

Когда она заговорила наконец, он поначалу не мог разобрать слов – она рыдала. Пришлось просить, чтобы она повторила, умолять, чтобы говорила помедленнее. И тогда он разобрал слова.

– Ты это сделал! – сказала она.

– Нет, не я! – возразил он.

– Люди, которые это сделали, – люди твоей матери.

– Люди моей матери – не мои люди.

– Мы приготовились бежать. Теодот с Митром только-только явились, – говорила она между всхлипами. – Митр был очень слаб. Хотел, чтобы мы бросили его, но мы не согласились. Ты подстроил, чтобы за нами следили, ты знал, что мы собираемся бежать.

– Не подстраивал я. Не знал. Ничего я не знал.

Он заставил ее идти с ним, тянул за собой вновь и вновь, когда она порывалась вернуться домой. Они шли вместе по переулкам, затем – через базарную площадь, по открытому двору перед дворцом; люди, видевшие их, шарахались, испуганные замурзанным видом Ианты, засохшей кровью у нее на одежде и в волосах.

Во дворце Орест отыскал Электру, та отвела Ианту к себе в комнату.

– Электра, – сказал Орест. – Они перебили всю семью Ианты. Я их нашел. Они все убиты.

Электра подошла к двери – словно собралась охранять комнату от вторжений.

– Она сообщила мне, кто подстроил это убийство, – произнес Орест.

Ианта все кричала от страха и боли, и Электра с Орестом двинулись к ней, помочь.

– Зачем ты привел ее сюда? – спросила Электра.

– Куда еще нам было идти? – спросил Орест.

Электра глянула на него мрачно, раздраженно.

Орест ждал снаружи, Электра вымыла Ианту, передела в чистое. Когда его наконец позвали обратно, оба они обняли Ианту, та скулила и дрожала, и тут к ним внезапно зашла их мать с двумя стражниками.

– Что эта девушка здесь делает? – спросила мать.

Говорила она со смесью чистой ярости и властности, каких Орест у нее в голосе не слышал раньше никогда.

– Она пока побудет здесь, – сказала Электра.

– Кто отдал приказ, чтобы она появилась здесь? – спросила мать.

– Я, – сказала Электра.

– По какому праву?

– По моему личному, – ответила Электра, – как дочери своего отца, дочери своей матери, сестры Ореста, сестры Ифигении.

– Я знаю, чья ты дочь и чья сестра. Ты отдаешь себе отчет, что идет восстание? Ей нельзя здесь находиться.

– Через день-другой уйдет, – спокойно произнесла Электра. – Я дала ей свое слово, что она может здесь остаться.

– Я не желаю видеть ее, – сказала мать.

– Она не покинет этой комнаты, – отозвалась Электра.

– Уж будь уверена, так и будет!

Орест переводил взгляд с матери на сестру, замечая, что ни та ни другая ни разу на него не посмотрели. В их ярости он стал незримым. Они в бешенстве вперялись друг в друга, и он решил не поддаваться искушению и не говорить, что это он нашел Ианту. Не будет он настаивать, что она здесь по его приказу. Он знал, что лучше сейчас помолчать. Пока пусть мать вперяется в его сестру, а не в него.

Незадолго до этого он, возможно, поразмыслил бы, почему мать не спросила, что вообще стряслось с Иантой, или задался вопросом, почему мать не потребовала объяснений, почему одежда Ианты, пропитанная кровью, валяется на полу или почему Ианта неподвижна и безучастна, словно пойманное в неволю беспомощное существо.

Теперь он не размышлял. Теперь ему все было ясно. Его мать заказала эти убийства, так же как и похищения, – так же, как держала в руке нож, убивший отца.

Орест смотрел на мать с ледяным гневом.

* * *

Позднее, ужиная с матерью наедине, он заметил, что она вялая, жалуется на головную боль.

– Твоя сестра, – сказала она, – стала нешуточной докукой. Казалось бы, уж сейчас-то могла бы прийти и отужинать с нами, побыть в нашем обществе. Молясь по ночам, я благодарю богов за все, что они мне дали. Благодарю их за тебя. По крайней мере, мой сын вернулся и он со мной. Благодарю их, невзирая ни на что, вопреки любым разочарованиям, несмотря ни на чье коварство.

Улыбка у нее была теплой и доброй, с намеком на стойкость и

смирение. Но было что-то в ее позе, в голосе, что намекнуло ему на зловещие подводные течения: она полностью осведомлена, что он свершил, какую роль сыграл в освобождении Митра и Теодота, о том, что он сам отправился в дом к Леандру, не посоветовавшись с ней, где обнаружилась гора трупов. В ее голосе он засек предупреждение, намек на металл и твердость, какие она явила в комнате у Электры, и он с нетерпением ждал, когда сможет убраться от матери.

– Иди поцелуй меня, прежде чем меня покинуть, – сказала она, когда он встал. – Сейчас такое время, что всем нам надо быть внимательными. За всем присматривать, прислушиваться – даже к малейшему шепоту.

* * *

Стражник при Оресте куда-то делся, замены ему у двери не возникло. Орест спал урывками и проснулся от шума чьего-то присутствия у себя в комнате. Испуганно сел, Электра зашептала, чтоб вел себя тихо, не возился.

– Мать спит, стражники, верные ей, не видели, как я сюда пришла, – сказала она. – За дверью – один из моих. Уловишь звук – это предупреждение, чтоб сидели молча, совершенно молча.

– Чего тебе надо? – спросил Орест.

– Эгиста нет, можем действовать. Больше нет у нее защитника. Она теперь не захочет оставаться со мной один на один – даже близко от меня. Когда гуляла со мной по саду сегодня, до того, как ты вернулся, держалась на расстоянии, но больше она со мной по саду гулять не станет. Больше не дерзнет. Боится.

– Чего?

– Того, что я с ней сделаю.

Оресту на миг показалось, что он перестал дышать.

– На пути в погруженный сад есть шаткие ступеньки, – продолжила Электра. – Мать ходит там каждый день. Это часть ее прогулки – после того, как мы расстаемся. Завтра после обеда пойдешь с матерью. Держаться будешь как обычно. Трое стражников последуют за вами, но, когда окажешься у ступенек, двое устроят третьего и уберутся сами. Все сделают тихо. Не глазей на это. Не привлекай внимания. Нож, который тебе пригодится, будет под шатким камнем третьей ступени, если считать сверху. Возможность – одна-единственная. Упустишь – она прикончит нас обоих.

– Ты хочешь, чтобы я ее заколол? – спросил Орест.

– Да. Она убила твоего отца собственными руками, приказала похитить

тебя, забрать Теодота и Митра. Приказала убить всю их родню.

– Я видел, как убивали Ифигению, – произнес Орест чуть ли не для того, чтобы сменить предмет разговора, отвлечь ее. – Я видел.

– Что ты видел, не имеет значения, – сказала Электра.

– Это сделал отец, – сказал Орест. – Я видел, как мой отец наблюдает...

– Ты боишься? – спросила Электра.

– Чего?

– Убийства.

– Нет.

– Когда все будет кончено, верные нам стражники откроют дворцовые ворота, явятся другие, разберутся с той частью стражи, которая осталась верна матери. Убьют тех, кого она отправила резать семью Теодота. Дворец будет наш.

– Откуда ты знаешь, что двое завтрашних стражников – за тебя? – спросил Орест.

– Я вложила труд и подготовилась к завтрашнему. Она тебя не заподозрит. Никто не догадывается, какой ты храбрец.

– Откуда ты знаешь?

Электра на миг задумалась, улыбнулась.

– Я об этом молилась, – произнесла она. – Что ты вернешься храбрым. Я знаю, ты храбр.

– Я уже убивал, – сказал Орест.

– Мы разберемся со всеми нашими врагами, когда возьмем власть в свои руки, – продолжила Электра, не обратив внимания на сказанное Орестом.

Орест молчал.

– Замысел полностью готов, – говорила Электра дальше. – Ты – единственный, кто способен его воплотить.

– Разве нельзя просто поймать ее? Выслать куда-нибудь?

– Куда? Слушай, стража скоро придет в этот коридор. Мне нельзя оставаться тут с тобой. И, пока все не свершится, я не смогу позволить себе тебя видеть. Посижу у себя с Иантой, пока не придет весть, что мать убита. Буду молиться богам, чтобы все свершилось.

– Нож будет на месте?

– Он уже там. Третья ступенька, шаткий камень. Она оставила его.

Ночь истекала, и он знал, что поступит по слову сестры. Отомстит за гибель отца. Завтра он сделает все, чтобы мать ему доверяла. Станет обращаться с ней по-доброму, изобразит покорность и желание слушаться ее, а затем будет храбрецом.

В разгар утра он уже едва ли не завидовал матери: ей хватило решимости вырезать целую семью, а затем спокойствия, чтобы гулять по саду, выходить к столу и за столом болтать о пустяках. Должно быть, так же было с ней и в день, когда она убила отца. Он помнил ее, улыбчивую, у дворцовых дверей – само гостеприимство.

Она умеет убивать, думал он. Она знает, каково это – убить. Но тут его осенило, что и он это знает: он не ждал наставлений Леандра, перед тем как убить стражника и тех двоих, что пришли к дому старухи. Воспользовался обстоятельствами. Сейчас ему оставалось только одно: просить помощи у отцова духа, просить сил, но просить и дара не показать свою силу, пока не наступит нужный миг.

Смелости просить не придется, думал он. Смелость уже при нем.

* * *

Они встретились у нее в комнате, и мать сообщила, что ускорит его отбытие.

– Еще немного, – сказала она, – и некоторые дороги перестанут быть безопасными. Лихое сейчас время. Динос известил меня, что сейчас ему по силам обеспечить тебе сохранность. Он встретит тебя на полпути, но отправит вперед кого-то из своих людей, чтобы они нашли тебя раньше. Лучше всего выезжать с первым светом. Я выбрала самых доверенных и способных стражников оберегать тебя в начале твоего странствия. Нам неизвестно, что здесь будет происходить. Для повстанцев, как я уже говорила, ты – золотая добыча, единственный сын твоего отца.

Если мать способна притворяться с такой захватывающей дух легкостью, думал он, ему тоже это по силам. Он сосредоточивался на каждой интонации своего голоса, на каждом жесте. Изобразил, что готов подчиняться, однако целиком погрузился и в подробности, словно у него была власть и он желал все взвесить. Сделал вид, будто заботит его только одно: как лучше всего начать путь.

Они поели вместе, он внимательно слушал мать, одновременно стараясь не наблюдать за ней слишком пристально. Сообщил ей, что он устал и не выспался, добавив, что рано отправится в постель нынче вечером, она ответила, что и сама ляжет спать пораньше, чтобы встать до рассвета и проводить его.

Он был с ней, пока она готовилась к прогулке в саду. Старался не смотреть на стражников, ожидавших у ее дверей, готовых сопровождать ее, и промолвил как можно небрежнее, что, вероятно, прогулялся бы с ней: прогулка поможет ему заснуть, когда придет вечер.

Призвав на помощь отца, он представил себе грядущее как нечто благословленное богами, нечто полностью в их власти.

Мать сорвала несколько цветков, глянула в небо, на солнце, рассуждая о жаре и о том, что комната Ореста лучше всего приспособлена к зиме, она сохраняет тепло, но зато летом в ней хуже всего. Двигалась к ступенькам погруженного сада и размышляла вслух, не стоит ли Оресту перебраться по возвращении в другую комнату, попрохладнее.

Когда они спустились на три-четыре ступени, Орест услышал, как охнул один стражник. Оглянулся и увидел, как двое других скрутили его.

Мать тоже услышала и обернулась. Когда он нагнулся и нашел нож, она оказалась к нему едва ли не лицом. Увидев, как он подбирает нож, она мгновенно вскрикнула и попыталась проскользнуть мимо него, столкнуть его в кустарник внизу. Но он двинулся к стене, смог утащить ее за собой, воткнуть ей в спину и вытащить нож. Из всех сил толкнул ее, чтобы она упала в заросли.

Когда он приблизился, она лежала навзничь. Пытаясь заколоть ее в шею, он отчетливо видел ее глаза, ужас в них. Она защищалась руками, держала его, пока хватало сил. Ей ничего не оставалось, лишь звать на помощь. Он заколол ее в грудь и в шею, а затем держал, пока жизнь ее не покинула.

Клитемнестра

Наступит время, когда тени обернут меня собою. Мне это известно. Но сейчас я бодрствую или бодрствую почти. Помню то и се – вспоминаются очертания и призрачные голоса. Дольше всего держатся черты, черты людей, присутствий, звуков. В основном я гуляю среди теней, но иногда рядом оказывается намек на кого-то – того, чье имя я знала когда-то или чьи голос и лицо были мне подлинны, кого-то, возможно, когда-то любимого. Я не уверена.

Впрочем, есть один отголосок, что приходит и остается. Это моя мать в некий миг далекого прошлого; она беспомощна, ее теснят. Я слышу крики – ее крики – и пронзительные вопли фигуры над ней, или же эта фигура лежит на ней, а затем – крики громче, силуэт ускользает, фигура с клювом и крыльями, с тенью крыльев, крылья бьют по воздуху, мать лежит бездыханно, стонет. Но мне неизвестно, что это все означает и почему навещает меня.

Чувствую, что, если останусь неподвижна, придет что-то большее. Трудно не бродить по этим местам, когда царит тишина. Там есть присутствия, с какими хотела бы я соприкоснуться, присутствия близкие, но близки они недостаточно, чтобы притронуться, разглядеть. Не думается мне об именах – об их именах. И лица их я не вижу отчетливо, хотя бывают мгновения, пока я тиха, пока не прилагаю усилий какое-то время, чтобы вспомнить, сосредоточиться, мгновения, когда лицо надвигается, лицо кого-то знакомого, но блекнет прежде, чем обретает черты того, кого я узнаю.

Знаю, было чувство и есть различие между тем, где я сейчас, и тем, где находилась когда-то. Было время, знаю, когда жила во мне ярость, жила во мне скорбь. Но теперь я утратила то, что ведет меня к ярости или скорби. Возможно, брожу я в этих местах лишь потому, что есть какая-то связь с другим чувством – или с тем, что от него осталось. Возможно, это чувство – любовь. Есть кто-то, кого я люблю до сих пор – или любила и защищала, но в этом я не уверена. Не приходит имен. Приходят слова, но не те, каких я желаю: я желаю имен. Смогу назвать имена – узнаю, кого я любила, найду их или пойму, как увидеть их. Заманю в тени, когда время придет.

Никто в их мире не знает, как мало здесь есть. Всё пустота, чужеродность, молчание. Едва ли движение. Отзвуки, словно вода вдалеке

течет под скалой, а затем, иногда, этот звук надвигается, но все равно глух. Если слушаю слишком усердно, он исчезает.

Может, есть нечто, не обретшее окончания, пока я там была, и оно не проходит – как слова, что должны быть произнесены, или же как слова, что не дались мне и вернутся, или могут вернуться, или вернуться обязаны, пока я здесь жду. Всё со временем. Я не знаю, сколько его у меня или сколько его вообще. Но знаю, что должна истончиться, что в этом я не смогу задержаться. Истончение постепенно. К концу я не буду знать ничего. Надеюсь лишь еще на один порыв, на часы или даже мгновения, когда возвращусь в мир и в нем погощу, недолго, словно жива.

Пока же есть память, она связывает, соединяет, отталкивает. Она – почти нечто. Смутная мысль парит, но никогда не устойчива. Словно фигура с крыльями, она подбирается к тому, что бывает – или же было. Я живу внутри того, что наделено плотью. Ощущаю, как скользят вдаль многочисленные настоятельные устремления.

Впрочем, остались мне лишь серые очертания, лишь намеки.

Похоже, вот какова она, тень, каков отголосок. Черты, силуэты, вроде бы сообразные в прошлом, может, все еще сообразны, однако сейчас будто случайны. Вот бы постичь, в чем были их намерения, или же пошептать тому, кто сотворил их. Это желание ближе всего к тому, что есть во мне из чистых чувств, но и оно вовсе не близко. Меня здесь оставят на часы, или дни, или годы, какие мне причитаются. Не дольше.

Оторопь и растерянность вытесняют правду и знание, вытесняют все настоящее, осязаемое. Пространство, где я обитаю, подобно печальному дару, что выдан, но будет отнят.

А затем мне приходит слово, слово, в котором я не сомневаюсь. Слово «греза». Оно появилось, и я знала, что «грезой» было когда-то или всё есть, и не усомнилась: я не грежу в этом ничто и ничто происходящее – не греза; все настоящее, все действительное.

Следом возникли другие слова – словно звезды в темнеющем небе. Я отчаянно возжелала присвоить их все, но не смогла удержать. Они падали, или блестели, или же удалялись. Но довольно было и увидеть их, чтоб осознать их силу, понять, что некоторые возвратятся, станут частью устойчивой тени, ведущей меня.

Я шла коридорами того дворца, где когда-то жила. Почти помнила кое-что из случившегося. Был чей-то образ в саду или же на ступеньках, что вели в сад, на меня смотрели свирепо, свирепо дышали, а затем – ничего, лишь неподвижность в саду, а еще чуть погодя не стало и сада, одно лишь пространство.

Но я все еще бодрствовала. Ждала, зная, что впереди перемены, что так не будет всегда. Осознавала, как легко, стоит мне появиться в тех коридорах, страже заметить меня, если подам звук или задвигаюсь быстро и возмущу воздух. А затем, постепенно, я начала понимать, зачем я здесь и кого ищу. Его имя мне не явилось, и лица я вообразить не смогла, но чувствовала, что он близко.

Могла вообразить стражника, увидевшего меня или заметившего мое присутствие, как он советуется с другим стражником, а затем оба двигаются на меня: один из них – тот, кого я ищу, или же его друг, что о нем заботится.

Мой супруг мертв, как и дочь моя. Они оба – полностью тени. Дочь здесь, но тот, кого я ищу, – мой сын.

Я бодрствую; известные мне слова спят. Иногда они ворочаются в ночи или в своем беспредельном сновидении издают звуки, а затем просыпаются. Часто, пусть лишь на миг, они открывают глаза и следят за мной. Я выдерживаю их взгляд, чтобы они, засыпая опять, меня не забыли. Изучаю их, пока они неподвижны. Улавливаю любое движение их. Мне слышны их темные стоны в ночи, перемежающие их дыхание. Вижу, как они тянут руки, чтобы я их взяла.

Теперь я различаю ночь и день. Знаю тишь, что спускается на сады и коридоры в ночи, молчание, что нарушают лишь тихие перемещения стражников или котов. Вот мое царство, где я вольна бродить. Выхожу в сад и осознаю, что стражники чувствуют движение воздуха. Остается всего одно, чтобы дать им понять: я – с ними. Звук. Стремительный жест.

Когда время пришло, я знала, что услышу его имя, имя моего сына, довольно и прошептать его, будто кто-то молится. Оно придет ко мне, когда будет нужно.

– Орест, – прошептала я в такую ночь и удалилась в тени. – Орест, – повторила я, отпуская отзвук по коридору.

Увидела, как двое стражников забегали туда и сюда, призвали еще одного, друга моего сына, тот заметался, стал проверять двери и закоулки.

Я ждала, пока он не ушел, и затем зашептала одному из стражников.

– Скажи Оресту, что я его мать. Он должен выйти один в коридор. Пусть будет один.

Стражник будто собрался удрать, но затем замер.

– Повтори, – произнес он тихо, повесив голову.

– Скажи Оресту, чтоб вышел один, – сказала я.

– Сейчас? – спросил он.

– Скоро. Пусть Орест выйдет скоро.

- Ты намерена причинить ему вред?
- Нет, я не намерена причинить ему вред.

Орест

Когда пришли вести, что Диноса убили, Эгиста взяли в плен, их войска разбили наголову, а Леандр с армией возвращается к дворцу, Электра поселилась в комнате у матери, в угол поставила ложе для Ианты. В те дни, когда Орест ел с ними, его поражало, что сестра обращается со слугами в точности так же, как в свое время мать. Сам голос Электры, похожий на материн, словно бы подчеркивал, что она тут при власти, даже когда было ясно, что она глубоко озабочена чем-то еще. Иногда почти не имело значения, что именно она говорила.

Оресту это оказалось едва ли не утешительным, поскольку ему самому мало что было сказать. Ианта вообще не разговаривала: мягко вперялась вдали, будто само понятие речи было ей чуждо – ненужное отвлечение.

После убийства матери Электра к Оресту в комнату не пришла. Когда он в тот день вернулся к себе – услышал, как она орет в коридоре. Счел в некий миг, что сестра придет с ним поговорить, посидеть на его постели, утешить его, похвалить, расспросить в подробностях о том, что случилось. Но она целиком заняла себя тем, чтобы всех стражников матери застали врасплох и удавили или зарубили насмерть, а затем – чтобы стражников, в чьей верности были сомнения, упрятали в темницу.

В тот вечер Орест ел один, у себя. После ужина поспал. Затем проснулся и вышел в коридор, увидел, что его стражника нет. Походив туда и сюда, отмечая стоявших на своих постах, он ощутил непреодолимое желание, чтобы кто-нибудь из них зашел к нему в комнату. Поразмыслил над знаками, которые давал им по ночам Эгист, и стражники шли за ним следом в какую-нибудь комнату. При мерцающем свете факелов на стенах Орест внимательно присматривался к каждому, шагая мимо, но все они вели себя как обычно – делали вид, что не замечают его.

В постели он подумал о том, что скоро вернется Леандр. Размышлял о том, что Леандр потерял всю семью, кроме сестры. И хотя весть о том, что случилось с Диносом, Эгистом и их армией, добралась во дворец, вряд ли, думал Орест, посыльные двигались в обратную сторону. Размышлял, знает ли Леандр, что у него больше нет родни, не считая Ианты, – как и у него, Ореста, нет никого, кроме Электры.

Когда они останутся наедине, он расскажет Леандру, как нашел тела, как прикончил мать, которая заказала эти убийства. То, что он совершил,

думал Орест, сблизит их с Леандром, как сблизились Электра с Иантой. Эти две и вправду стали неразлучны – в точности как они с Леандром в последние месяцы после смерти Митра ни на миг не покидали друг друга. Он вообразил комнату матери ночью, вообразил Ианту во всей ее чужеродной красоте, как она перебралась к его сестре, – так Леандр был рядом с ним в темноте. Стоило ему подумать об этом – и его желание увидеть Леандра, быть рядом с ним среди ночи сделалось нестерпимым и длилось до утра, начало переполнять его дни, и он ждал возвращения друга.

* * *

Однажды утром он зашел к сестре в комнату и обнаружил, что Электра взбудоражена. Ианта спокойно наблюдала, а сестра сказала, что их матери от Леандра пришло сообщение – в виде военного приказа. Леандр сказал, что требует места, где он сможет держать узников, и пусть двенадцать старейшин соберутся – и без их согласия чтобы никаких действий, пока он не явится со своей армией. А еще он сказал, пусть уведомят его семью, что он скоро вернется домой.

– Как тут понять, что́ сказать, – заявила Электра. – Я не могу слать ему сообщение и уведомлять, что́ случилось с его родней, потому что он запретил посыльному разглашать, где Леандр находится. И разумеется, я не могу доложить ему о гибели своей матери. Его сообщение намекает, что он располагает властью, но в этом дворце власть – наша.

Оресту хотелось сказать, что ни она, ни кто другой в этом дворце власти не имеет. Их защищала кое-какая стража, но вести о поражении армии распространялись, и Орест не был уверен, что эта стража им все еще полностью верна.

– Правильно ли я понимаю, – нетерпеливо спросила Электра, – что ты со мной согласен?

– Велика ли армия у Леандра? – спросил Орест.

– Не знаю, – отозвалась Электра.

– А наша армия?

– У нас нет армии. Последняя пошла за Диносом. Но у нас есть дворец, хорошо охраняемый преданными мне людьми.

– Преданными тебе?

– Нам. Нам обоим.

– Ты уверена, что Леандр действительно ведет армию?

– Мне так сказали. Он вел победоносную армию – или же выжил среди тех, кто ее вел. Говорили мне и что Эгист – его узник. И я пригляжу, чтобы

с Эгистом, когда он окажется здесь, тут же разобрались.

Орест глянул на Ианту, та отбросила волосы со лба и переводила взгляд то на него, то на сестру, будто намекая, что у нее хлопоты поважнее, чем у них обоих. Орест осознал: ей придется сказать брату, что случилось со всей остальной семьей.

* * *

Армия пришла ночью. Первым делом Леандр окружил дворец. Затем потребовал встречи с Клитемнестрой и старейшинами. Получив это послание, Электра призвала Ореста к себе.

– Я ему не ответила, – сказала она.

Ианта в углу укрылась одеялом.

– Предлагаю впустить Леандра во дворец незамедлительно, – сказал Орест.

– На каких условиях? – спросила Электра.

– Он мой друг и брат Ианты.

– Он вождь армии, – сказала Электра.

– Электра, – проговорил он, – он придет, невзирая на то, разрешим мы ему или нет. Сопrotивляться ему бессмысленно.

– Ты бросаешь меня? – спросила она. Орест не ответил. – Его посыльный ждет у двери, – продолжила Электра. Голос ее был тих от подавленной ярости. – Леандра мы пригласим от твоего имени.

Орест с сестрой отправились к дверям дворца и приказали их открыть. Снаружи Леандра окружали его сторонники. Из-за криков и ликования никто не услышал, когда Орест сказал, что приглашает Леандра внутрь.

– Войди один, – сказал Орест.

Леандр остановился и слегка прикоснулся к его плечу, и Орест увидел едва затянувшуюся рану на одной стороне лица Леандра. Плоть полоснули мечом.

– Войди один, – повторил Орест громче.

– Я войду со своей стражей, – сказал Леандр. – Никто, входящий в этот дом, не в безопасности.

Он протолкнулся мимо Ореста, за ним – пятеро стражников. Леандр шагал по коридору, Орест старался его нагнать, Электра – следом. Не раз и не два Орест пытался привлечь внимание Леандра, но тот, решительно устремляясь к комнате Клитемнестры и не желая задержек, не обращал на Ореста внимания.

Когда Леандр и его стража ввалились в комнату, Ианта стояла в тени, и он поначалу ее не заметил.

– Где твоя мать? – спросил Леандр у Электры, когда те наконец вошли. Девушка не ответила, он повернулся к Оресту.

– Требую встречи с твоей матерью.

– Она мертва, – сказала Электра.

– Мне об этом никто не сказал, – промолвил Леандр.

– Никто не мог тебя найти, – отозвалась Электра. В тот миг Оресту почудилось, что свет в комнате переменялся, словно лампы на стенах обрели силу настоящего солнца. Ианта двинулась к брату. Босая, волосы распущены: она казалась невероятно хрупкой, едва ли не призрачной.

– Почему здесь моя сестра? – спросил Леандр. Глянул на Электру, та не ответила. Леандр повернулся к Оресту, понизил голос и обратился к нему впрямую:

– Почему здесь моя сестра?

– На дом напали, – сказал Орест.

– На мой дом? – спросил он. – На наш дом?

– Да, – тихо ответил Орест, выдерживая взгляд Леандра. – Твой отец...

– Где мой отец? – спросил он.

– Он убит, – сказал Орест и вздохнул. – Они все убиты.

– Моя мать?

– Да. Все.

– Твоя сестра... – начала Электра.

– Что – моя сестра? – прервал ее Леандр. – Что тебе до моей сестры?

– Мы нашли ее, – сказала Электра. – Она была под нашей опекой.

– Кто нашел ее? – спросил Леандр. Шрам у него на лице потемнел багрянцем и пурпуром.

– Я, – промолвил Орест.

Ладони Леандра взметнулись к лицу, локти задрались, словно вне его власти.

– На дом напали? – спросил он.

– Да, – отозвался Орест.

– Всех убили, говоришь? – спросил он тихонько. – Все они мертвы?

Он приблизился к Оресту, встал напротив, затем повернулся к Электре, а потом подошел к окну.

– Пусть будет у меня миг, когда не надо в это верить, – сказал он. – А затем скажите, правда ли это.

Молчание длилось несколько мгновений, и он заговорил вновь.

– Это правда? – спросил он.

Ему никто не ответил, и он повторил свой вопрос, в голосе – ледяная ярость.

– Это правда?

– Это правда, – прошептала Электра.

– А ваша мать? – спросил он. – Как она умерла?

– Я убил ее, – сказал Орест.

– Ты убил свою мать?

– Да.

– Кто сказал, что ты вправе? – спросил Леандр. Ответа он не ждал, а принялся выкрикивать этот вопрос, повторил его несколько раз, пока Электра дерзко не ответила ему:

– Я сказала, что он вправе. Боги сказали, что он вправе.

– Богам нет никакого дела до нас! – крикнул Леандр. – Никакого! Мы от них больше ничего не получим. Их время истекло.

– Моя мать заказала эти убийства, – начал Орест. – Она...

– Я не желаю слышать, что она сделала, – сказал Леандр. – Ее больше нет. Этого разве недостаточно?

Леандр подошел к Ианте, прижал сестру к себе и умолк. Орест осознал, что Электра, как и он сам, понимает: есть всего миг, чтобы попробовать взять власть в свои руки, но стоит Электре попытаться, Леандр устранил и ее, и Ореста. Леандр тяжело дышал, взгляд его метался по комнате с предмета на предмет, а Электра, казалось, напевает молитву.

– Мне надо, чтобы открыли кухни, – наконец произнес Леандр. – Войска не ели несколько дней. Мне нужны двенадцать старейшин, о которых я спрашивал, пусть соберутся здесь. Мне нужно место в темнице, сейчас же. Есть ли там свободное место?

Он переводил взгляд с Электры на Ореста.

– Кто-нибудь мне ответит?

– Нет свободного места, – спокойно ответила Электра. – Там стражники, верные моей матери.

– Пусть их разоружат и разместят в какой-нибудь комнате, – велел Леандр. – Пусть открывают кухни, немедленно, и призовут старейшин. Мне надо их сейчас же увидеть.

Орест наблюдал, как Электра с недовольной надменной гримасой подошла к стражникам и заговорила с одним.

* * *

Шло утро, дворец превратился в базарную площадь: на кухни подали еду, комнаты в передней части дворца наполнились солдатами, те ели, спали или сидели компаниями, беседовали, в коридорах галдели посыльные и узники, женщины разыскивали своих мужей, братьев,

сыновей.

Когда в пристройке рядом с дворцом, что пустовала много лет, собрались старейшины, Леандр объяснил, что ему нужен совет, как поступить с Эгистом, которого пока тщательно стерегли в подземелье. Электра выразила мнение, что разбираться с Эгистом следует очевидным образом, и кое-кто из старейшин с ней согласился.

– Это не очевидно, – возразил Леандр. – Эгист знает во всех подробностях, что тут происходило. Он единственный уцелел из тех, кто знает. Возможно, есть еще похищенные вроде моего деда, Митра и его семьи, заточенные где-нибудь далеко отсюда. Лишь Эгист знает, где эти места. Он – единственный, кто может пригодиться, чтобы освободить их.

Пока он говорил, к нему пробралась Ианта, подождала, пока он закончит, а затем зашептала что-то ему на ухо. Слушал он внимательно, словно она говорила что-то примечательное, однако не очень значимое. А затем отвернулся и сложился пополам от боли. Орест на миг подумал, не стоит ли подойти, утешить, но Леандр стоял на коленях, недостижимый, скрученный плачем. Оставалось лишь молча смотреть на него. Ианта потянулась к нему, Леандр нащупал ее руку, задержал в своей.

* * *

Позднее Леандр и большинство старейшин решили, что Эгиста следует пощадить, но придется сломать ему ноги, чтобы он не шнырял по дворцу и не плел заговоров. Леандр постановил, что, когда Эгист выздоровеет, его нужно привести на собрание и включить в беседы, однако наблюдать за ним пристально.

Электра возразила – потребовала казни, но ее не поддержали.

– Довольно уж было убийств, довольно трупов, – сказал Леандр.

Поскольку Ианта оказалась собеседником сердечнее, чем Леандр или Электра, – они теперь не обращали на него внимания и на совещаниях о судьбах их врагов часто делали вид, что брата Электры вообще тут нет, – Орест усаживал Ианту рядом.

Когда она принялась приходить к Оресту по ночам, он не спрашивал, послала ли ее к нему Электра или как Ианта объясняет ей свои отлучки – и уж точно не спрашивал, знает ли ее брат, чем она занимается.

Они ложились вместе, и Орест поразился, до чего сильно желал ее и как возможность быть с ней ночами облегчала ему дни. Поначалу Ианта робела, едва ли не боялась его прикосновений. Но вскоре уже обнимала его, позволяла обнять себя и они спали рядом.

Орест наблюдал за переменами в Электре, возникшими с возвращением

Леандра. Она больше не ходила на могилу к отцу. Сделалась стремительной, едва ли не резкой. Весь день раздавала указания, советовалась с Леандром и со старейшинами, применяла власть, и движения ее стали решительными и отрывистыми, голос приобрел глубину, тон сделался требовательнее, отчетливее. Она больше не заикалась о богах и духах усопших, говорила в основном об удаленных краях, какие можно было бы подтянуть в ее владения. Походила на человека, пробудившегося от грезы.

Орест размышлял, в какой мере это всё напускное и под каким нажимом этот театр можно разоблачить, – так спала с Электры давнишняя маска дочери, жившей под сенью богов.

В самой просторной дворцовой комнате Электра проводила все дни с Леандром. Когда им нужны были старейшины, их призывали. Оресту иногда думалось, до чего понравились бы матери новые порядки, срочные сообщения, приказы, расписание встреч с теми, кто ждал в очереди у дворца.

Он теперь видел, с каким почтением обращаются его сестра и Леандр с Эгистом, чье знание старых родовых распрей и древних споров о границах владений или того, какая земля самая плодородная, каким людям не стоит доверять, было подробным и соответствовало действительности. Эгист сидел в кресле, словно ничего не случилось. Когда приходила пора двигаться, утрата силы в ногах казалась малой помехой – или дополнительной чертой, придававшей Эгисту обаяния.

Само собой, поскольку он поселился в бывшей комнате Электры, по настоянию Леандра – возражая Электре, Леандр пояснил, что там за Эгистом проще хорошенько следить, – у Эгиста бывало много ночных гостей, начиная со слуг, приносивших ему еду и сердечные приветы с кухонь. Электра воспротивилась присутствию Эгиста за их столом и изгоняла, пусть идет к себе, когда дневные дела завершались; Эгист этим пользовался. Поползли слухи, что лучшие куски мяса и самая свежая выпечка попадали на его уединенный стол. После трапез являлись другие посетители, некоторые не уходили до рассвета.

Выбравшись из темницы, Эгист уделял Оресту пристальное внимание. Ему, очевидно, доложили, что это Орест убил Клитемнестру, и Орест видел, что мысль эта и ошарашивала бывшего материнского любовника, и углубляла его интерес к ее сыну.

Как-то раз, когда старейшины обсуждали замысел обводнения и Эгист заговорил, Орест перехватил взгляд Электры. Она мрачно ему улыбнулась, Орест ей кивнул. Ему было ясно, что его сестра не намерена терпеть

Эгистово присутствие чересчур долго. Что бы там ни думали себе Леандр или старейшины, Орест понимал, что, когда все остальное уляжется, Эгиста втихаря прикончат. Орест все еще хранил нож, которым убил мать. Прятал у себя в комнате. Пусть Электра подаст знак, и Орест будет готов применить этот нож вновь.

* * *

После возвращения Леандра они ни разу не разговаривали ни о месте, где их держали, ни о побеге, ни о доме старухи, ни о Митре. Случившееся в то время теперь приходило Оресту на ум – отдельными мгновениями, одинокими образами, вспышками памяти, и от этого они были ярче, потому что их непросто было соединить между собой. Он чувствовал, что Леандр, выяснив, как близко было после их побега освобождение, не желал обсуждать те годы. Они будут обречены на забвение, думал Орест. Хотя и не мог навестить то время вместе с Леандром, он, когда был один, сам воскрешал их в воображении. Но этого не было достаточно: воспоминания усохнут, сожмутся, истают, пока не придет пора, когда случившееся станет небылью. Орест будет единственным помнящим.

Несколько раз он сталкивался с мальчиками – теперь уже взрослыми мужчинами, – что были в заточении вместе с Орестом, и видел, что после того, как он вернулся, они его избегают. Разумеется, думал он, лишь теперь он вновь начал слышать их имена. Они приходили во дворец со своими отцами, кивали ему из учтвого узнавания – но не более.

Леандр обжил комнату в передней части дворца, где наблюдал за прибытием войск. Это он решал, каким стражникам выходить на посты, а поскольку стражники подчинялись ему напрямую, Орест решил, что Леандр знает наверняка, когда Ианта каждую ночь покидает комнату Электры и приходит к Оресту, однако перед первым рассветным проблеском возвращается в покои Электры. Несколько раз, когда он провожал Ианту к дверям, его подмывало пройти по коридору и посмотреть, не спит ли ее брат, но Орест боялся того, что мог бы узнать, поймай он Леандра врасплох в его покоях.

Иногда он чувствовал, что и его сестра, и Леандр бросили его сознательно: он напоминал им о событиях, которые они хотели бы сгладить, забыть. Они неохотно оставались с ним наедине. Он больше не занимал их – как боги и духи более не занимали Электру или события прошлого не увлекали Леандра.

Орест все еще жил где-то в тених, среди призраков; в этих краях обитали и Электра с Леандром, однако они перебрались туда, где светила

надежда, а одно лишь присутствие Ореста ее, казалось, гасило. Ему было странно, что, пока Орест оставался во дворце, Леандр вышел в мир, и что, пока Орест пребывал подле матери, Электры и Ианты, Леандр превратился в воина, подобного отцу Ореста. Убийство матери делалось для него все менее настоящим, чем-то никем не упоминаемым, словно и не случилось оно.

* * *

Однажды, когда он зашел к Электре, она стояла у окна и что-то сосредоточенно обсуждала с какой-то одинокой фигурой. Орест молча понаблюдал за ними. Когда человек обернулся, Орест понял, что это стражник, с которым они освобождали Теодота и Митра. По расслабленной позе этого стражника и по его готовности перебивать сестру было件нятно, что они говорят на равных – или же как люди, хорошо друг другу знакомые.

Они тут же умолкли, стражник отпрянул, сделал вид, что занят чем-то еще, а Электра озабоченно заходила по комнате. Будто их застали врасплох.

Орест смотрел на них, но его сосредоточенность нарушила Ианта, попросив посидеть с ней. Он сделал вид, что слушает ее, а сам восстановил в уме увиденное, очевидную близость между его сестрой и стражником и ощущение, что те не желали, чтобы он видел их вместе.

Электра, казалось, по временам его даже не замечала, а Леандр продолжал пренебрегать им, вместе со старейшинами они исключали его из обсуждения своих замыслов, и Орест все больше ощущал себя осужденным на одиночество. Все они – возможно, даже Ианта – легко разбирались в сложной путанице замыслов и союзов, особенности которых понимали только они. Оресту хотелось опять стать ребенком, жить во времени, когда все это его не касалось, когда он был мальчиком, желавшим привлекать взрослых к потешным боям на мечах.

* * *

Ианта проводила дни в комнате, где бурлила деятельность. Она знала всех посыльных по именам и замечала, во сколько кто был отправлен и когда его ждать обратно. Помнила она и что обсуждалось, и по каким вопросам призывали к совету того или иного старейшину. Говорила она обычно мало. Умела, как заметил Орест, слушать, вроде бы собираясь заговорить, но потом передумав. Она создавала впечатление погруженной в собственные мысли, но при этом и внимательной ко всему вокруг.

Когда она сказала Оресту, что беременна, он попросил ее подождать немного и не сообщать Электре с Леандром. Желал, чтобы во дворце было хоть что-то, принадлежащее лишь ему, какая-то тайна, не известная никому, кроме него.

– Я им уже сообщила, – сказала она.

– Прежде, чем мне?

– Теперь и тебе.

– Почему ты сказала им первым?

Она не ответила.

Назавтра Орест наблюдал за Леандром, как тот делал вид, будто погружен в беседу с кем-то из старейшин. Наконец Орест протолкался вперед.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказал он.

– Мы сегодня шлем посыльных, много дел.

– Это дворец моего отца, – произнес Орест. – Со мной тут в таком тоне никто не беседует.

– Чего тебе надо?

Леандр был явно раздражен. Несколько старейшин двинулись к ним – послушать их разговор.

– Мне нужно остаться с тобой наедине.

– Может, когда дневные дела закончатся.

– Леандр, – прошептал Орест. – Я сейчас пойду к себе и хочу, чтобы ты шел за мной.

У себя в комнате Орест заранее подобрал слова. Но, когда появился Леандр, Орест заметался, начав разговор, будто думал вслух и говорил с кем-то, кто привык подчиняться приказам.

– Пока тебя не было, тут много чего случилось, – сказал он. – Я изучал применяемые нами системы. К примеру, как мы поднимаем налоги или как разбираемся с окраинами. Не один Эгист знает больше прочих – я знаю не меньше. Некоторые старейшины знают то и это, но им лучше не доверять. За ними следует приглядывать.

Леандр оперся на стену, слушал.

– Когда я приглашен, я внимательно слежу за рассуждениями, – продолжал Орест, – и, мне кажется, лучше бы обустроить собрание поменьше. Кое-какие предложенные сведения ложны, а некоторые решения – ошибочны. Я знаю, что сведения ложны. Я уверен, что решения ошибочны.

– С кем ты изучал наши системы, раз такой уверенный? – спросил Леандр.

– С матерью.

– И ты хочешь, чтобы мы поверили, будто она говорила тебе правду?

– Мы изучали системы правления.

– А затем ты ее убил?

– Она приказала убить всю твою родню. Это совершили по ее указанию. Она же убила и моего отца.

– Я все это знаю, – сказал Леандр.

– Леандр, я – за тебя. Пока тебя не было, я делал все, о чем ты меня просил.

– Я ни о чем не просил.

– Ты направил мне сообщение и велел мне освободить твоего деда и Митра.

– Никаких сообщений я тебе не слал. Я был в боях. Я не знал, где мой дед. Если бы ты не освободил моего деда, он, может, был бы сейчас с нами.

– Кто же тогда послал мне сообщение, если не ты?

– Мне и без того есть о чем подумать, – сказал Леандр.

Они вперялись друг в друга, в воздухе копилась враждебность, но тут Леандр поманил Ореста к себе. Орест приблизился, Леандр протянул руку, погладил Ореста по лицу и по волосам.

– Старейшины не хотят, чтобы ты вмешивался во что бы то ни было, – произнес Леандр. – Они не хотят даже, чтобы ты был с нами, слушал. Ты допущен лишь потому, что мы с Электрой настояли. Старейшины желают тебя выслать.

– Почему?

– Ты можешь назвать хоть одного человека, сотворившего то же, что и ты?

– Если бы я не убил мать, тебя бы здесь не было.

– Был бы.

Леандр притянул Ореста к себе.

– Моя сестра хрупка, – сказал он. – Когда ты ее нашел, она жаждала смерти. Хочу, чтобы ты был с ней, чтобы ты с ней остался. Не хочу, чтобы ты ее покинул.

– Есть серьезные вопросы... – начал Орест.

– Предоставь иметь с ними дело мне, твоей сестре и старейшинам.

– Я сын своего отца, – сказал Орест.

– Наверное, стоит тебе помолиться, чтобы это бремя с тебя сняли. Быть может, это последнее желание, какое выполняют боги.

Ореста трясло. Он заплакал.

– Ты будешь жить с тем, что наделал, – произнес Леандр. – То, что ты

наделал, – это все, что у тебя есть. Но теперь сестра моя беременна, и ты на ней женишься и будешь о ней заботиться. Но более ничего. Так решено: ты больше ни во что не вмешиваешься.

* * *

Когда объявили, что Орест и Ианта женятся, Ианта и ее брат настояли на своем: свадебная церемония должна быть краткой и закрытой. Она состоялась в маленькой комнате вдали от большого зала собраний, в дворцовом саду. После обмена клятвами все молчали. Орест почти ощущал, как его сестра, жена и Леандр озирались в тишине, чуткие к именам мертвых, чуткие к тем, кто убит, чье отсутствие напитало воздух.

* * *

За трапезами, когда старейшины уходили из дворца и посыльные не появлялись, Леандр с Иантой открыто беседовали о своих родителях, дедах и двоюродных родственниках. В голосах у них была простая скорбь, а также гордость. Раз или два Орест ловил себя на том, что смотрит на Электру, подумывал, можно ли и им с ней заикаться об их сестре или родителях, даже просто произносить их имена или вспоминать что-то, сделанное или сказанное ими, но по склоненной голове Электры рассудил, что такому не бывать.

Однажды, заметив, что стражник, с которым они освобождали Теодота и Митра, ведет строй узников из темницы, набитой теперь битком, в другое училище, Орест захотел остановить его и спросить, кто сказал ему, где содержались те двое, и как Электре удалось так быстро узнать, что случилось. Он почти изговорился обвинить стражника в пособничестве сестре, и тут до него дошло, что стражник отправит его спрашивать прямоком у Электры. Орест понимал: у Электры он ничего выяснять не будет. На миг они встретились взглядами, и Орест заметил вину, едва ли не стыд на лице у стражника, когда тот проходил мимо, ведя заключенных.

Ианта еженощно готовила постель в его комнате, но ненадолго уходила к Электре и возвращалась с новостями или с каким-нибудь свежим соображением, каким с ней поделилась Электра. Оресту нравилось трогать ее живот, просить ее вообразить, какая это часть тела ребенка, мальчик это или девочка.

Однажды ночью Ианта сказала ему, до чего скоро, как она думает, родится ребенок, и Орест изумился. Она придвинулась к нему и зашептала:

– Электра – единственная, кто об этом осведомлен. Леандр не знает, и твоя сестра посоветовала мне не говорить ему – и тебе тоже.

Орест напрягся, решив, что повитуха, приходившая во дворец, сказала Ианте и Электре, что ребенку грозит опасность или, возможно, он не выживет.

– Ни за что не говори Электре, что я тебе рассказала, – промолвила Ианта. – Она взяла с меня слово, что я скажу тебе лишь о том, что ребенок может родиться до срока.

– В смысле?

– Когда ты меня нашел, я уже была беременна, – прошептала Ианта.

– Уверена?

– Да, уверена. Я это чувствовала, уже тогда. Мать и бабушка говорили мне, что я почувствую. Когда я пришла во дворец, поначалу сомневалась, но скоро уже нет, скоро я уже знала точно.

– С кем ты была?

– Они взяли меня силой, те люди, взяли силой, пока все, включая деда, смотрели, а затем смотрела я – как их всех убивают и старательно складывают, как ты видел. Я решила, что меня убьют последней, и ждала. Но меня бросили и не вернулись, и я нашла место под трупами. Хотела быть с теми, кто погиб, чтобы меня погребли с ними.

– Я не отец ребенка? – спросил Орест.

– Вряд ли то, чем мы занимаемся в темноте, может привести к беременности. Чтобы это случилось, нужно иначе.

Орест обнял ее, но промолчал.

– Этого я Электре не говорила, – произнесла Ианта. – И не скажу. – Она вздохнула и обняла его. – Когда я поняла, что у меня ребенок, – продолжила она, – я готова была расшибить себе голову о камень на улице или добыть нож. Готова была на все это, пока твоя сестра не начала меня мыть, ко мне прикасаться и пока ты не начал меня обнимать, а тут вернулся мой брат. Но теперь я тебя оставлю. Свадьба – зря. Я попрошу семью матери в деревне, пусть приютят меня. Буду прибираться у них, делать, что могу. Рожу там. Ребенок уже шевелится. До деревни дойду.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – сказал Орест.

– Ты не захочешь меня, когда будет ребенок.

– Ты видела человека, который этому причина? – спросил он, прикасаясь к ее животу. – Ты видела его лицо? Знаешь его имя?

– Их было пятеро, – сказала Ианта. – На меня напали они все. Не кто-то один.

– Но ребенок – в тебе, а не в них, – проговорил Орест. – Они все мертвы. Их всех убили.

– Да, ребенок – во мне.

– И ребенок зрел в нашем доме – и родится в нашем доме.
– Нет, не родится он здесь. Я уйду.
– Это моя сестра хочет, чтобы ты ушла?
– Я ей не говорила, что уйду.
– Но я твой муж. Я не хочу, чтобы ты уходила.
– Ты не захочешь этого ребенка.
– Это ребенок, который вызрел в тебе. Это твой ребенок.
– Но не твой.
– Он зрел в тебе, пока я тебя обнимал. Он рос по ночам, когда ты была здесь, со мной.
– Я не могу рассказать брату, – произнесла Ианта. – Не могу рассказать ему вообще ничего. Это все чересчур.
– Ты должна сказать Электре, что и мне ничего не говорила.
– Когда ребенок родится, – сказала Ианта, – ты будешь думать о тех людях. Вот о чем ты будешь думать.
– Моя сестра хочет, чтобы ты родила и осталась? – спросил Орест.
– Да, но она хочет и чтобы я не говорила тебе, что случилось.
– Но хочет, чтобы ты осталась.
– Да.
– Значит, так ты и поступишь. Нельзя, чтобы кто-то еще...
Он чувствовал, что давится, пытаюсь не заплакать.
– Орест, что? Не слышу тебя.
– Нельзя, чтобы кто-то еще сгинул. Я потерял сестру, потерял отца и...
Он помедлил, а затем прижал ее к себе.
– Моя мать бродит ночами по коридорам.
Ианта выпрямилась и огляделась.
– Ты видел свою мать? – спросила она. – Ты ее видел?
– Нет, но она здесь. Не каждую ночь и ненадолго, но какая-то часть ее бывает здесь, а затем удаляется.
Иногда она близко. Сейчас она близко.
– Чего она хочет?
– Не знаю. Но я не могу – мы не можем – потерять еще хоть кого-нибудь. Довольно уже смертей.
– Да, – сказала она, – довольно уже смертей.

* * *

В последующие недели, бродя между своей спальней и комнатой, где собирались остальные, где проводила дни и Ианта, где было полно посетителей и посыльных, где царил голос Леандра, а шрам у него на лице

частенько краснел, когда Леандр выкрикивал приказы, Орест начал ощущать враждебность старейшин. Ему здесь не были рады, он видел это, – и нигде он не требовался, если не считать случаев, когда Электре нужно было что-нибудь повернуть, но она предпочла бы не делать этого своими руками, или когда Леандру понадобилось сбежать с Орестом – чтобы сберечь Митра.

Когда входил в какую-нибудь комнату – видел, что никто не поднимает голову, а люди протискиваются мимо него. Он мог оставаться, если хотел, а мог вернуться к себе и ловить звуки дня из коридоров, полностью осознавая, что к нему они не имеют никакого касательства. Он догадывался, что по сравнению с тем, что случилось, эти звуки не имели значения – или, возможно, не имел значения он сам. Подобно посыльным, что появлялись и исчезали со срочными донесениями, сам он, как ему виделось, принес свою пользу. Он доказал им, что он – тот, кто способен на что угодно.

Однако теперь он жил в тених, проводил дни в блеклом отзвуке.

Ложась вечерами с Иантой, он чувствовал, что и она отдалилась, и ребенок в ней отдалился, ребенок, которого он поначалу считал своим, ребенок, которому он был бы призрачным отцом, поскольку настоящий отец, кем бы ни был, повержен во прах.

Ианта заметила его тоску и предложила ему оставаться подольше, когда он приходит в зал совещаний, на беседы Электры, Леандра, Эгиста и старейшин. Несколько раз он порывался встать и уйти, но она давала ему знак, чтоб остался с ней, чтоб слушал.

Они обсуждали, что делать с рабами, которых когда-то привел его отец, много лет назад. Рабов приставили к работе – расчищать поля от камней, рыть обводнительные каналы, но теперь, после победы Леандра, рабы бродили по окрестностям шайками, грабили селения и нападали на дома.

Орест слушал и удивлялся, что никто не предложил послать войска, окружить рабов, поубивать их вожakov и загнать рабов трудиться. Незадолго до этого, несомненно, таково было бы мнение Эгиста и матери – и даже, возможно, именно это проделал бы его отец, с согласия старейшин. Но теперь Эгист говорил о землях, где было изобилие родниковой воды, но никакого обводнения, и что те земли очень нуждались в обработке.

Эгист описал это, и Леандр предложил, что землю нужно отдать не только рабам, но и тем, кого выслали вместе с ними и у кого не было своих семей. Следует поделить землю на маленькие участки, чтобы у каждого был свой. Тут Электра сказала о семенах и инструментах, которые можно раздать, и какие посевы растить. Кто-то из старейшин напомнил им, что

некоторые рабы – в неволе поблизости и их, вероятно, можно выпустить, но тут вмешался Эгист и сказал, что некоторые из тех рабов опасны и их следует выпускать по двое или по трое, предварительно как следует составив эти двойки и тройки. Он к тому же считал, что рабов, бродивших по округе, следует переместить на эту новую землю силой, поскольку по доброй воле они не пойдут.

Кое-кто, сказал он, даже надеется, что их отправят на родину, а этого произойти не может, раз их землю заселили солдатами, воевавшими против них.

Под конец, когда Леандр вяло спросил Ореста, есть ли ему что добавить, тот покачал головой. Но прежде заметил, как отвели взгляд старейшины, как Электра с Эгистом занялись чем-то еще. Орест задумался, не привлек ли Леандр внимание к нему лишь в насмешку.

Но, оказавшись с ними вместе, он, поскольку слушал пристально и не отвлекался на то, что́ будет говорить сам, обнаружил, что способен с точностью запоминать предыдущий довод или решение, которые все упустили из поля зрения. Когда происходило сложное обсуждение или возникало частное свидетельство, противоречившее другим, Оресту удавалось запомнить то, что все остальные забыли или же помнили смутно. Несколько раз он приготовился возразить, сообщить, что именно было сказано или о чем условлено. Но, замечая, что им нет дела до его слов, он не вмешивался.

Он не просто принимал во внимание их самих и слова, какие они употребляли, но и смотрел на каждого, чувствовал их присутствие в комнате – присутствие людей, обращавшихся с этими же вопросами в прошлом иначе. Он чуял, что витают здесь и дух отца, и духи Теодота и Митра, и прочие духи, чьих имен он не знал.

Но более всего он видел в комнате мать – и видел ее в Электре. Видел лицо матери, слышал ее голос, когда смотрел на сестру или слушал ее речи. И тогда замечал призрачное присутствие или перемену света – и сознавал, что это мать. Орест брал Ианту за руку, прижимал к себе, чтобы это возмущение таяло и воздух вновь успокаивался.

* * *

Орест не удивился, когда однажды вечером Леандр явился к нему в комнату, пока Ианта была с Электрой. Орест почти ждал его. В полусвете заметил, что шрам у Леандра побелел по краям и казался едва ли не разверстым, как губы.

– Ночью стражники слышали в коридоре голос, – сказал Леандр. –

Поначалу, говорят, было лишь возмущение воздуха. Прошлой же ночью они прибежали ко мне, потому что слышали женский голос.

– Что она сказала?

– Назвала твое имя. Стражник услышал, как она произносит твое имя, и, перепугавшись, прибежал ко мне. Я вышел и заметил, что в коридоре холодно. Больше ничего.

– То есть ничего не было?

– Орест, стражник видел твою мать. Это была твоя мать. Он знал ее – и полностью различил. Слышал ее голос и спросил, не желает ли она тебе вреда.

– И что она ответила?

– Сказала, что вреда тебе не желает, но ты должен выйти в коридор один. Я устроил так, что сегодня ночью стражи на постах не будет. Несколько часов посреди ночи в коридоре не будет никого.

– Моя сестра знает?

– Знают только стражники, слышавшие ее голос, – и я.

– Ты будешь рядом?

– Я буду у себя в комнате.

– Что мне сказать Ианте?

– Попроси ее остаться с твоей сестрой. Срок ее близок, поэтому, возможно, ей надо быть с твоей сестрой. Я скажу Электре, что повитухе послали весть и что Ианте лучше перебраться к Электре. Ты будешь один.

– Ты уверен, что мне стоит это сделать? – спросил Орест. – Ты уверен, что это не ловушка, устроенная Эгистом или кем-то из наших врагов?

– Клянусь памятью деда, которого я любил, что верю: по коридору ходила твоя мать.

* * *

Они поели с Электрой и Иантой, словно ничего странного не происходило. Когда ужин завершился, Орест с Леандром удалились. Шагая мимо стражников в коридоре, Орест заметил, какими встревоженными они казались. У дверей своей комнаты Леандр заключил его в теплые, знакомые, уютные объятия, затем выпустил и двинулся по коридору в свою комнату. Орест ждал один, проверяя по временам, на посту ли стража.

Увидев, что их больше нет, он стал ждать в коридоре, не уверенный, надо ли ему стоять неподвижно или же расхаживать туда и сюда, смотреть, не явится ли она.

Он вернулся и помедлил при входе в комнату; ничего не происходило. Ни звука, ни перемены воздуха. Он сделал несколько шагов, возвратился.

Как иногда бывало, когда он оставался один среди ночи, его сейчас навестили далекие звуки зверей, вывших от ужаса, а следом – истошные вопли телок, затем – запахи крови, и страха, и сырых потрохов, запахи, что вздымались от места жертвоприношения. А потом его сестра, облаченная в белое, и ее крики – и крики матери.

Эти звуки явились ему сейчас, и он огляделся. Сдвинулся в середину коридора – и вот она, его мать. Она говорила слова, которых он не мог разобрать. Прошептал ей, что он – Орест, ждет ее. Внезапно две руки крепко вцепились ему в запястья, Ореста закружило. И руки разжались. Он знал, что должен шептать, звать нельзя, иначе он потревожит Электру или Ианту.

– Я здесь, – прошептал он.

Когда мать возникла вновь, она была в белом, будто для свадьбы или для пира. Оказалась юнее, чем он ее помнил. Удалялась от него, он шел следом, затем замер, и она замерла.

– Я Орест, – прошептал он.

– Орест, – прошептала она.

Теперь он отчетливо видел ее. Лицо стало еще моложе.

– Здесь никого нет, – прошептала она.

– Здесь есть, – сказал он. – Здесь я. Это я.

– Никого, – сказала она.

Повторила «никого» еще дважды, а затем, когда ее образ начал меркнуть, когда тени вокруг нее окрепли, ему показалось, что было ей некое страшное внезапное озарение о том, что случилось, о том, как она умерла. Она посмотрела на него изумленно, затем с болью, а потом страдальчески охнула – и исчезла.

Почувяв холодный ветер в коридоре, он понял, что она не вернется.

* * *

Он сколько-то подождал один, в тишине, а когда убедился, что мать исчезла безвозвратно, отправился в комнату к Леандру. В ней никого не было. Пробежал по всему коридору к сестре и Ианте, но не смог их найти. Вновь вернулся в коридор, отправился в комнату к Эгисту: тот был в постели со стражником – с тем, что приходил к Оресту с сообщениями якобы от Леандра. Орест спросил, где Леандр, Эгист ответил, что Леандр выкликал имя Ореста в коридоре некоторое время назад и следует спросить у стражи в коридоре, куда Леандр пошел.

– В коридоре нет стражи, – сказал Орест.

Эгист, казалось, готов встревоженно броситься к двери, но подал

стражнику знак, чтоб пошел проверить.

– Они на своих обычных местах, – сказал стражник, выглянув в коридор.

Проходя мимо стражника, Орест оглядел его с головы до пят и отчетливо дал ему понять: с ним так или иначе, когда придет час, разберутся.

Когда Орест оказался в коридоре, к нему тут же подступили двое стражников.

– Леандр ищет тебя, – сказал один. – Он послал стражников на поиски.

– Его нет в комнате, – отозвался Орест.

– Он с сестрой. Она рожает, – сказал стражник.

– Где она?

– В новой комнате.

Стражник проводил его в комнату, которую обновили для Ианты и ребенка. Ианта разметалась на ложе. Ее обнимала и успокаивала Электра. Леандр стоял рядом.

– Мы не могли тебя отыскать, – сказал Леандр.

– Я был в коридоре, – промолвил Орест.

– Мы были во всех коридорах, – сказал Леандр. – Никто не смог тебя найти. Была спокойная ночь, пока не начались схватки. Тебя не оказалось в комнате – и нигде, мы послали стражников на поиски – и за повитухой.

Ианта закричала. Она не справлялась с дыханием. Электра отбросила ей волосы со лба, отерла лицо холодной водой, погладила.

– Еще недолго, – говорила она. – Повитуху ждать недолго.

Леандр дал знак Оресту, что им лучше выйти. Орест подумал, до чего странно это – несколько мгновений назад он отчаянно желал отыскать Леандра, доложить ему, что увидел, но теперь, когда они шли к ступеням дворца, чтобы там ждать стражников с повитухой, пока загорался свет восхода, обращая камни в багрянец и золото, то, что случилось, словно поблекло, как блекла сама темнота.

Он двигался рядом с Леандром, положив руку ему на спину, молча. Даже когда они завидели стражу, что поспешала, ведя под конвоем повитуху, они не заговорили. Но когда та взобралась по ступеням, Леандр сказал страже, пусть ждут у дворцовых дверей, а они с Орестом отведут повитуху туда, где ждали Ианта с Электрой.

– Она вовремя, – прошептал Леандр Оресту. – Она здесь вовремя.

Они отвели ее в комнату, встали в дверях, тревожно поглядывая друг на друга, когда Ианта вновь закричала от боли. Женщина осмотрела ее и велела мужчинам уйти вон.

Им оставалось лишь ждать, они слушали шумы людей, готовившихся ко дню, а затем голоса изнутри – Электры и повитухи, они успокаивали Ианту, а ее стоны отчетливо неслись им в спины, пока они шли вместе по коридору.

Выбрались наружу, встали на лестнице, впитывая свет восхода – теперь он стал полнее, завершеннее, как всегда будет, когда начинается день, неважно, кто возник, кто исчез, кто родился, кого забыли или помнили. Со временем происшедшее не будет преследовать никого, никому не будет принадлежать, когда сами они переберутся во тьму и в непреходящие тени.

Орест предложил Леандру вернуться и подождать возле комнаты. Леандр кивнул, прикоснулся к плечу Ореста. Едва ли не опасаясь смотреть друг на друга, они вернулись в коридор и встали вместе, без единого слова, слушая каждый звук.

Благодарности

Этот роман в значительной мере опирается на воображение и не имеет корней ни в каком тексте. Разумеется, некоторые персонажи и многие события «Дома имен» не упоминаются ни в одной ранней версии этой истории. Однако главные герои – Клитемнестра, Агамемнон, Ифигения, Электра и Орест, – а также порядок повествования взяты из «Орестей» Эсхила, «Электры» Софокла и из Эврипидовых «Электры», «Ореста» и «Ифигении в Авлиде».

Я благодарен многочисленным переводчикам этих пьес, особенно Дейвиду Грину, Ричмонду Лэттимору, Роберту Фэйглзу, У. Б. Стэнфорду, Энн Карсон, У. С. Мервину, Дженет Лембке, Дейвиду Ковачу, Филипу Веллакотту, Джорджу Томсону и Роберту У. Корригэну.

Я также благодарен моему агенту Питеру Стросу; Катрионе Кроу, Робинсону Мёрфи и Эду Малхоллу, читавшим эту книгу по мере работы над ней; Натали Хейнз и Идит Холл; Мэри Маунт в издательстве «Пенгуин», Великобритания; Энджеле Роуэн – как всегда; Нэн Грэм и Дэниэлу Лоделу в «Скрибнере», Нью-Йорк.